БОЛЬШЕВИК

N 5—6

ИЮНЬ

1 9 2 4

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая. Значение XIII съезда РКП 3

Н. Бухарин. II Интернационал под флагом „левого коммунизма" 16

А. Лозовский. Международное рабочее движение и III конгресс профинтерна 26

А. Стецкий. Завершение денежной реформы 33

Ив. Капитонов. Безработица в Советском Союзе 43

А. Кравченко. Из дневника занятий с „ленинцами" 53

В. Астров. О „скептицизме", „критике" и собачьей старости 68

Ил. Вардин. „Углубленные" ошибки т. Мартынова 79

Петров. С „исправленным" Марксом 89

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

П. Фрейлих. Политические партии в Германии и выборы в рейхстаг . . 102

Альбер Трен. Выборы во французский парламент и революционные перспективы 112

Реммеле. Итоги съезда германской коммунистической партии 124

Крестьянский интернационал 132

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

И. Флеровский. Я. Яковлев. Наша деревня 136

Ив. Струве. А. С. Мартынов. Ленин и аграрный вопрос в России 142

Ил. Вардин. Н. К. Крупская. О Владимире Ильиче 144

Несовременный „Современник" 146

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строка*	*Напечатано.*	*Надо.*
88	4	организованные черты	организационные черты
89	Вверху	Петров.	Н. Петров.
139	2	опасность. Выдвигая	опасность, выдвигая
140	14	одна с другой, интересовались, как бы	одна с другой, интегрировались, как бы
140	28	: середняк дает	: середняк тает
140	10 (снизу)	система законов, и налоговая система наша на бумаге	система наша на бумаге
141	20	остановиться в брошюре	остановиться на брошюре
11	25	к ним писателя	к ним читателя

Главлит № 21756. Тираж 27.000 экземпл.

Типогр. „Красный Пролетарий" Изд-ва „Красная Новь". Пименовская ул., д. 1/16.

Значение XIII съезда РКП.

В апреле 1923 года, когда собрался XII съезд Российской коммунистической партии, мировая политическая обстановка характеризовалась следующими основными явлениями: мировой фашизм все еще шел по восходящей линии, реакция, казалось, безраздельно царствовала во всей Европе. В Лондоне командовал Керзон, в Париже—Пуанкаре, в Берлине стоял у власти Куно,—прямой ставленник крупной буржуазии, а итальянский фашистский диктатор находился на самом верху своей славы и могущества.

Европейская реакция чувствовала себя настолько прочно, что она дерзнула сделать два резких вызова по адресу Советского Союза. Нота Керзона и убийство тов. Воровского должны были свидетельствовать о том, что в Европе командующей силой продолжает быть фашистская реакция. Руководящий орган русских черносотенцев «Новое Время» выстрел в тов. Воровского охарактеризовал, как первый выстрел европейской контрреволюции, как начало серьезного наступления на республику Советов со стороны фашистско-буржуазной реакции. Рабочее движение только еще подавало слабые признаки оживления, только отдельными своими выступлениями намечал пролетариат переход от обороны к наступлению на капитал.

Внутреннее положение Советского Союза в период XII съезда характеризовалось значительными успехами как по линии экономической, так и по линии политической. Сельское хозяйство и промышленность уже явно к этому времени вышли из состояния хронического кризиса и медленно, но неуклонно поднимались в гору. Политическое положение Советской власти и коммунистической партии было непоколебимо. В сознании и в настроении рабочего класса и широких кругов трудящихся наметился явный перелом в пользу коммунистической партии и Советской власти. После ужасных годов гражданской войны, после небывалых испытаний голода, холода, болезней рабочий класс, на основе новой экономической политики, получил первое, само по себе незначительное, но по сравнению с ужасным прошлым все-таки весьма существенное улучшение материального положения.

Вопрос о хлебе уже тогда для рабочего класса почти-что не стоял. Это улучшение материального положения позволило рабочему классу спокойно взвесить все минусы и плюсы своей власти и безоговорочно, во всех своих частях, встать на ее поддержку. В период XII съезда руководители коммунистической партии могли констатировать как бы вторичное завоевание широчайших кругов рабочего класса на сторону коммунизма.

Но затруднений на пути Советской власти было и в этот период более, чем достаточно. Основные затруднения заключались в явлении, которое на XII съезде получило образное название «ножниц». Цены на продукты сельского хозяйства отставали от цен на продукты городской промышленности. Это обстоятельство грозило срывом смычки между рабочим классом и крестьянством. Одновременно целый ряд отраслей промышленности, вследствие их слабой организации, неумения приспособиться к рынку, работал в убыток.

Внутри и около партии выявились первые признаки болезненного состояния. Внутри партии отдельные товарищи, которые обычно выступали в роли оппозиционеров, и на этот раз стали возвышать свой голос против «официального курса». Ничего определенного, ничего конкретного, никаких ясных требований эти товарищи в тот период партии не предъявляли. Но тенденция к повороту на «новые» рельсы, тенденция к ревизии ленинизма, тенденция к «смягчению» диктатуры выявилась в период XII съезда совершенно явственно. И наши политические враги, с вполне понятным волнением и известными надеждами следившие за нашими внутрипартийными спорами, позицию «критиков» расценили именно как попытку начать ликвидацию диктатуры.

Около партии и отчасти внутри партии оформились ко времени XII съезда явно ликвидаторские, ренегатские группы, как «Рабочая Правда» и «Рабочая Группа».

Такова была та обстановка, в которой приходилось работать XII съезду—и работать без Ленина! Партия надеялась, что Ленин может поправиться. Центральный Комитет, в ожидании улучшения здоровья своего руководителя, отложил созыв съезда на месяц. Но положение больного вождя не улучшалось, и съезду пришлось собраться без Ленина. Но в своей работе он опирался не только на программные и тактические основы ленинизма, не только на тридцатилетний опыт борьбы под руководством Ленина, но и на практическую программу, незадолго перед съездом намеченную тов. Лениным. Программа эта была изложена в знаменитой статье о рабкрине.

Исторические задачи, стоявшие перед партией, XII съездом были разрешены правильно. Жизнь целиком оправдала те основные решения, которые были приняты съездом. Ни внутренняя оппозиция, ни внешние враги партии не решались утверждать,

что съездом были допущены большие принципиальные ошибки—с точки зрения сохранения и упрочения пролетарской диктатуры. Взрыв бешенства и ненависти, вопли разочарования, раздавшиеся в стане врагов революции в итоге работ XII съезда, блестяще свидетельствовали о том, что партия пошла по единственно правильному пути.

* * *

В мае 1924 года, когда собрался XIII съезд Российской коммунистической партии, мировая политическая обстановка характеризуется следующими основными явлениями:

Мировой фашизм, мировая реакция вступила в полосу кризиса. Она явно стоит на ущербе. В крупнейших странах Европы в настроении широких пролетарских и мелкобуржуазных масс произошел заметный перелом. В центре реакции, во Франции, правительство Пуанкаре и Мильерана, правительство воинствующего крупного капитала, должно было уступить место правительству левого блока—блока средней и мелкой буржуазии и части рабочего класса.

Правительство Керзона и Болдуина, правительство великобританской воинствующей реакции, вот уже 6 месяцев, как вынуждено было сдать власть правительству английской рабочей партии—правительству «умеренного» империализма.

В Италии выявились первые явные признаки недовольства масс фашистским режимом. Внешним отражением этого факта является, с одной стороны, необычайно резкая борьба между оппозицией и правительственной партией в итальянском парламенте, с другой стороны, резкие внутренние трения и конфликты в самой фашистской партии. Классовая борьба внутри этой партии принимает совершенно конкретные формы. Фашистские профсоюзы все чаще приходят в резкое противоречие с общей политикой фашистского правительства.

Парламентские и коммунальные выборы в Чехо-Словакии, Дании и ряде других стран свидетельствуют об общем значительном сдвиге влево в политических настроениях широких масс.

Своеобразное положение мы имеем в Германии. Выборы 4 мая ослабили те срединные партии, которые в других странах Европы выдвигаются на передний план. В выборах потерпела серьезнейшее поражение социал-демократия, потерпели сильную неудачу другие лево-буржуазные партии. Выборы усилили партию революции (коммунисты) и партию воинствующей реакции (националисты). Но ни партия революции, ни партия реакции для данного момента не располагают еще достаточными силами для того, чтобы начать прямую борьбу за власть.

В результате неустойчивое положение сохраняется, у власти осталось промежуточное правительство Маркса—правительство лево-буржуазных партий, поддержанное социал-демократией.

В Америке сдвиг влево выразился в том, что мелкая буржуазия создает свою среднюю третью партию, на-ряду с двумя основными партиями буржуазии—республиканской и демократической.

В Японии на выборах победила оппозиция, выражающая интересы буржуазии. Правительство крупных феодалов и дворцовой камарильи уже подало в отставку, и его место заняло умеренно-буржуазное правительство виконта Като.

О чем все эти факты говорят? В мире создалась новая социально-политическая обстановка. Эпоха капиталистической реакции, эпоха капиталистического наступления на рабочий класс, продолжавшаяся весь 1921, 1922 и первую половину 1923 года, сменяется новой эпохой, которая будет характеризоваться усилением, расширением, укреплением революционного рабочего движения.

Реакция вынуждена делать первые уступки новым настроениям. Крупный капитал вынужден сделать шаг назад и согласиться на выдвижение вперед более умеренных буржуазных партий и «рабочей» социал-демократической партии.

Как в 1919—20 гг., так и в открывающуюся перед нами эпоху социал-демократия, в союзе с левым крылом буржуазии, должна спасти могущество крупного капитала от напора рабочего класса, задержав начавшееся движение исключительно на реформистские рельсы.

Но буржуазия в настоящее время имеет значительно меньше шансов на спасение при помощи социал-демократии. Во всех без исключения капиталистических странах со все возрастающей силой действуют коммунистические партии. На фоне общего полевения растут и укрепляются партии революции. Если в 1919—1920 гг. в Европе была революционная обстановка, но не было революционной партии, то в открывающуюся революционную эпоху рабочий класс Запада революционную партию иметь бесспорно будет. Боевой силе крупного капитала—фашизму—противостоит боевая сила пролетариата—коммунизм, большевизм.

В значительной степени под влиянием изменяющейся мировой общественно-политической обстановки складывается общественно-политическая обстановка и в Советском Союзе. Оживление рабочего движения Запада, частичное отступление мировой реакции, выдвижение вперед партий соглашательских,—все эти объективные признаки некоторого ослабления воинствующего мирового империализма совершенно естественно учитываются пролетариатом советских стран. Правительство пролетарской диктатуры, считаясь с изменяющейся в революционную сторону мировой обстановкой, может действовать уверенно, может быть менее уступчивым...

Проходит эпоха, когда история основные вопросы решала эволюционно. На смену ей идет новая эпоха, когда история

будет решать вопросы революционно. Страны пролетарской диктатуры не останутся в стороне от приближающихся мировых битв. Строительство в Советском Союзе под влиянием новой обстановки естественно пойдет более ускоренным темпом и с меньшими уступками капиталистическим началам. Под влиянием изменяющейся мировой обстановки политические и экономические позиции советского государства усиливаются.

Чем характеризуется внутреннее положение Советского Союза? Мы имеем бесспорные значительные успехи, даже по сравнению с периодом XII съезда, как по линии экономической, так и по линии политической. Производство в сельском хозяйстве и промышленности расширилось, денежная реформа проведена, транспорт прочно стоит на ногах, с топливом дело благополучнее, чем когда-либо после начала войны. Ножницы сжаты.

Но, разумеется, достаточно и затруднений. Основное—смычку с крестьянством устанавливает частный торговый капитал. Государство и кооперация сильно отстают. Создается большая политическая опасность для пролетарской диктатуры. В городе партия и рабочий класс стоят перед новой труднейшей проблемой безработицы.

Внутреннее политическое положение характеризуется усилением активности основных классовых сил. Усиление политической активности рабочего класса нашло свое выражение в ленинском призыве, в разнообразнейших организациях, основанных на самодеятельности, в безостановочном росте этих организаций, росте всех вообще объединений рабочего класса,—партийных, профессиональных, комсомольских, пионерских, культурно-просветительных... Показателем большого политического и культурного роста трудящихся является значительное увеличение распространения печати... В работу по линиям партийной, советской, профессиональной втягиваются значительные отряды молодых сил, выросших в революции, ею воспитанных, ею заряженных для великой борьбы и работы во имя грядущего.

Затруднение, пока незначительное, но при нашей невнимательности могущее вырасти в большую опасность, заключается в усилении политической активности новой, городской и сельской буржуазии. Выражающая настроения и интересы буржуазии часть интеллигенции пытается начать борьбу во имя устранения ее политического бесправия. Старые, разбитые в революции политические партии пытаются нащупать новую почву и на новой основе, уже при поддержке вырастающей на основе новой экономполитики буржуазии, добиться осуществления своих целей.

Признание Советского Союза рядом капиталистических держав—одно из свидетельств усиления пролетарской власти и ослабления воинствующего империализма. В чем его всемирно-историческое значение? Признание дается в момент отступления фашизма и начинающегося наступления рабочего класса. Признание

Советского Союза является признанием революции. Оно происходит после провала интервенции, после краха генуэзской попытки мирным путем заставить нас сдать мировому капиталу наши основные позиции. Признание дается после того, как «неисправимость» большевиков стала для всех очевидной. При этих условиях признание Советского Союза означает признание со стороны буржуазии, что она не в состоянии заделать брешь, произведенную Октябрьской революцией в здании мирового империализма.

Когда в 1920 году Антанта признала республику грузинских меньшевиков, буквально на другой день после этого на правительственном здании в Тифлисе было снято красное знамя и водружено трехцветное национальное знамя. Признание нас капиталистическими государствами означает не свертывание, а расширение и усиление влияния красного знамени революции.

Но это же признание, установление «нормальных» отношений с руководящими капиталистическими государствами вызывает появление новых, *добавочных* опасностей (напр., усиление экономического нажима мирового капитала в направлении нашего частнохозяйственного перерождения).

* * *

В 1921—23 гг. фронт советских республик примыкает к отступающему фронту мирового пролетариата. Весной и летом 1924 года фронт пролетарского Советского Союза примыкает к мировой пролетарской армии, от обороны переходящей в наступление. Новая эпоха в мировом рабочем движении начинается со второй половины 1923 года. Осеннее поражение германского пролетариата не меняет исторической обстановки. Это поражение явилось эпизодом приблизительно такого же значения, как наш Брестский мир. После своего поражения наша германская партия получает на выборах около четырех миллионов голосов и открыто идет к захвату власти.

Мы шли под знаком подъема и внутри, и вовне. Поэтому партия оказалась в силах парализовать, преодолеть внутреннюю оппозицию, отражавшую влияние новой буржуазии на наименее устойчивые элементы партии.

Центральный Комитет большевистской партии предстал перед съездом с блестящим итогом проделанной за год работы, с ясным представлением о существующих опасностях и новых проблемах, с общим планом преодоления этих опасностей, решения очередных проблем.

Как выполнил поставленные историей задачи съезд партии, навсегда оставшейся без Ленина?

Вопросы внутренней торговли и кооперации—заявил съезд—«становятся *центральными* на целый период времени. От

правильной политики партии в этих вопросах будут зависеть дальнейшие успехи хозяйственного строительства Союза ССР». По существу вопроса о внутренней торговле в резолюции съезда, между прочим, читаем:

> «Чем больше развиваются производительные силы страны, чем богаче становится СССР продуктами промышленности и сельского хозяйства, чем более вовлекается в общую хозяйственную жизнь крестьянское хозяйство,—тем большее значение приобретают вопросы товарооборота, и тем настоятельнее необходимость планомерного руководства рынком со стороны Советской власти.
>
> Распыленное состояние мелкого крестьянского хозяйства делает в данный момент неизбежным обслуживание его в весьма значительной части частным торговым аппаратом. Партия, однако, опираясь на национализированную промышленность и транспорт, на государственную организацию кредита, монополию внешней торговли и государственную организацию оптовой торговли, а также на развивающуюся кооперативную сеть, должна стремиться *систематически и в возрастающей степени подчинять своему руководящему влиянию весь процесс рыночного товарооборота, снабжения и распределения*».

Далее резолюция подчеркивает, что «основными методами в деле овладения рынком должны явиться *не меры административного воздействия*, а усиление экономических позиций государственной торговли и кооперации». Суть вопроса заключается в том, что мы не можем допустить сокращения товарооборота, не можем оставлять крестьянина без нужных ему предметов. Если мы административными мерами «притесняем», «сокращаем» частную торговлю в то время, когда у нас не налажена государственная и кооперативная торговля, то тем самым мы способствуем сокращению товарооборота, оставляем крестьянина без нужных ему предметов,—иными словами, наносим ущерб народному хозяйству, и вызываем законное недовольство крестьянина. Но если у нас наш государственно-кооперативный торговый аппарат налажен, если мы можем снабжать потребителя дешевле, чем частный торговец, и товарами лучшими, чем он, тогда частный капитал будет побит наиболее нормальным, т.-е. экономическим путем. Тогда меры административного воздействия не понадобятся: купец сам ликвидирует свое предприятие и поступит к нам на службу.

Переходя к вопросу о кооперации, съезд говорит:

> «Развитию социалистического хозяйства и непосредственной смычке государственной промышленности с крестьянским хозяйством ставится прямая угроза в виде еще нераз-

витого рынка, но уже в большинстве захваченного частной торговлей. Создается противоречие,—когда промышленность находится в руках государства, а посредником между ней и крестьянином выступает частная торговля. Вот почему задача развития кооперации есть прежде всего задача вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создания сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью».

Противоречие необходимо ликвидировать: продукты государственной промышленности должны направляться в деревню по государственно-кооперативной торговой линии. Это и будет осуществлением действительной смычки между городом и деревней. Торговля в руках частного капитала—это подрыв смычки, это опаснейшая угроза установления политической смычки между буржуазией и крестьянством. Поэтому вопросы торговли и кооперации съездом объявлены центральными на ближайший исторический период.

Разрешение поставленной задачи возможно комбинированными действиями сверху и снизу. От центральной партийно-советской организации до деревенской партийно советской ячейки—по всей линии должна итти согласованная работа. Но успех всего дела зависит от правильности или неправильности работы на самом верху и на самом низу. Сейчас, когда на верху дана ясная директива, когда партийный съезд вынес ясные постановления, центр тяжести в решении вопроса перемещается на уезды и волости. Там нужно строить непосредственно связанный с крестьянином торговый аппарат. Там на месте нужно побить в мирной конкурентной борьбе частного купца. Там нужно мобилизовать все прогрессивные и культурные силы для кооперативного строительства. Там на месте необходимо оказать решительное политическое противодействие попыткам кулака увлечь за собою среднее и бедняцкое крестьянство.

В итоге—на очередь выдвигается грандиозная организационная, экономическая, культурно-просветительная, партийно-политическая работа в деревне. Все данные говорят за то, что в смысле организации и просвещения деревни нами сделано страшно мало, что первые вполне доступные и приемлемые для крестьянства шаги в направлении социалистического строительства не сделаны. Работа тут предстоит небывало-широкая и, по всем признакам, бесспорно плодотворная. У подавляющего большинства крестьянства нет таких интересов, которые бы ставили его в серьезное противоречие с городским, стоящим у власти пролетариатом. Нашей работой мы сможем достичь в деревне замечательнейших результатов. Свыше миллиона коммунистов и комсомольцев, опираясь на активное содействие

всего передового, что есть в рабочем классе и крестьянстве, опираясь на аппарат власти, на печать, школу, театр, культработу,—смогут твердо поставить—и поставят!—деревню на социалистические рельсы.

Вслед за В. И. Лениным, партийный съезд основным содержанием деревенской работы считает кооперативное строительство. Съездовская резолюция цитирует Ленина, который, между прочим, говорит:

> «Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую до известной степени имеем право третировать теперь при нэп'е так же,—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

Ставя в центре кооперативную работу, партия в деревне должна решить и ряд других важнейших очередных задач. В подробнейшей резолюции-инструкции съезд наметил всесторонний план работы в деревне. Гигантские силы партии и всего рабочего класса будут брошены на эту великую работу. Попытки буржуазии снова перетянуть на свою сторону крестьянство потерпят крах.

Следующий центральный вопрос съезда—о работе среди молодежи. Все огромное значение данного вопроса съезд мотивировал следующим образом:

> «В эпоху переходного времени вообще, мирно организаторского периода его в частности, в конкретных условиях так-называемой новой экономической политики в особенности,—проблема культурного уровня трудящихся вообще и кадрового коммунистического состава во всех областях хозяйственной, административно-политической и идеологической жизни в особенности является основной и центральной проблемой.
>
> Вопрос о том, победит ли социалистическая экономика, или культурное превосходство и навыки квалифицированных функционеров капиталистического общества (интеллигенции со старыми взглядами, торговцев, частных капиталистов и т. д.) заставит нас последовательно отступать и внутренно перерождаться,—этот вопрос будет решен в значительной мере в зависимости от того, удастся ли про-

летарскому государству в достаточной мере расширять круг кадрового коммунистического состава и обеспечить в прогрессивно возрастающей мере коммунистическую переделку подрастающих поколений. Поэтому вопрос о молодежи имеет поистине громадное значение».

Исходя из этой основной точки зрения, съезд подчеркивает абсолютную необходимость обеспечить «преемственность опыта, традиций и заветов основного капитала победоносного рабочего движения, который заключается, прежде и раньше всего, в нашей партии, а поскольку речь идет о прослойках внутри этой последней—в ее наиболее закаленной и опытной старой гвардии». Но этого мало. Необходимо, с другой стороны, чтобы основные кадры партии понимали всю важность вопроса о молодежи, чтобы они проявляли чуткость к новым запросам и понимание новых потребностей, возникающих среди молодежи.

Резолюция съезда дает ответы на все основные вопросы юношеского движения, имея в виду основную задачу, стоящую перед победоносным пролетариатом: «обеспечить... коммунистическую переделку подрастающих поколений».

В области внутрипартийных вопросов съезд прежде всего заявил:

> «Нашим лозунгом должно быть: добиться, чтобы в течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка. Этот лозунг должен в основном определить задачи всей нашей партийной работы на ближайший период».

Признав кампанию ленинского призыва законченной, съезд отметил, как ее существенный недостаток, слабое вовлечение в партию работниц и рабочей молодежи.

Съездом намечены следующие основные очередные внутрипартийные задачи:

1) Партийно-политическое воспитание и втягивание в государственную работу ленинского призыва.

2) Усиление и систематическое втягивание фабрично-заводских ячеек в производственную и вообще в хозяйственную работу.

3) Оживление работы Советов, профсоюзов, фабзавкомов, всестороннее содействие «развертыванию пролетарской общественности, иначе говоря, развертыванию подлинной рабочей демократии»,—содействие различным организациям, опирающимся на общественную самодеятельность пролетариата, — при условии непременного партийного руководства, разумеется.

4) Использование ленинского призыва для усиления нашей работы в деревне. Укрепление новых форм связи с деревней—землячества, рабочие общества по культшефству над деревней и т. д.

5) Систематическое усиление пролетарского ядра партии, прежде всего, за счет работниц и рабочей молодежи.

Далее, съезд наметил ряд практических задач в области печати, пропаганды, информации, распределения работников и т. д., и т. п.

Мы не подводим полных итогов работам съезда. В одной статье сделать это невозможно. Съезд затронул массу разнообразнейших проблем, вынес слишком много важнейших решений. Задачей всей партии, всех передовых элементов рабочего класса является внимательнейшее изучение основных материалов и документов съезда—в подлиннике. Главные доклады съезда дают исчерпывающую картину общественно-политической жизни не только Советского Союза, но и всего мира. Резолюции дают программу действий на ближайшие годы по всем основным направлениям. Вся партия имеет ясную директиву, прочную опору в своей многообразной, неслыханно сложной работе.

* * *

Подводя итоги прошлому и намечая новые пути, партийный съезд совершенно естественно уделил немало внимания оппозиции. Шесть месяцев, протекших со времени начала дискуссии, дали огромное количество фактов, подтвердивших глубокую ошибочность точки зрения оппозиции. Казалось, вопрос для настоящих партийных большевиков должен был быть ясным: допущена ошибка, нужно открыто ее признать. Докладчик Центрального Комитета тов. Зиновьев так именно и ставил вопрос. Он говорил:

> «Самое умное и достойное большевика, что могла бы сделать оппозиция,—это то, что делает большевик, когда ему случается совершить ту или иную ошибку,—выйти на трибуну партсъезда и сказать: я ошибся, а партия была права»...

Тов. Зиновьев подчеркивал, что признание со стороны оппозиции своих ошибок является единственным средством «действительно ликвидировать дискуссию и кончить ее раз и навсегда». Оппозиция в лице тт. Троцкого и Преображенского поступила как-раз наоборот: она осталась на своих старых позициях, она объявила решения XIII партконференции в отношении оппозиции неправильными, несправедливыми. В своей каучуковой речи тов. Троцкий в новых, еще более туманных, чем раньше, выражениях, но по существу в прежнем виде отстаивает основные мысли, формулированные им в его небольшевистской брошюре «Новый курс». Тов. Троцкий торжественно подчеркивал, что он подчинится решениям партии. Но это заявление немногого стоит: член

большевистской партии, не подчиняющийся решениям этой партии, останется вне ее рядов. Это ясно и не об этом речь. Суть вопроса заключается в том, что партии нужно «стопроцентное большевистское единство». Но такое единство не может мириться с отстаиванием полуменьшевистских взглядов.

Еще на XII съезде оппозиция была предупреждена. Докладчик Центрального Комитета тов. Зиновьев заявлял:

> «Всякая критика партийной линии, хотя бы так-называемая «левая», является ныне объективно-меньшевистской критикой...
>
> Объективно это есть поддержка меньшевизма. Меньшевизм старой классической марки погиб. Со смертью Мартова,—это был последний человек, у которого, может-быть, была искра совести,—меньшевизм теперь пойдет за савинковцем Ивановичем. Этот меньшевизм не страшен, а опасна та «левая» критика, которая вертится около нас, путается между ног,—она опасна, и мы должны ей дать отпор».

Речь шла, конечно, не о деловой критике, а о критике политической, «платформенной». Осенью 1923 года партия получила эту «критику» в невиданных дотоле размерах и формах. «Официальная линия» была атакована и «справа» и «слева». И совершенно очевидно, что эта внутренняя «критика», этот внутренний полуменьшевизм и четверть-меньшевизм был в тысячу раз более опасным, чем меньшевизм стопроцентный, меньшевизм внешний, настоящий. Диктатура зимой 1923—24 гг. могла получить смертельный удар только от оппозиции, только от внутренних «критиков», вооружённых революционной фразой и самыми добрыми намерениями, но объективно выполнявших антипролетарское и антиреволюционное дело.

Почему вся белогвардейщина стала на сторону оппозиции? Почему меньшевики, эсеры, кадеты свои главные надежды возлагали на победу оппозиции? Потому, что при существующем соотношении общественных сил ударом извне нас не свалить, а если удар будет изнутри, если основа диктатуры—партия будет разбита, расщеплена на разные группировки, тогда буржуазия может легко победить. Суть вопроса заключается в том, что в эпоху революции достаточна малейшая передвижка власти, чтобы затем неудержимо покатилось все вправо. Эту малейшую, едва заметную передвижку хотела произвести оппозиция. Борьба против «аппарата», «старой гвардии», «традиций», «секретарского бюрократизма» и т. д., и т. п. объективно имела одну основную цель: отодвинуть в сторону ныне руководящую группу и заменить ее другой, «новой», более «демократической» группой. Эта незначительная на первый взгляд передвижка явилась бы началом конца диктатуры.

Оппозиция настаивает на своей ликвидаторской платформе. Это значит, что организационно потерпев полнейший крах, в идейном отношении она пытается сохранить себя. Следовательно, самая непримиримая борьба против оппозиционного ликвидаторского круга идей должна продолжаться. Всестороннее разъяснение сущности оппозиционных уклонов, обоснование и популяризация принятых партией по данному вопросу решений совершенно необходимы. Вожди оппозиции не захотели окончательно ликвидировать весь вопрос. Они продолжают утверждать, что правы были именно они, и что, следовательно, партия ошибалась. Но дискуссия давно окончена. Партия давно сказала свое решающее слово. И партия будет отстаивать свое решение всеми средствами. В своей среде она не позволит никому выступать с ликвидаторской критикой против линии, объединившей всю партию.

Вся партия постоянно будет помнить слова тов. Зиновьева на XII съезде:

> «Мы должны знать, что самым опасным является не тот меньшевик, который с физической смертью Мартова и с политической смертью Дана пошел к Ивановичу, а опасен тот, кто хочет прикрыться нашей партией, который ходит вокруг да около партии и говорит, что и с уставом, и с программой он согласен, но хочет «только» немножечко пересмотреть крестьянский вопрос, чуть-чуть изменить положение в национальном вопросе, пытаясь в той же форме протащить великодержавный шовинизм и хоть немножко насчет диктатуры партии пересмотреть».

Партия будет, как раньше, так и впредь,—предупреждать, предостерегать, просить, убеждать всех товарищей — не становиться на самый опасный путь политической, платформенной «критики». Но если предупреждения и предостережения, просьбы и убеждения останутся напрасными, тем хуже для «критиков»: они перестанут существовать для партии. А «стопроцентного большевистского единства» никакая сила в мире не нарушит. Уверенная в себя, сильная, бодрая, закаленная в боях, пойдет большевистская партия вперед, навстречу гигантским мировым битвам,—несмотря ни на что!

Н. Бухарин.

Второй Интернационал под флагом „левого коммунизма“.

> «Одна из величайших услуг, оказанных нам законом против социалистов,—это то, что он освободил нас от навязчивости немецкого студента с социалистическим налетом. Теперь мы достаточно сильны, чтобы переварить и немецкого студиоза, который начал снова распространяться. Вы сами, действительно, уже кое-что сделали и должны знать, как мало молодые литераторы, приставшие к партии, дают себе труда изучать экономику, экономическую историю, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных форм. Сколько из них знают о Маурере только одно имя! Нахальство журналиста должно все преодолеть. Часто дело обстоит так, как-будто эти господа думают, что для рабочих все годится».
>
> *Энгельс.* Письма к Конраду Шмидту.

Коммунистический Интернационал и отдельные его секции быстро шагают вперед. Но в то же время уже теперь совершенно ясно обозначилась одна опасность, мимо которой мы ни в коем случае не можем пройти. Это—опасность, вытекающая из недостаточной марксистской выучки, если можно так выразиться, недостаточной теоретической культуры в среде коммунистических партий. Между тем, опыт рабочего движения в целом ряде стран прекрасно показал нам, что пренебрежение этой стороной дела, узкий «практицизм», который не интересуется «высокими материями» теории, очень часто связан с оппортунистическим вырождением. Теоретическая «беззаботность», «толерантность», «терпимость» и прочие добродетели, свойственные обывателю, неизбежно приводят, в конце-концов, к таким «практическим» результатам, которые влекут «беззаботных» со стихийной силой за пределы революционного движения. Вот почему внимание к теории — с одной стороны, величайшая теоретическая нетерпимость, с другой, в значительной мере обеспечили большевистской партии то единство воли и ту закалку в борьбе с оппортунизмом, которыми наша партия имеет все основания гордиться.

К сожалению, далеко не так обстоит дело, если мы рассматриваем весь Коминтерн в целом. Если у нас возможен целый ряд вырожденческих теорий (напр., «енчменизм»), то за границей мы имеем неизмеримо более серьезные симптомы болезни. При этом характерно то, что на-ряду с извращениями марксизма, идущими со стороны образованных полумарксистов (в роде профессора Корша в Германии, профессора Грациадеи в Италии, полупрофессора Лукача в Венгрии и т. д.), которые ведут свою атаку на материализм (Корш—Лукач) или на экономическое учение Маркса (Грациадеи), мы имеем уже выступления безграмотных полузнаек из примкнувших к рабочему движению интеллигентиков, в роде того студиоза, о котором писал Фридрих Энгельс. Эти люди не прочь поэксплоатировать и Маркса, и Ленина, с которыми они по правилу так же хорошо знакомы, как с китайским языком. Они прекрасно чуют, куда дует ветер: при правом курсе—они самые правые, при левом они самые левые. Но так как никакого стержня в их soi disant «идеологии» нет, то немудрено, что у них (быть-может, независимо от их воли и сознания) имеется «влеченье, род недуга» к буржуазным теориям, хотя это не мешает им истошным голосом подчеркивать на всяком шагу свою левизну, божиться пролетариатом и его святыми, паясничать и выступать в роли радикальных шутов, тем более, что это не требует большого умственного напряжения и в лучшем случае предполагает лишь талантливые ноги.

Мы здесь разберем одно такое цирковое выступление, некоего товарища Бориса в № 10—11 журнала «Die Internationale», теоретического органа германской компартии. Нашей задачей не будет здесь разбор всех «аргументов» этого товарища, посвященных им разбору программных проектов, предоставленных еще IV конгрессу Коминтерна. Известна мудрая пословица, что один, деликатно выражаясь, не совсем гениальный человек может задать столько вопросов, что на них не смогут ответить десять мудрецов. Нашей задачей не является также ни перечисление всех примеров борисовского невежества, ни ответ на комплименты по адресу ряда товарищей (Бухарин—«взбесившийся мелкий буржуа», Варга—буржуа, Тальгеймер—«мелкий буржуа» «с люмпенпролетарским оттенком» и проч., и проч.). У нас есть более «скромная» задача: показать, как под крикливо-радикальной фразой наш герой протаскивает идейную контрабанду Второго Интернационала в наши ряды. Вот это нужно показать товарищам-рабочим, чтобы предупредить их, раскрыв идейный обман.

I. Оправдание империалистского грабежа.

Одним из самых важных вопросов (а с социологической точки зрения самым важным вопросом), который проводит борозду между коммунизмом и социал-демократией, является вопрос о ко-

лониях, их эксплоатации, экономических последствиях этой эксплоатации и, с другой стороны, о нашей политике в этих областях. Еще Энгельс с замечательной теоретической прозорливостью писал о влиянии колониальной политики на развитие рабочего движения. Заскорузлость, консерватизм, тупость английского рабочего класса Энгельс выводил из монопольного положения Англии на мировом рынке, из подкупа рабочего класса со стороны буржуазии за счет ограбления колоний. Энгельс прямо писал даже о «буржуазном пролетариате» в Англии. Вся революционно-марксистская литература видела в этом основу социал-шовинизма и оппортунистического перерождения социал-демократии. Отсюда идет жестокая критика против социал-демократии. И только постольку, поскольку признается эта основа, возможна правильная революционная тактика. Лишь на этой основе индустриальный пролетариат может победить империализм, взрывая его не только в метрополиях, но и со стороны его колониальной периферии. Недаром Ленин еще в начале войны во главу угла ставил деление стран на страны великодержавные (субъект эксплоатации) и на колонии и полуколонии (объект империалистической эксплоатации). В этом сила Коминтерна. В этом, повторяем, одно из самых существенных, самых важных отличий коммунистических партий от партий социал-демократического предательства.

Теперь слушайте, что преподносит нам наш «вумный» критик из «левых»:

> «Что должно это обозначать, что буржуазия повышала заработную плату континентальных рабочих и заинтересовывала их благодаря этому в грабеже? Европейские и американские рабочие эксплоатируются. Рабочие получают ценность своей рабочей силы, т.-е. средств потребления, которые необходимы для сохранения и воспроизводства их класса. Сумма средств существования должна, следовательно, быть достаточной, чтобы работающий индивидуум (!) мог быть сохранен, как работающий индивидуум, в своем нормальном жизненном состоянии и мог быть увековечен путем размножения. Благодаря борьбе рабочие достигли известной высоты жизненного уровня. Предварительным условием этого было развитие производительных сил. Заработная плата континентальных рабочих не была повышена буржуазией в целях подкупа рабочего класса путем каких-то сверхприбылей. Вообще не бывает вовсе никаких сверхприбылей, бывает только простая прибыль, и она создается прибавочным трудом в производстве (336).

Далее, ученый Борис, отмечая факт диференциальной прибыли, продолжает свою «аргументацию»:

> «Необходимо различать сверхприбыль в промышленности от сверхприбыли в сельском хозяйстве. Сверхприбыль в индустрии не поддается фиксации, она получается технически самыми прогрессивными производственными единицами (Betrieben). Но нет таких производственных единиц, которые бы постепенно были самыми прогрессивными. Сегодня одни, а завтра другие предприятия получают эту прибыль (336). «Нельзя говорить о сверхприбылях, получаемых из колоний» (337).

И в результате этого «анализа» критик восклицает: «И вот предлагается Коминтерну возвысить эту примиряющую классы чепуху («diesen klassenversöhnenden Unsinn»; разумеется, учение о сверхприбыли, получаемой из колоний. Н. Б.) до степени программы» (337).

Прежде всего, насчет «чепухи». Раскрываем Маркса, автора, которого, надеемся, храбрый Борис не считает еще (пока, по крайней мере) «взбесившимся буржуа». Его-то критик должен знать, если он (критик) не прямой шарлатан. Берем II том, II часть «Теорий прибавочной ценности» («Theorien über den Mehrwert», II², §§ 279, 280), отдел о Джоне Стюарте Милле. Читаем:

> «Сэй в своих примечаниях к переводу Рикардо сделал только одно правильное замечание о внешней торговле. Прибыль может быть получена (gemacht) и путем ловкости (Prellerei), таким путем, что один получает, когда другой теряет. Потеря и получка внутри одной страны уравниваются. Не так обстоит дело между различными странами. И даже согласно теории Рикардо — чего Сэй не замечает — три рабочих дня одной страны могут меняться на один день другой. Закон ценности здесь существенно видоизменяется (erhält hier wesentliche Modifikationen). Или: как внутри одной страны квалифицированный труд относится к неквалифицированному, простому, так трудовые дни разных стран относятся друг к другу. В этом случае более богатая страна эксплоатирует более бедную; даже тогда, когда последняя выигрывает от обмена, как это развил Д. С. Милль в своих «Some unsettled questions etc.» (последний курсив наш. Н. Б.).

Итак, почтеннейший Борис, как же быть с Марксом? Стало-быть, и бедный Маркс несет «классовопримирительную бессмыслицу»? Предположим. Но не ясно ли тогда, что не мы «принципиально противоречим» марксизму, а наш одновременно развязный и безграмотный критик?

Диференциальная прибыль, почтеннейший, получается, действительно, наиболее прогрессивными технически единицами. Это знает каждый, кто читал хоть первый том «Капитала». Но нужно иметь поистине сумасшедшую фантазию, чтобы думать, что «сегодня» одна страна, а завтра другая менялись местами по линии технической структуры. А, ведь, именно эту бессмыслицу предполагают глубокомысленные рассуждения Бориса. Другими словами, разница между колониями и метрополиями, фундаментальнейшая разница структур нашего времени, для Бориса не существует: у него и колонии, и метрополии танцуют мирный идиллический менуэт, а сам Борис наигрывает на пастушеской свирели. Поистине, странный «марксизм», подозрительный до чрезвычайности, но зато зело приятный во всех отношениях для буржуазии.

Итак по Марксу (натурально, не по Борису: кроме разницы имен между обоими историческими персонажами есть еще кое-какие малюсенькие различия) бедные страны эксплоатируются богатыми, даже когда бедные страны получают выгоду от обмена. Но это последнее обстоятельство вовсе не обычно. В действительности есть еще ряд других обстоятельств, которые объединяются понятием грабежа. Ведь, только по Борису исто-

рия идиллична, хотя Борис делает вид, что он читал и Маркса, и Розу Люксембург. Но что же это означает? Это и означает получение сверхприбыли, существующей вполне реально, вопреки борисовским заклинаниям, которые имеют столько же общего с наукой, сколько всякие заклинания вообще.

Так обстоит дело со сверхприбылью. Теперь насчет заработной платы и «подкупа рабочего класса». Если смотреть на дело не глазами теоретика-марксиста, который ex officio обязан видеть дальше своего носа, и теперь, в нашу эпоху, обязан исходить из анализа связей мирового хозяйства, а глазами только англичанина или только немца, или только американца, тогда Борис прав точно так же, как прав любой буржуа или любой социал-патриот. Но совсем не так рассматривает вопрос революционный марксист.

В самом деле. Даже, по выражению Энгельса, «буржуазный пролетариат» получает свой доход в виде заработной платы, т.-е. получает ценностный эквивалент своей рабочей силы (если мы абстрагируем от разницы между ценностью и ценой). Но почему заработная плата английских рабочих выше, чем индусских? Почему их квалификация иная? Почему их жизненный уровень различен? Почему, наконец, производительные силы в Англии растут быстрее, чем в английских колониях? И нет ли здесь некоторой закономерности?

Конечно, многие—и в том числе Борис—не любят обременять себя вопросами. Зачем им это? Ведь, в их распоряжении, кроме ног, имеется еще арсенал ругательств, достаточно убедительный для дураков.

Между тем, стоит только поставить эти вопросы, чтобы увидеть суть дела.

Именно потому производительные силы развиваются неравномерно, что одни страны эксплоатируют другие. Именно потому в метрополиях быстрее идет накопление, что они, метрополии, получают сверхприбыль. Именно поэтому существует объективная возможность, так-сказать, «заработной сверхплаты», которая есть, конечно, заработная плата, точно так же, как сверхприбыль есть прибыль, а не зеленый сыр и не ругательства Бориса. Но эта повышенная заработная плата имеет своей основой эксплоатацию колоний. Поэтому здесь и образуется та относительная «общность интересов» между буржуазией и пролетариатом, о которой мы говорили в нашем проекте программы.

Следовательно, теоретическая (если можно употребить это слово по отношению к Борису) точка зрения нашего критика есть буржуазная точка зрения, есть позиция II Интернационала, которая протаскивается в наши ряды.

В связи с этим «теоретическим» позором стоит и практически-политическая позиция Бориса в национальном и колониальном

вопросе. Он, изволите ли видеть, настолько «левый», «чисто-пролетарский» и прочее «индивидуум», что ему зазорно бороться вместе с национально-революционными частями буржуазии, даже мелкой буржуазии. Он для виду требует немедленного социализма даже для бушменов. Но ему претит национально-освободительная борьба. На практике же это означает отказ от поддержки всех тех национально-освободительных движений, которые дезорганизуют капиталистическую систему. Точно так же, как Гильфердинг и К° издеваются над «муллами из Хивы», «туркестанцами» и проч., так и «левый» Борис на самом деле является не чем иным как обыкновеннейшим социал-шовинистом, надевшим на себя маску левого коммунизма.

С такими людьми нам не по дороге.

II. Теория „процветания капитализма".

Если «товарищ» Борис договорился до того, что стал отрицать эксплоатацию колоний, то здесь один шаг и до того, чтобы договориться до фактического оправдания империалистических войн. Ибо, ведь, война есть продолжение политики, только другими средствами. Это положение стало трюизмом.

Оправдание войны имеется у Бориса в той форме, в какой оно было «разработано» у наиболее плоских и вульгарных умов буржуазии. Во время войны, в особенности в ее начале, некоторые буржуазные экономисты, особенно усердно припадавшие к стопам господствующей финансово-капиталистической клики, выдумали теорию, по которой война ничего, кроме промышленного процветания, не приносит. Свойство вульгарного экономиста, ведь, в том и состоит, чтобы видеть только поверхность явлений. Действительно, в начале войны безработица повсюду сокращалась, промышленность разрасталась, так-как спрос на предметы военного снабжения вызывал, в свою очередь, добавочный спрос на уголь, железо, сталь и т. д. Но эти милые люди не видели, что в то же время шло перераспределение производительных сил в сторону непроизводительного потребления: вместо частей основного капитала стали производиться пушки, которые, как известно, не входят в производственный процесс, и т. д. Поэтому неизбежно дело пришло к разрушению производительных сил. Мы не говорим уже о прямом разрушении их в результате военных действий. Ведь, каждому мальчику известно, что убито 10 миллионов человек, разрушено громадное количество материальных ценностей.

Скажут: но кто же против этого спорит? Теперь, когда даже самый узколобый буржуа понял, что этакая война отнюдь не означает всеобщего благополучия?

Кто спорит? Борис спорит.

После того, как сей почтеннейший критик «опроверг» наши положения о сверхприбыли из колоний, он—все с такой же развязностью—заявляет:

«Еще глупее (noch toller) становятся эти тезисы в отделе, который посвящен военному и послевоенному периоду» (337).

Итак:

«Нельзя также говорить об уничтожении производительных сил благодаря войне (durch den Krieg)» (344).

«Он (т.-е. я. Н. Бух.) утверждает, что война привела к уничтожению громадного количества средств производства. Как-раз обратное является правильным (Gerade das Gegenteil ist richtig). Производственный аппарат мира в конце войны сделался больше, чем до войны, производительные силы развились, производство идет на расширенном базисе» (337).

«Текущий мировой кризис капитализма не есть кризис недопроизводства, как это считают Бухарин и Варга. Таких кризисов вообще не бывает» (338).

Следовательно, если, например, 10 миллионов человек убито, то это означает, что производительные силы тем самым возросли; если половина Северной Франции была сожжена, то это означает прирост постоянного капитала. Если взорваны сотни километров рельсового пути, то это, несомненно, означает быстрый рост железнодорожной сети. Если вместо машин и сельскохозяйственных орудий выделываются снаряды, то это означает положительное улучшение промышленности и земледелия: ведь, и снарядами хорошо вспахивали землю. Если были горы трупов, то зато удобрялась почва. Разве это, в самом деле, не благословение божие, которое «удвоило производственный аппарат» общества?

Странным образом, люди в ряде мест положительно вымирали от голода: но это, ведь, и есть показатель развития производительных сил. Странным образом, даже зажиточные слои, специфически капиталистические, беднели: но, ведь, это и есть, очевидно, признак процветания. Странным образом, число самых необходимых продуктов уменьшалось. Но это как раз и нельзя назвать недопроизводством.

Такова сумасшедшая логика Бориса.

Если он ссылается на то, что Америка распухла, то он, действительно, не ошибается. Но тот факт, что даже теперь, через шесть лет по заключении «мира» мировая добыча чугуна и стали меньше довоенной, то это, очевидно, является случайностью, на которую можно плюнуть.

Вообще, в этом пункте Борис, который—вероятно, бессознательно—плагиирует наиболее тупых экономистов эпохи военного угара, обнаруживает и некоторые логические способности. Он берет мою формулировку понижающегося воспроизводства и говорит:

«Я позволяю себе последовать за нею и продолжить формулу математически» (337).

В конце он получает нуль, что совершенно правильно при продолжении формулы до нуля. Можно даже «математически» «продолжать» дальше, вплоть до «минус бесконечности» ($-\infty$). И тут Борис празднует победу:

«Это означает, что Бухарин серьезно держится того мнения, что коммунистический хозяйственный порядок должен начинать буквально с нуля...» (337).

Это было бы остроумно, если бы только не было бесконечно глупо. Ибо «математически» продолжать процесс можно. Но откуда следует, что это продолжение (математическое) соответствует реальности? Как можно временное понижение производительных сил превращать в абсолютное? И как не совестно перед людьми обнаруживать такое и относительное, и абсолютное невежество?

Остается спросить лишь Бориса, на кой чорт пролетариату бороться против войн, если они несут за собой благодать всеобщего процветания, если нельзя говорить о разрушениях?

Перед нами—апология не только колониальной политики, но и империалистических войн, апология устойчивости капитализма, оправдание самых чудовищных его преступлений. Это хуже, чем теории Гильфердинга и К°. Это—настоящее проституирование марксизма.

В связи с этой «теорией процветания» (Prosperitätstheorie) стоит и положение, что социализм нельзя «строить на разрухе»—мотив, который мы давным-давно слышали от Каутских и меньшевистских dii minores всех мастей. Поздравляем «товарища» Бориса с этой теплой и «революционной» компанией!

III. „Теория кризисов" т-ща Бориса.

Итак, кризисов недопроизводства «вообще не бывает». Их выдумали Бухарин и Варга. Но Борис—глубокий мыслитель. Он подбирается и к мысли, что вообще кризисы отжили свой век. На стр. 338 он замечает:

«Одновременно (с ростом органического состава капитала. Н. Б.) повышается планомерность в руководстве производством».

А дальше он «углубляет» эту мысль следующим образом:

«Чем выше органический состав данной отрасли, тем планомернее управляется эта отрасль. Повышение планомерности (der Planmässigkeit) ведет, разумеется, не к ослаблению, а к обострению конкурентной борьбы. Планомерное руководство производством ведет к планомерному ограничению производства, которое отчасти заступает место кризиса» (339).

«Чем выше органический состав капитала, тем планомернее руководство» 339).

На это место нужно тоже обратить серьезное внимание. Планомерное руководство обостряет, по Борису, конкуренцию.

Что это означает? Это может означать, если только фраза имеет хоть какой-нибудь смысл, лишь одно: вышеупомянутое руководство уменьшает или уничтожает конкуренцию в той отрасли, где оно возникло, но зато обостряет конкуренцию между объединенными отраслями. Иначе представлять себе дело нельзя, ибо внутри планомерно руководимой отрасли конкуренция не может обостряться.

Но что же в таком случае значит, что планомерность частично уничтожает кризисы? Что планомерность способствует уничтожению противоречий внутри отрасли, планомерно руководимой, это понятно. А что происходит в хозяйстве, в его целом? Ведь, именно об этом идет разговор. И здесь Борис отвечает: кризисы этой планомерностью вытесняются.

Это есть не что иное, как старая, престарая ревизионистская теория. Она была провозглашена еще блаженной памяти Эдуардом Бернштейном, который, в своей погоне за «эволюционным» развитием, выставил картели, как средство преодоления злосчастных промышленных кризисов, не дающих покою гуманным, просвещенным, добродетельным буржуа. До сих пор не было в среде коммунистов людей, относящихся без ненависти к этой теоретической розовой водице. Теперь, как мы видим, появляются развязные молодые люди, которые эту жалкую маниловщину преподносят в теоретическом журнале коммунистической партии. И находятся «ученые» редакторы, которые пропускают этот вздор без единого примечания, без единого возражения, без попытки возражения!

Ну, времена! Ну, нравы!

Борис вещает:

> «Чем выше органический состав капитала, тем планомернее руководство» (339).

Итак:

1. Производительные силы растут даже во время войны.

2. Рост этих производительных сил выражается в росте органического состава капитала.

3. Рост органического состава капитала выражается в росте планомерного руководства.

4. Рост планомерного руководства выражается, в свою очередь, в частичном вытеснении кризисов.

Отсюда, как дважды два, вытекает (здесь-то мы имеем полное право продолжить тенденцию): развитие капитализма означает тенденцию к вытеснению кризисов.

Таков результат «исследования» Бориса по этой линии. Удивительное дело! Куда ни взглянешь — перед нами переодетый реформист, к тому же изрядно невежественный.

* * *

Мы разобрали только самые существенные пункты в рассуждениях этого в высшей степени претенциозного автора, который поучает нас, что есть разница между рабом и рабочим, что в капиталистическом строе есть буржуазия и пролетариат и тому подобным открываемым Борисом Америкам. Но выделенные нами пункты имеют существенное значение потому, что они вскрывают истинную физиономию автора. Оправдание колониальной политики, экономическое оправдание империалистических войн, апология устойчивости капитализма, отрицание его наиболее кричащих противоречий, все это—от Второго Интернационала.

И сколько бы ни кричал автор, что он не хочет иметь дела с крестьянством, что он желает только полной социализации (вплоть до социализации мелких хозяйчиков), ибо «всю буржуазию нужно послать к чорту» (стр. 341), что он не желает иметь дела с колониальными национально-революционными движениями, что он—против единого фронта, что он—за социализм повсюду, вплоть до самых отсталых колоний, и притом за социализм самый немедленный, самый полный, самый пролетарский и т. д., и т. п.—все равно мы ему верить не можем.

Такие «авторы», которые протаскивают к нам контрабандным путем гнусную идеологию социал-шовинистов по существеннейшим, кардинальнейшим пунктам, по самым основным вопросам нашей эпохи, неизбежно—если только они не исправятся под ударами критики—будут тянуть в сторону буржуазии.

Им можно дать прежде всего один совет: учиться, учиться и еще раз учиться. Не быть похожим на энгельсовского студиозуса, который был и пребывает в качестве вредного микроба в порах партийного организма.

Прим. ред. Как известно редакции ЦК герм. партии открыто осудил выступление т. Бориса, которое критикуется в предлагаемой статье т. Бухарина.

А. Лозовский.

Международное рабочее движение и III конгресс Профинтерна.

Перелом в международном рабочем движении.

Перелом в международном рабочем движении наметился приблизительно с начала 1924 года. Основные характерные черты его—это не только оборонительные массовые действия рабочих, но и ряд наступательных действий в целях отвоевания потерянных позиций. В этом отношении крайне характерны громадные стачки, имевшие место недавно в Англии, ряд стачек в Германии, особенно происходящая сейчас стачка немецких горнорабочих, оживление в рабочем движении Франции и т. д. В отдельных странах и в отдельных производствах буржуазия вынуждена итти на уступки, как это имело место в Англии и во Франции, что свидетельствует о том, что в рабочем классе накопилось довольно большое количество энергии, и мы вступили в полосу оживления.

Однако, было бы ошибкой сказать, что период наступления капитала закончился, что началось уже наступление рабочих. Мы присутствуем при первых симптомах начавшегося оживления, длительность которого, конечно, довольно трудно определить. Одно ясно, что оживление будет расти, размах конфликтов увеличиваться, и для некоторых стран, особенно для Германии и Польши, они могут привести к очень серьезным потрясениям.

Это начавшееся оживление в экономической, стало-быть, и в политической борьбе нужно иметь в виду при определении нашей тактики. Перед революционными профсоюзами возникает целый ряд новых вопросов, на которые требуется немедленный ответ. Положение сейчас сложилось таким образом, что не только политические, но и экономические бои рабочего класса приходится вести против социал-демократии и амстердамских союзов. Это заставляет революционные союзы тщательно продумать свою дальнейшую линию и выработать такие меры борьбы, путем которых удалось бы сломить сопротивление не только буржуазии, но и международного реформизма.

Рост революционного профдвижения.

За последние месяцы можно констатировать довольно значительный рост революционного профдвижения во всех странах. Особенно ярко это проявляется в Англии, где правительство Макдональда дает предметный урок придворного социализма рабочим массам. Среди горнорабочих, металлистов, транспортников, деревообделочников Англии влияние сторонников Профинтерна значительно выросло. Не случайно генеральным секретарем Британской Федерации углекопов избран сторонник Профинтерна, Кук, не случайно также целый ряд левых лидеров профессионального движения послали последнему конгрессу Британской коммунистической партии свои приветствия. Рабочие массы Великобритании, находившиеся в течение долгих десятилетий в аполитичном состоянии и верившие в то, что Макдональд их действительно приведет мирным путем, без потрясений и гражданской войны, к овладению политической и экономической властью в стране, начинают раскусывать эту карикатуру на рабочее правительство.

Таким образом, Макдональд, сам не желая этого, работает всеми силами в нашу пользу. С таким же успехом действует и председатель Амстердамского Интернационала, Томас, нынешний министр английских колоний и хранитель благополучия британского империализма. Выступление рабочего правительства и рабочих лидеров против стачек, защита правительством денежного мешка, не могли не вызвать глубокого разочарования в массах. А разочарование в реформизме означает переход на нашу сторону.

Такую же передвижку влево мы замечаем и во Франции, где реформизм окончательно выдохся. Он связал свою судьбу с левым блоком и ждет от левого блока разрешения всех сложных социальных проблем. Французский реформизм имеет еще влияние на избирательную массу. Наиболее отсталые слои рабочих идут за ним, и с ним приходится считаться, как с силой консервативной. Но в смысле боевом он совершенно сошел на-нет. С ним предприниматели перестали считаться. Раньше они все же прислушивались или делали вид, что прислушиваются, к Жуо. Теперь они открыто говорят, что им эта болтовня надоела и заявляют, что у них есть более серьезные дела, чем выслушивание самого болтливого, самого пустого и самого напыщенного из амстердамских краснобаев. Унитарной Конфедерации Труда удалось провести за последние месяцы целый ряд очень серьезных кампаний и увлечь за собой довольно значительные массы. Правда, она не осуществила всего того, что ей хотелось, но это потому, что она натолкнулась на сопротивление анархического крыла, «революционность» которого заключается в том, что оно

путается в ногах Унитарной Конфедерации Труда, стараясь всеми силами дезорганизовать революционное рабочее движение в пользу реформистского.

Большое оживление надо отметить также в Германии. Октябрьско-ноябрьское поражение хотя и вызвало большое замешательство в рядах рабочего класса, но гораздо меньшее, чем можно было ожидать. Уже в феврале, марте и апреле произошел целый ряд серьезных классовых стычек, при чем рабочие показали, что они готовы бороться не только против капитализма, но и против реформизма.

Оживление надо отметить и в Италии, и в целом ряде других стран.

Закончившиеся выборы в Италии, в Германии и во Франции также свидетельствуют о подъеме среди рабочих. Коммунистические партии, особенно в Германии и во Франции, получили довольно большое количество голосов, что свидетельствует о большом недовольстве в массах и нарастающей революционной волне. Этот рост революционного профдвижения все время шел под флагом Профинтерна, даже в тех странах и тех производствах, где об этом не говорилось открыто, ибо всякое революционное профдвижение не может не итти под флагом Профинтерна.

Разложение амстердамцев.

Разложение Амстердамского Интернационала и примыкающих к нему организаций значительно усилилось за последнее время. Прежде всего амстердамские союзы пережили большой организационный кризис. Наиболее остро кризис этот охватил германское профдвижение, где потери насчитываются миллионами. Одновременно союзы пережили также и финансовый кризис. Это ощущалось, главным образом, в Германии. Но самый острый и наиболее опасный для Амстердамского Интернационала кризис—это политический маразм, охвативший все примыкающие к Амстердамскому Интернационалу организации. Если проследить деятельность амстердамцев за последние 5—6 месяцев, то наиболее характерная особенность их заключается в том, что руководящее ядро Амстердамского Интернационала все более и более откровенно становится фашистско-штрейкбрехерским. Эту роль открыто играют немецкие амстердамцы, в скрытой форме ее играют реформисты других стран. Особенно это проявилось в последних экономических боях в Германии, где рабочим приходилось вести ожесточенную борьбу не только против буржуазии, но и против своих руководителей.

Это не могло не обострить недовольства, давно уже существующего в рядах Амстердамского Интернационала, и оно нашло

свое выражение в оформлении левого крыла, которому предстоит на ближайшем конгрессе Амстердамского Интернационала в Вене померяться силами с правым крылом. На первый взгляд бой на венском конгрессе будет итти по второстепенным вопросам: о том, каковы должны быть взаимоотношения между Амстердамским Интернационалом и интернационалами по производствам. Но на самом деле в организационном споре перекрещиваются довольно большие политические разногласия. Левое крыло Амстердамского Интернационала (главным образом, транспортники, пищевики, швейники и др.) требует для интернационалов по производствам автономии в целях создания единого фронта с революционными союзами. Руководящее ядро Амстердамского Интернационала категорически высказывается против этого. Дело идет, стало-быть, о большом политическом споре, с кем заключать единый фронт, с левыми рабочими или с левой буржуазией. Мы уверены, что победит правое крыло, но левые рабочие не смогут долго мириться с диктатурой штрейкбрехеров в Амстердамском Интернационале. Победа правого крыла будет поистине Пирровой победой на венском конгрессе Амстердамского Интернационала.

Разрушение или завоевание профсоюзов.

Нам приходится вновь ставить этот вопрос и ставить его потому, что штрейкбрехерская роль амстердамцев, их наглое поведение по отношению к революционным рабочим породило в некоторых странах, главным образом, в Германии, течение, настаивающее на необходимости уйти из насквозь прогнивших профсоюзов. Этот вопрос стоял уже в порядке дня немецкого рабочего движения в 1919—1920 гг. Правда, амстердамская верхушка в то время не дошла еще до такого падения, как сейчас, но и тогда уже она сидела по уши в грязи. Известно, что германская коммунистическая партия раскололась на съезде в Гейдельберге по этому вопросу. Большинство высказалось за разрушение союзов, при чем союзы эти остались невредимыми, а себя разрушила лишь коммунистическая рабочая партия Германии; меньшинство же, наметившее под влиянием Коминтерна и, главным образом, Ленина правильную линию по вопросу о профдвижении, выросло сейчас, несмотря на ряд тяжелых поражений, в мощную массовую коммунистическую партию.

В этом вопросе нам нужно откинуть все моральные и сентиментальные соображения. С тем, что амстердамская верхушка стала еще гнуснее, чем была, вряд ли кто-нибудь будет спорить. Но отсюда до ухода из союза—дистанция огромного размера. Мы никогда не понимали завоевание союза, как завоевание касс или домов, а как завоевание сознания рабочего

класса. Задача заключалась в том, чтобы оторвать массы от реформистской идеологии и тактики. Тактика амстердамцев заключается в том, чтобы как-нибудь избавиться от нас. Они делают свои расчеты приблизительно следующим образом: революционное крыло растет; если не избавиться от него сейчас, то через 2—3 года оно захватит в свои руки профсоюзы. Но для того, чтобы не брать на себя одним раскола, надо спровоцировать наиболее нетерпеливых членов союзов, заставить их уйти под влиянием оскорбленного самолюбия. Отсюда индивидуальные и коллективные исключения, отсюда требования о том, чтобы выборные давали подписку о своей преданности Амстердамскому Интернационалу и проч. Мы были бы плохими революционерами, плохими коммунистами, если бы поддались на провокацию амстердамцев и облегчили бы им их задачу. Нет, что бы амстердамцы ни делали, коммунисты должны оставаться внутри союзов, бороться за влияние на массы, при чем оставаться до тех пор, пока им не удастся выкинуть из профсоюзов всех предателей и ренегатов.

Борьба за единство в профдвижении.

Это можно будет сделать только в том случае, если неустанно, с неослабной энергией вести нашу борьбу за единство в профдвижении. Здесь-то мы наталкиваемся на большие трудности, которые вызываются наличием разнообразных форм революционного профдвижения. Помимо параллельных, общепрофессиональных национальных объединений, мы имеем сейчас во всех странах отколовшиеся и исключенные союзы, при чем эти отколовшиеся и исключенные, естественно, стремятся к расширению своих кадров. В Германии, в Чехо-Словакии, в Соединенных Штатах, в Голландии, везде и всюду возникают следующие вопросы: 1) Нужно ли вести борьбу за единство при наличии отколовшихся союзов? 2) Каковы должны быть взаимоотношения между самостоятельными союзами и меньшинствами внутри старых союзов? 3) Нужно ли создавать специальные органы, объединяющие всех сторонников Профинтерна в каждой стране?

Из всех этих вопросов наиболее важный—это вопрос о том, должны ли мы продолжать борьбу за единство профдвижения, или же открыто заявить о том, что наступил момент для раскола его? В этом вопросе наибольшие колебания появились в Германии. Там имеется целая группа товарищей, которая считает лозунг единства профдвижения уже изжитым. Зачем, говорят эти товарищи, мы будем бороться за единство, если никакое единство невозможно с реформистами? Зачем мы будем выдвигать лозунг, который встречает только лишь недоверие и озлобление масс? Надо вообще покончить с союзами, найти другую базу для нашей работы (фабзавкомы).

Коммунисты совершили бы непоправимую ошибку, если бы отказались от лозунга борьбы за единство, предоставив этим самым монополию единства реформистам. Наша борьба за единство не является, как это подчеркивают реформисты, «сплошной демагогией». Мы действительно хотим единства, мы добиваемся его. Разница между нами и реформистами заключается в том, что мы хотим единства для борьбы, они хотят единства для классового сотрудничества. Разница достаточно серьезная для того, чтобы провести серьезную грань между основными течениями и в международном рабочем движении. Борьба за единство остается и дальше нашим лозунгом. Даже в тех странах, где мы имеем уже параллельные организации (Франция, Чехо-Словакия), даже там, и особенно там нужно вести упорную и отчаянную борьбу за единство всего рабочего класса. Только ведя такую борьбу, мы сможем, действительно, собрать массы, объединить их в действии и повести за собой.

Организация неорганизованных.

Тактика реформистов привела к довольно сильному понижению количества членов союзов во всех странах, и, естественно, перед коммунистами встает вопрос о том, как быть с теми миллионами рабочих, которые вышли из союзов и тем увеличили кадры неорганизованных. За исключением нескольких стран, где процент организованных очень высок, большинство рабочих стоит вне профессиональной организации. Достаточно взять Америку, которая имеет до 30 миллионов рабочих и служащих, и где в союзах находится меньше 4-х миллионов человек, чтобы увидеть, какая колоссальная задача еще стоит перед нами. Но даже в таких странах, как Германия и Англия, мы имеем миллионы рабочих, которые стоят вне организации.

Как подойти к этим массам? Как втянуть их в борьбу? Ведь, если мы оставим их вне союзов, то они могут сделаться простым оружием в руках фашистских и националистических организаций. Немецкие товарищи пытались дать ответ на этот вопрос, но до сих пор они конкретно его не разрешили. Смешно было бы выдумывать какие-нибудь новые организации для неорганизованных, или строить паралелльно с существующими союзами новые союзы для неорганизованных. Очевидно, нужно найти какую-нибудь специфическую организационную форму для охвата этой массы, для того, чтобы закрепить наше влияние на нее.

Другой организации, кроме фабзавкома, для этого не выдумаешь. Фабзавкомы, контрольные комиссии, затем во время конфликтов стачечные комитеты,—вот основные органы, вокруг которых нужно собирать рабочих всех направлений. В тех производствах, где союзов нет, а таковые имеются, напри-

мер, в довольно большом количестве в Соединенных Штатах, нужно приступить к созданию профсоюзов вообще. Теоретически говоря, все формы организации хороши, которые дают нам желательный эффект, но в том-то и дело, что для этой цели нельзя выдумать какую-то особую новую форму. Через фабзавкомы и через боевые органы руководства стачками можно добиться полного доверия со стороны неорганизованных рабочих и органически связать их с нашими организациями.

О фабзавкомах.

Казалось бы, что по этому вопросу все сказано. Но это только кажется. На самом деле, если присмотреться к работе фабзавкомов в разных странах, мы увидим, как мало рабочие одной страны знают об имеющемся опыте в других странах, как мало используется то, над чем уже билась мысль рабочих. Фабзавкомы имеются в Западной Европе только в зачаточном состоянии. Фабзавком—орган единства рабочего движения и непосредственный представитель трудящихся данного предприятия. Здесь нужно проявить максимальную энергию и инициативу. Даже в Германии, где мы имеем довольно большое движение фабзавкомов, оно также еще не отлилось в определенные рамки. Что же сказать о других странах, как Австрия, Чехо-Словакия и др.? Во Франции мы присутствуем только лишь при первых шагах по созданию фабзавкомов. В Англии движение это заглохло. В Соединенных Штатах оно почти не существует. Между тем, никакое серьезное революционное профдвижение невозможно, если оно не будет иметь в своей основе фабрично-заводские комитеты.

Было время, когда спорили по вопросу о том, как строить фабрично-заводские комитеты, все ли рабочие должны выбирать фабзавком, каковы функции фабзавкомов, и т. д. Этот период теоретических споров прошел. Нужно заняться практическим построением фабрично-заводских комитетов. Построение фабзавкомов нужно считать главнейшей задачей сторонников Профинтерна, особенно в тех странах, где движение расколото, где в каждом предприятии существуют рабочие, примыкающие к двум или больше союзам. Объединить всю рабочую массу вокруг фабзавкома, превратить фабзавком в руководящий предприятием орган, не бояться расширения сферы деятельности и компетенции фабзавкома, привлечь фабзавком к руководству экономической борьбой, к участию в создании комитетов действия и боевых органов руководства стачками, сделать фабзавком центром притяжения для всех неорганизованных, для работниц и молодежи, воспитывать фабзавком и через него кадры рабочих, подготовляя этим возможность введения рабочего контроля,—вот те простые, но в высшей степени важные задачи, которые стоят в этой области перед сторонниками Профинтерна.

Рабочее движение в колониальных и полуколониальных странах.

На Востоке формы современного рабочего движения причудливо переплетаются с остатками средневековья и здесь больше, чем где-либо. Профинтерн может принести пользу. За последний год амстердамцы пытаются проникнуть на Восток. Они заманивают японских рабочих в Международное Бюро Труда. Они подмигивают индусским рабочим и все это с единственной целью не дать революционному движению развиться в этих странах. Между тем, Ближний, Средний и Дальний Восток, жестоко эксплоатируемые европейским и американским империализмом, просыпается к новой жизни. Мы чрезвычайно мало знаем о положении рабочих в этих странах, об уровне их жизни, их потребностях и т. д. Надо создать серьезный кадр востоковедов из революционных профессионалистов. Надо добраться до наиболее отдаленных и эксплоатируемых уголков колониальных и полуколониальных стран. Надо путем созыва специальных совещаний и конференций делиться опытом с отставшим колониальным рабочим движением. Пути в этой области—необъятные. Здесь мы прежде всего связаны незнанием языков, тем, что колониальный мир мало знаком, что рабочее движение этих стран еще очень молодо, и что оно проникнуто националистическим духом, при чем причиной этого национализма является жестокая эксплоатация европейским империализмом этих отсталых стран.

Особенно большие обязанности по отношению к рабочим колониальных стран лежат на рабочих метрополии, и в первую очередь на рабочих Англии и Франции. От них требуется большая работа среди трудящихся «своих» колоний. До настоящего времени еще почти ничего не сделано в этой области. Между тем, ни для кого не тайна, что британский империализм будет незыблем до тех пор, пока ему будут обеспечены, как объекты эксплоатации, Индия и другие колонии. То же можно сказать относительно Франции и таких стран, как Голландия, Бельгия, Италия и др. Нельзя убить империализм одной только работой в колониальных и полуколониальных странах. Эта работа должна итти параллельно в метрополии и колониях. Стратегическая задача заключается в координации действий пролетариев господствующей и угнетенной нации.

Борьба против фашизма.

Борьба против фашизма и особенно против фашистских профсоюзов остается важнейшей задачей революционных профсоюзов Как обстоит дело в настоящее время? Приятно нам это или нет, но фашисты пользуются влиянием в рабочих массах. Хотя италья-

ские фашисты преувеличивают свои силы, но если даже уменьшить их цифры, то все же остается несколько сот тысяч рабочих, находящихся под их влиянием. Успехи фашистов заметны также в Германии. Им удалось проникнуть на некоторые заводы. Их патриотические профсоюзы, опираясь на банды реакционного офицерства и студенчества, пытаются играть определенную роль в социальной борьбе. Борьба с фашизмом должна итти не только в тех странах, где он стал уже силой, но и там, где он только нарождается. В Бельгии, Франции, Америке, Англии, Чехо-Словакии, Венгрии, везде имеются фашистские организации, которые пытаются демагогическими способами проникнуть в рабочие массы. Надо задушить эти организации в самом зародыше. Но как это сделать?

Помимо антифашистских боевых пролетарских отрядов, необходимо повести большую агитационно-пропагандистскую работу по разоблачению фашистской идеологии. Это тем более легко сделать, что фашистские обещания могут быть проверены в настоящее время на итальянском опыте. Этот опыт (отмена 8-часового рабочего дня, отмена рабочего законодательства, убийства, аресты, разгром профессиональных организаций и проч.) необходимо популяризировать возможно шире. Необходимо, чтобы каждый рабочий воочию убедился в том, что несет ему победа фашизма.

С другой стороны, организация самообороны и антифашистских отрядов заставит колеблющихся рабочих выбирать между своими и чужими. Надо отдать справедливость фашистам; они очень активны и своею активностью часто увлекают рабочих. Активности фашистов нужно противопоставить удесятеренную активность революционных элементов в профдвижении. Фашизм есть превентивная контр-революция. Надо принять поэтому превентивные меры против фашизма.

Профсоюзы и спортивное движение.

Пролетарский спорт становится с каждым днем очень серьезной силой. Миллионы пролетарской молодежи увлекаются спортом, при чем и здесь, как и в других областях, буржуазия значительно опередила нас. Помимо замкнутых буржуазных спортивных кружков, имеются смешанного типа кружки и организации, при чем буржуазия старается культивировать спорт для спорта, т.-е. отвлечь внимание рабочих от истинной роли пролетарского спорта. Спорт меньше всего является самоцелью. Это средство не только для физического оздоровления рабочих масс, но и политической борьбы. Существующие реформистские организации и их интернационал в Люцерне, ничем не отличаются по своей идеологии от 2-го и Амстердамского Интернационалов.

Между тем, во многих странах (Франция, Чехо-Словакия, Германия) имеются серьезные спортивные организации революционной молодежи. В чем заключается задача профсоюзов в этой области? Надо оказать содействие в смысле оформления сознания спортивных кружков и организаций. Надо сделать спортивные организации орудием борьбы против капитализма. Надо иметь в виду, что эти организации лучше всего могут служить боевыми ударными частями против фашизма и контр-революции. Надо бороться всеми силами и средствами за овладение спортивным движением, за превращение спортивных организаций в орудие социальной революции. В этом отношении наши профессиональные организации почти ничего не сделали. Между тем, такое игнорирование спорта и спортивных организаций может привести к крайне печальным результатам. С одной стороны, часть рабочих будет увлечена буржуазным спортом, в другой части рабочих будут господствовать безраздельно реформисты. Не нужно забывать, что во всех серьезных социальных битвах спортивные организации не могут не играть серьезной роли. Они будут против нас, если мы будем пассивны, они будут с нами и за нас, если мы проявим необходимую активность и революционную энергию.

Тактика единого фронта.

Хорошую политику можно делать, когда имеется хорошая организация, а сама хорошая организация может существовать только при хорошей политике. Эта связь между организационными и политическими вопросами особенно ясна, если мы проследим деятельность РКП, Коминтерна и Профинтерна.

Нужно ли менять нашу тактику для того, чтобы осуществить стоящие перед нами задачи? Есть товарищи, которые провозгласили необходимость «новой» тактики. В чем же должна заключаться эта новая тактика? В том, чтобы отбросить лозунг единства профдвижения, высказаться против тактики единого фронта и за раскол. Мы уже говорили выше о лозунге единства и о расколе в профдвижении. Остается сказать несколько слов о тактике единого фронта. Те, кто возражает против этой тактики, не замечает того, что они именно благодаря ей и выросли. Та же германская коммунистическая партия, где имеется довольно серьезное настроение против тактики единого фронта, выросла, несмотря на целый ряд ошибок, именно благодаря этой тактике. Особенно наши немецкие товарищи настаивают на том, что тактика единого фронта должна проводиться только снизу. Меньше всего это может быть общеобязательным принципом и правилом поведения. В одних странах и одних производствах выгодно применять тактику единого фронта снизу, в других и снизу, и сверху. Это зависит от времени, места и обстановки борьбы. Не

потому тактика единого фронта давала иногда плохие результаты, что ее применяли сверху, а потому, что ее плохо применяли. Международная конференция транспортников (май 1923 г.) была опытом применения тактики единого фронта сверху. Но вряд ли найдется хотя бы один самый принципиальный противник единого фронта, который не признал бы громадного политического значения этой попытки.

Стало-быть, тактика единого фронта остается и на будущее время важнейшим методом классового маневрирования. Нужно ее уточнить, тщательно прорабатывать каждую кампанию, уметь быстро менять свою диспозицию, чутко прислушиваться и присматриваться к новым явлениям в рабочей среде. В одних местах применять тактику единого фронта только снизу, в других местах и снизу, и сверху, имея всегда в виду одну и ту же цель—привлечение массы на свою сторону, во что бы то ни стало.

Еще один в высшей степени важный вопрос стоит перед профессиональным движением всех стран. Это отношение между профсоюзами и рабочим правительством. Взаимоотношения между революционными союзами и революционным правительством совершенно ясны. Там, где правительство является органом диктатуры пролетариата, как в Советской России, там революционные союзы оказывают этому правительству всяческую поддержку и помощь, ибо они являются опорой пролетарской диктатуры. Ну, а как-быть с рабочим правительством типа английского? И здесь положение очень ясно. Рабочее правительство в Англии представляет собою разновидность коалиционного правительства. Прежде всего нужно разоблачать коалиционный характер этого правительства и его робость, его боязнь решительных действий, полный отказ от каких бы то ни было серьезных социальных реформ и капитуляций перед буржуазией.

Но одного словесного разоблачения здесь недостаточно; его нужно разоблачать не только словом, но и фактами. Широкие массы рабочих, в частности английских (такое же положение мы имеем сейчас в Дании) еще верят в это правительство. В них сильны еще демократические парламентские иллюзии. Надо предъявлять этому правительству конкретную программу в области социального законодательства, улучшения условий труда, налоговой системы, по колониальному вопросу и т. д. Надо заставить эти правительства, чтобы они открыли все свои карты. А это можно сделать только в том случае, если мы будем настойчиво требовать осуществления конкретной программы, увлекая за собой на этот путь массы. Там, где существует рабочее правительство, сторонники Профинтерна должны с особой тщательностью и с особым вниманием и умением проводить тактику единого фронта по отношению к тем массам, которые поддерживают рабочее правительство.

Мы видим, таким образом, какие громадные и сложные проблемы стоят перед революционным профдвижением всех стран. Путь очень трудный и извилистый. Надо завоевать еще десятки миллионов рабочих, в борьбе против буржуазии, ее государства и ее реформистов. Путь очень трудный, но он все-таки будет пройден.

Конгресс Амстердама.

Состоявшийся 2—7 июня в Вене конгресс Амстердамского Интернационала целиком и полностью подтвердил наши предположения. Левое крыло на этом съезде нашло подкрепление в лице представителей английских трэд-юнионов, которые выступили за соглашение с профсоюзами СССР. Камень, брошенный рукой англичан, всполошил все реформистское болото. Один за другим выходили социал-демократические зубры и вопили против Коминтерна и Профинтерна. «Соглашение с русскими союзами,—заявил представитель германских союзов, социал-фашист Грассман,—станет возможным, если эти последние освободятся от влияния Советского государства и Компартии». Вот она, мечта международного реформизма! Быть под руководством фашистской социал-демократии—это можно, а вот связать свою судьбу с компартией, это противоречит всем «божеским и человеческим» законам. Убогие людишки, стоящие во главе Амстердама, так-таки не могут понять и никогда не поймут, что компартия это душа и мозг нашего профдвижения, и что требовать от русских профсоюзов «развода» с компартией так же остроумно, как требовать от разбойничьей Лиги Наций установления справедливости на земле. Об этом мы неоднократно сообщали реформистам, но эти дубиноголовые продолжают свою скучную канитель при всяком удобном и неудобном случае.

Левое крыло Амстердама в лице Перселя, Кука, Бромлея и Фиммэна пыталось уговорить реформистских зубров в необходимости восстановить единство международного движения и войти в соглашение с профсоюзами СССР, но гораздо легче телеграфному столбу оспу привить, чем реформистов в таком «зазорном» деле убедить. Вообще англичанам не посчастливилось—они предложили высказаться за национализацию шахт, железных дорог и пр.,—конечно, ничего этого не было принято.

Чтобы не оттолкнуть англичан, комиссия конгресса приняла резолюцию, в которой глухо и двусмысленно сказано, что президиум должен вести переговоры с русскими союзами, но... на основе статутов и принципов Амстердамского Интернационала. Некоторые из членов левого крыла ухватились за эти двусмысленные фразы, желая из этого сделать «либеральные» выводы, но эти прекраснодушные товарищи скоро убедятся в том, каков истинный смысл лицемерных фраз. Для того, чтобы не оставалось никаких сомнений в дальнейшей политике Амстердамского Интернационала,

съезд так составил Бюро и Генеральный Совет, что от них на тысячу верст несет социал-фашизмом. Чтобы успокоить англичан, им предоставлено место председателя (Персель), а дальше идут вице-председатели Жуо, Мертенс, Лейпарт, секретари—Удегест, Зассенбах, Броун, (левый); члены Генерального Совета Стенгюнс, Ясцай, д'Аррагона, Тайэрлэ, Жулавский, Грассман и т. д. Кроме Перселя и Броуна каждое имя—это целая программа предательства и измены.

Правые одержали победу, но эта победа им очень дорого обойдется, ибо англичане вряд-ли согласятся играть роль марионеток в руках этих социал-фашистских молодцов. Прав, тысячу раз был прав Ленин в своей оценке Амстердамского Интернационала: «Амстердам, желтый Интернационал—писал Ильич—больше чем Лига Наций вреден и опасен сейчас мировой революции. Через Легиных, Гомперсов и Жуо буржуазия пытается сделать из Амстедамского Интернационала профессиональных союзов такое же орудие своих грабительских целей, каким были социал-демократические партиив сего мира в течение империалистической войны». То, что было верно в 1920 году, стало еще вернее в 1924 г.

К счастью, Амстердам уже давно не тот, каким он был несколько лет тому назад; он основательно подточен и неуклонно идет по нисходящей линии. Недалеко то время, когда Профинтерн станет единственной организацией в мировом профессиональном движении.

А. Стецкий.

Завершение денежной реформы.

I.

Вот уже четвертый месяц идет, как мы живем в условиях твердой валюты. Бумажно-денежный хаос, который почти восемь лет царил в нашей стране, остался—будем надеяться навсегда—позади и скоро станет далекой, мало похожей на правду, былью. Советский знак, стабилизованный в марте, недавно окончательно сошел со сцены: его место во всех порах товарооборота заняли устойчивые деньги—червонцы, казначейские билеты, серебро. Трудности, связанные с последним этапом реформы: ликвидацией совзнаков и замещением их устойчивыми деньгами, преодолены; болезненные явления, возникшие в критический момент перехода к новой валюте—изжиты. Пора поэтому подвести предварительные итоги реформе.

Говорят иногда, что реформа закончена только в техническом отношении и что лишь в этом смысле можно говорить об ее итогах. Конечно, если смотреть на всю реформу, как на простую операцию замены одних бумажек другими, то эта замена далеко не решает дела и ее конечные результаты остаются под вопросом. Но в том и дело, что наша реформа далеко не представляет собою только техническую операцию: она явилась результатом целого ряда экономических и финансовых мероприятий Советской власти в течение последних двух лет. Переход к твердому золотому исчислению, организация кредита и банковского дела, выпуск червонцев, достижение активного баланса, налоговая политика и сокращение дефицита—таковы отдельные звенья той цепи мероприятий, которые подвели нас к твердой валюте. Денежная реформа, т.-е. окончательная ликвидация совзнаков и замена их по всему фронту твердой валютой, является лишь последним звеном в этой цепи. Но она также не была делом одной только техники. И тот факт, что наша страна в продолжение свыше трех месяцев имеет твердую валюту, что пляска цен прекратилась, что червонец равняется с лучшими и твердыми мировыми валютами по довоенным паритетам—это есть определенный экономический результат всей совокупности перечисленных мероприятий.

Конечно, этим не сказано еще, что у нас нет затруднений теперь и не будет их завтра. Но задачи нашей финансовой политики те-

перь, после проведения реформы, уже существенно другие: они сводятся к вопросам о том, как удержать добытую с трудом твердую валюту и как предохранить ее от колебаний и падений. Эти задачи будут стоять перед нами не только сегодня или завтра, а год, два и больше, пока у нас денежная система будет существовать в том виде, как теперь создана и с той разницей, что по мере укрепления и роста нашего хозяйства решение этой задачи будет становиться все легче.

II.

Последние решающие месяцы реформы были временем окончательной ликвидации использованных до конца и отслуживших свою службу совзнаков и замены их новыми твердыми деньгами. Условия этой замены были подготовлены совершившимся ранее, в течение 22 и 23 года, переходом к твердому золотому исчислению. Т. к. к моменту реформы не только цены всех товаров, но и заработная плата исчислялись, в золотых рублях, то быстрое проникновение новой валюты в оборот было значительно упрощено и облегчено. Один из трудных моментов в реформах такого типа, как наша, состоит в переводе товарных цен, выраженных в старых деньгах, на новые деньги. Обычно этот переход к новым ценам производится стихийно самим рынком; цены понижаются далеко не в соответствии с установленным официально отношением старой валюты к новой и неравномерно для отдельных товаров. Все это в результате запутывает кредитные и торговые отношения и вызывает острые, болезненные потрясения тех и других. Для нашей реформы этого затруднения не существовало. Наша новая валюта в конечном счете связанная с золотом и его представляющая могла сразу опереться на уже вошедшие в практику золотые цены и прямо, без всяких сложных курсовых пересчетов совзначных цен в новые, приступить к выполнению своих функций в товарном обороте.

Дело облегчалось еще тем, что червонец, являющийся основным ядром нашей денежной системы, уже годом раньше проник в оборот и занял в нем крепкие позиции. В течение года он успел завоевать себе всеобщее доверие и успешно конкурировал как с обращавшейся нелегально золотой царской десяткой, так и с иностранной валютой. Естественно, что и новые казначейские деньги, опирающиеся на червонец и связанные с ним, также должны были быстро найти общее признание и без всяких заминок войти в оборот.

Основная трудность при введении новых денег заключалась в невозможности точно, количественно определить потребность рынка в новых деньгах. К моменту проведения реформы $^{8}/_{9}$ ценности денежной массы приходилось на долю устойчивых денег,— банкнот и сертификатов и лишь $^{1}/_{9}$ на долю совзнаков. Однако, удельный вес совзнаков в обращении был значительно больше: меньшую свою ценность совзнак возмещал несравненной быстротой оборота. В то время как червонцы и отчасти сертификаты придерживались и припрятывались населением, выполняя главным образом роль средства сохранения ценности, страховки от потерь на падении курса, совзнаки, обращаясь в конце своих дней с молниеносной быстротой, почти целиком обслуживали товарный оборот. При таких условиях трудно было учесть, какое точно количество твердой валюты должно было заместить советские знаки. Ясно было, что с введением твердых денег горячечная лихорадка денежного обращения должна прекратиться и что оно примет более спокойный и замедленный темп; следовательно, потребуется больше твердых денег, чем совзнаков для того, чтобы при этом замедленном темпе обращения обслужить весь товарный оборот. Однако, нельзя было высчитать точно, на сколько больше и какое именно количество твердых денег можно выпустить, не опасаясь их обесценения.

С другой стороны, существовали предположения, что с проникновением в оборот твердых денег на сцене появятся припрятанные ранее червонцы, т. к. нужда в страховке от обесценения по мере проведения денежной реформы должна была исчезнуть. При таких условиях эмиссия банкнот в прежних размерах представляла серьезную опасность; вновь выпущенные червонцы, вместе с появившимися снова в обороте ранее припрятанными,—могли привести к переполнению оборота, т.-е. к новой инфляции. Эти обстоятельства заставили НКФ чрезвычайно осторожно подойти к выпуску новых казначейских билетов и червонцев. Эмиссия червонцев была сокращена до минимума: в то время как раньше эмиссия червонцев доходила до 30 и 50 милл. рублей в месяц, в марте месяце она была ограничена до 7 миллионов рублей. Т. к. выпуск червонцев в обращение производится путем кредитования промышленности и торговли, то сокращение червонной эмиссии обозначало прежде всего сокращение кредитования промышленности и торговли. Такое резкое сжатие кредитов разумеется тяжело и болезненно должно было отразиться на нашем хозяйстве.

Выпуск казначейских билетов совершался так же осторожно, небольшими дозами, на основании особых постановлений СТО СССР. Таких постановлений было пять за это время: 5/II в выпуске казначейских денег на 25 миллионов рублей, 22/II на 30 миллионов рублей, 26/III на 25 милл., 9/IV на 30 милл. и в конце мая на 30 милл. В связи с этой осторожностью, которую многие считают чрезмерной—в выпуске казначейских денег стоит разменный голод, охвативший страну в марте и продолжавшийся до середины апреля.

Как мы видели, ценность совзнаков, находившихся к моменту реформы в обороте, была незначительна, и она возмещалась лишь их молниеносной быстротой обращения. Высчитано, что совзнак обращался в 3 и 6 раз скорее червонца. После стабилизации совзнаков скорость их обращения значительно уменьшилась, т. к. они

перестали «жечь руки». В результате в обороте сразу образовалась пустота, которую не могли заполнить незначительные порции казначейских денег. Остро дал себя знать недостаток денег и, главным образом, мелких разменных купюр. Вместо лажа на червонцы, появился лаж на мелкие деньги и на совзнаки. Товарный оборот резко сократился и в некоторых местах снова начал принимать натуральные формы. Однако, создавшийся голод на деньги сыграл и положительную роль: он привел к тому, что население жадно набрасывалось на новые деньги и они быстро, без заминок, проникали в оборот.

Сокращение кредитования, тяжесть которого пала, главным образом, на промышленность, и разменный голод, ударивший по товарному обороту—это две жертвы, которые нашему хозяйству пришлось принести в связи с проведением денежной реформы. Теперь эти болезненные явления изжиты без тяжелых последствий. Сокращение кредитов промышленность перенесла, не прибегая к свертыванию производства. Наоборот, в то время, как в прошлые годы апрель давал обычно сокращение производства на 23-29% по сравнению с предыдущими месяцами, в этом году апрельская выработка осталась на одном уровне с мартовской. Денежная масса увеличилась с начала реформы до конца мая более, чем в полтора раза—с 311 милл. рублей до 473 милл. рублей, при чем количество червонцев осталось почти на одном уровне (это подчеркивает правильность сокращения эмиссии червонцев), а увеличение больше всего происходило за счет казначейских денег, мелких купюр, которые настоятельно требовались рынком. В результате—соотношение между мелкими и крупными купюрами стало приближаться к нормальному; в мае мелкие купюры ниже 10 рублей составляли 33% денежной масс. Дальнейшего сокращения товарооборота уже не происходит: наоборот, апрель и май показывают увеличение оборота по сравнению с мартом, при чем важно, что это увеличение происходит, главным образом, в провинции. Вместе с тем, миновал кризис и в кредитных учреждениях: отлив вкладов приостановился и снова началось их увеличение. Все это говорит о том, что *решительный и острый момент проведения денежной реформы остался позади и что поступательное движение нашего хозяйства на основе твердой валюты уже началось.*

III.

Внешний курс, отношение своей валюты к иностранной и внутренний курс ее, состояние цен внутри страны, являются основными условиями оценки валюты.

При господстве капиталистических отношений, свободе товарообращения с заграницей особенное значение приобретает внешний курс. Обычно он служит лучшим барометром, показывающим

состояние валюты и отражающим все ее колебания. Поэтому первым условием реформ и залогом ее успеха в капиталистических государствах считается достижение твердого отношения к иностранной валюте, устранения чрезмерных колебаний внешнего курса отечественной валюты. Путем регулирования внешнего курса происходит обычно и выравнивание в желательном направлении цен внутри страны.

В нашем Союзе капиталистические отношения ограничены и подчинены социалистическим ядром хозяйства; товарный оборот с заграницей находится в руках государства, осуществляющего монополию внешней торговли. Однако, и у нас курс нашей валюты по отношению к иностранной приобретает чрезвычайно важное значение. Наша страна уже не является блокированной страной: она включена в систему мирового хозяйства. С каждым месяцем торговые отношения с заграницей растут и расширяются. Ясно, что с ростом внешней торговли нашей валюте нельзя было оставаться оторванной от иностранных валют. Мы не можем торговать с заграницей, покупать у нее и продавать ей, если у нас нет возможности сравнивать свои цены с ценами мирового рынка, что возможно лишь через сравнение валют, и если организации, ведущие внешнюю торговлю, не могут обменивать нашу валюту на иностранные и обратно. Рост внешней торговли неизбежно привел нас к установлению на фондовых биржах смычки между нашей валютой и валютами капиталистических стран. Разрешение сделок с иностранной валютой, котировка ее на наших фондовых биржах явилась для нас не средством пускать пыль в глаза иностранцам, как утверждают некоторые белые экономисты, а необходимым результатом восстановления нашей страной связей с мировым рынком и включения ее в общую систему мирового хозяйства.

Дело осложняется лишь тем, что против нас действует еще финансовая блокада. Капиталистические страны до сих пор не допускают официальной котировки червонца на своих биржах. Однако, прорыв этой блокады уже намечается. Прибалтийские страны, крепче других капиталистических стран связанные с нами и зависящие от нас, уступили здравому смыслу и разрешили котировку червонца на своих биржах. Что касается других капиталистических стран, то хотя они и отказываются еще признавать червонец де-юре, однако, он обращается на крупных биржах де-факто и сделки с ним происходят. При таких условиях покупательная сила червонца по отношению к иностранной валюте приобретает важное значение для оценки состояния и нашей денежной системы. И тот факт, что червонец равняется теперь по довоенным паритетам с наиболее устойчивыми мировыми деньгами—долларами и фунтами стерлингов, в то время как валюта «победительницы» Франции расценивается в четыре раза ниже довоенного паритета,—является солидным показателем успеха реформы и твердости нашей валюты.

Но смычка нашей валюты с иностранной важна также вслед-

ствие особого характера нашей денежной системы. На червонце написано, что он равен 10 руб. золотом. Однако, это еще ничего не говорит о том, какую реальную ценность представляет червонец. Он обеспечен золотом, но не обменивается на золото и последнее вообще имеет в стране только очень ограниченное, нелегальное хождение, главным образом, по рукам нэпманов, спекулянтов и контрабандистов. При таком положении вещей, золотой номинал червонца был бы пустой абстракцией, если бы червонец не находился в определенной связи с твердой иностранной валютой. Лишь приобретая по отношению к последней устойчивый курс на внешнем рынке, червонец делается реальной и вполне определенной величиной и на внутреннем рынке. Через свою связь с золотыми валютами он перестает быть абстракцией, становится и внутри страны представителем золота, являющегося мировыми деньгами.

Эмигрантские газеты любят говорить об искусственности высокого внешнего курса червонца. Этот-де курс является показным и совершенно не соответствует низкой покупательной силе червонца внутри страны. Он объясняется, мол, тем, что в Советском Союзе существует монополия внешней торговли и активный торговый баланс. Не будь этих двух вещей, червонец быстро сорвался бы с теперешних довоенных паритетов и полетел бы вниз. Иногда такие разговоры слышатся и у нас. Нет сомнения, что монополия внешней торговли облегчает регулирование курса червонца в то время как активный баланс является основой его устойчивости. Но об искусственности говорить теперь, когда торговый оборот с заграницей выражается в сотнях миллионах рублей (за первые 5 месяцев 1923—24 г. весь оборот 219,7 милл. руб.)—нелепо. Всякое сильное расхождение покупательной силы червонца внутри страны с его курсом по отношению к инвалюте при таком большом объеме внешней торговли немедленно отразился бы на последней и сделал бы невозможным экспорт наших товаров. То, что наш экспорт растет и что он дает нам прибыль, служит лучшим опровержением этих белогвардейских мудрствований...

Однако, в критические месяцы реформы и еще в настоящее время решающим фактом является покупательная сила новых денег на внутреннем рынке. От того, как здесь складывались и складываются отношения между товарами и деньгами, от состояния цен, в значительной степени зависит успех реформы.

Время, предшествовавшее реформе, характеризовалось причудливой пляской цен и их непрерывным ростом. Цены росли не только в совзначном, но и в золотом исчислении. Так как, оборот, особенно розничный, обслуживался, главным образом, советскими знаками, то быстрое падение последних, доходившее до нескольких процентов в день, приводило к необходимости повышения в целях страховки и золотой цены товара, которая реализовалась обычно падающими совзнаками. Совзнак тянул, таким образом, за собой и червонец, вызывая своим непрестанным падением через повышение золотых цен, понижение покупательной силы червонца. Это особенно относится к последним месяцам перед реформой.

Существовала большая опасность, что этот рост цен может продолжаться по инерции и после введения новых денег. Если бы это случилось, реформа была бы сорвана. Возраставшие на рынке цены через ряд передаточных звеньев (заработная плата, увеличение расходов госучреждений) должны были предъявлять повышенные требования к государственному бюджету и приводить к новой эмиссии. Поэтому опасность повышения цен необходимо было устранить в этот критический момент реформы во что бы то ни стало.

Эта опасность могла быть устранена только путем планомерного воздействия государства на рынок. Условия реформы,—быстрый переход на полном ходу с падающей валюты на твердую,—необходимо требовали выступления государства на рынке с целью смягчить болезненные явления, связанные с этим переходом и в критический момент своим воздействием на цены обеспечить проведение реформы. Что вмешательство государства в рыночные отношения при таких обстоятельствах неизбежно, показывает пример Германии. Несмотря на то, что буржуазное правительство Германии свято соблюдает принцип частной собственности, свободы инициативы и конкуренции частных предпринимателей, в решающий момент проведения своей денежной реформы оно должно было поступиться своими принципами и несколько ограничить эти свободы. Правительственные органы и магистраты вынуждены были производить давление на торговлю с целью не только остановить повышение цен, но и дать толчок к их понижению, при чем это давление производилось исключительно мерами административно-полицейского воздействия: судебными преследованиями, штрафами, и проч., а отчасти мобилизацией в соответствующем направлении общественного мнения.

У нас воздействие на рынок шло по другой линии. На опыте прошлых лет, дореволюционных и послереволюционных, мы могли убедиться, что одними приказами рынком командовать нельзя и что самыми строгими распоряжениями нельзя понизить цены на продукты, если для этого нет экономических предпосылок. С другой стороны, в руках нашего государства имеется такая большая экономическая сила, которая одна при соответствующем использовании могла дать нужные результаты, и сыграть решающую роль. Поэтому наше правительство ограничилось мерами экономического регулирования рынка. Комвнуторг, на основании анализа себестоимости продукции, снижал цены на промышленные товары, и, опираясь на имеющиеся в руках государственных органов запасы товаров, закреплял рыночные цены на определенном уровне. Что касается сельскохозяйственных товаров, в особенности хлеба и других продуктов питания, то тут подействовала

соответствующая политика в области заготовок—давление на цены заготовляющих госорганов, а с другой стороны, использование имевшихся у государства запасов хлеба. Пользуясь этими запасами и интервентируя ими в наиболее угрожаемых и важных пунктах—больших городах и промышленных областях—удалось вызвать не только стабилизацию, но и понижение цен на некоторые важнейшие продукты питания.

Эта политика блестяще оправдала себя и дала нужные результаты. Воздействие государства сказалось на всем рынке; не только кооперативные и государственные учреждения снизили цены, но это вынуждены были сделать—не под административным давлением, а под давлением конкуренции—и частные торговцы; понижение цен коснулось (за некоторыми исключениями, как, например, мясо) не только тех продуктов, которые были объектами регулирования, но и остальных. Пляска цен прекратилась, и вот уже свыше трех месяцев мы имеем устойчивые цены и устойчивую валюту.

IV.

Наша задача состоит теперь в том, чтобы—как это подчеркнуто резолюцией XIII съезда—закрепить и удержать денежную реформу.

Удержим мы твердую валюту или нет, это зависит не только от нас, но и от обстоятельств, которые лежат вне нашей воли. Мы не гарантированы от того, что нам не придется встретиться с серьезными затруднениями. Керзоновский ультиматум прошлого года и теперешний конфликт с Германией показывает, как легко и неожиданно наша страна может оказаться перед лицом всякого рода осложнений с враждебными капиталистическими странами. Неурожай в Поволжье также памятен всем. Разумеется, катастрофа в наших отношениях с капиталистическими государствами или внутреннее бедствие, в роде неурожая и голода в Поволжье, могут нанести сильный удар нашей валюте.

Но пока нет оснований печально смотреть в будущее. Наши отношения с капиталистическими странами развиваются под знаком признаний СССР де-юре и непосредственная военная опасность с этой стороны в настоящий момент не грозит. Данные о состоянии посевов и погоды позволяют надеяться на средний урожай, который при соответствующем использовании должен вызвать дальнейшее оживление торговли и промышленности, а вместе с тем укрепить наше финансовое положение и денежную систему.

Реально над нашей новой валютой висят две угрозы. Первая—это дефицит в государственном бюджете. Правда, дефицит не представляет теперь уже такой острой опасности, как раньше. В настоящее время он составляет 20% государственного бюджета, в то время как в 1922—23 гг. он составлял 39%, в значительной степени он покрывается теперь кредитными операциями государства. Что касается эмиссии, как источника покрытия дефицита, то в текущем году при помощи эмиссии покрывается всего от 8 до 10% государственных расходов, тогда как в соответствующие месяцы прошлого года покрывалось около 25%. Если бы удалось сохранить бюджет на уровне прошлого года, то дефицит, возможно, превратился бы в совсем незначительную величину. Однако, правительство не пошло на это, так как в таком случае пришлось бы сильно урезать потребности нашего хозяйства и задержать темп его восстановления. Наш теперешний дефицит является, таким образом, в отличие от дефицитов предыдущих лет, или от дефицитов капиталистических стран, расходующих колоссальные средства на вооружения,—производительным дефицитом, результатом того, что государство затрачивает значительные средства, превышающие налоговые поступления, на развитие нашего хозяйства. Дефицит существует не на фоне разрушения хозяйства и военного непроизводительного потребления, а на фоне восстановления хозяйства, производительного потребления и накопления. Он сопровождается ростом хозяйства и товарооборота. В таких условиях денежная эмиссия для покрытия дефицита, в том случае, если он соответствует потребностям развивающегося товарооборота, не представляет опасности. Добавочные деньги целиком поглощаются оборотом, не вызывая повышения цен.

Та часть дефицита, которую правительству предстояло покрыть с момента начала реформы, т.-е. с марта до конца года, т.-е. 1 октября, эмиссией, составляет около ста миллионов рублей. Значительная часть этой суммы уже покрыта. Денежная масса, находившаяся к концу мая в обращении, составляла 473 миллиона рублей. В то же время по расчетам Госплана потребность рынка в деньгах к осени составит от 600 до 700 миллионов рублей, при чем около 150 миллионов рублей, составляющих добавочную потребность рынка, правительство должно будет выпустить специально на кредиты по хлебозаготовкам. Таким образом, возможность покрыть дефицит введением добавочного количества денег имеется и может быть использована без вреда для валюты и хозяйства.

Однако, эти цифры показывают, что государство стоит в этом отношении у предела и что всякий неосторожный шаг в эмиссии может привести к новой инфляции со всеми ее последствиями. Поэтому особенно важно именно теперь серьезное внимание к работе налоговых органов, всяческая поддержка их в деле повышения налоговых поступлений, и вместе с тем усиленная работа по реализации государственных займов. Только таким путем сможем мы отойти от опасного предела эмиссии и отвести первую угрозу, висящую над новой валютой.

Другая опасность для новых денег заключается в особенности процесса восстановления нашего хозяйства. Этот процесс восстановления идет далеко не так гладко, и плавно, как нам бы хотелось. Отдельные отрасли хозяйства развиваются неравномерно, с неодинаковой быстротой. Пропорциональность и равновесие между отдельными частями вследствие этого постоянно нарушается и изменяется. А это, в свою очередь, отражается на рыночной конъюнктуре, вызывает ее неустойчивость и постоянные колебания цен. Весь процесс хозяйственного восстановления приобретает поэтому волнообразный кризисный характер.

Ярче всего сказывается это на взаимоотношении двух основных элементов нашей хозяйственной системы: промышленности и сельского хозяйства. В 1921—22 году сельское хозяйство стояло на низком уровне, отчасти вследствие неурожая, цены на сельскохозяйственные продукты были высокие, на промышленные низкие. К осени 1923 года мы оказались на гребне другой волны: сельское хозяйство обогнало промышленность в своем восстановлении; избыток хлеба на внутреннем рынке вызвал наибольшее за весь период нэп'а падение хлебных цен, что свело в связи с высокими ценами промышленных товаров к минимуму покупательную способность крестьянства. Продукты промышленности не находили сбыта в деревне. Разразился кризис сбыта, который грозил превратиться в тяжелый общий кризис всего народного хозяйства и не превратился лишь благодаря своевременному вмешательству государства в его ход.

Эта неустойчивость хозяйства, отношений между отдельными его частями, колебания цен представляют серьезную опасность для нашей не окрепшей еще денежной системы и могут нанести ей сильные удары. Задача государства заключается поэтому в том, чтобы своевременно предупреждать эти колебания, ослаблять их и устранять их болезненные последствия.

В настоящее время, в связи с повышением покупательной способности крестьянства, вследствие экспорта хлеба за границу, понижением цен на промышленные товары—наблюдается о ж и в л е н и е к о н ъ ю н к т у р ы. Спрос со стороны крестьянства увеличивается. Предметы крестьянского потребления находят быстрый и беспрепятственный сбыт в деревне. Не только распроданы все старые запасы ходких товаров, но есть опасность, что производство не сможет угнаться за ростом спроса. При таком положении к осени, когда спрос еще более усилится, страна может оказаться перед товарным голодом, который неизбежно вызовет новый скачок цен, потрясение рынка и тем самым потрясение денежной системы.

Поэтому необходимо теперь же соответствующий нажим на производство, создание товарных запасов для того, чтобы удовлетворить этот возрастающий спрос и предотвратить опасность, угрожающую нашему хозяйству и новой денежной системе.

Ив. Капитонов.

Безработица в Советском Союзе.

I.

С переходом к нэп'у хозяйство Советского Союза получило известные объективно-экономические гарантии от той волны разнообразных, часто неожиданных, ставящих под вопрос само существование хозяйственной системы пролетарской диктатуры, спицифических кризисов военного коммунизма, которые в виде топливных, продовольственных затруднений беспрерывно волновали нашу страну. Как отмечалось на XIII съезде партии, наше хозяйство—и промышленность, и сельское хозяйство—развивается, обнаруживает все признаки здорового роста на основе принятого курса экономической политики. Нэп выдержал экзамен. Он остается основой хозяйственной политики для России «всерьез и надолго».

Но было бы непростительной чванливостью и просто политической близорукостью не замечать тех серьезнейших трудностей и опасностей, которые несет нам нэп. И эти «скверны нэп'а» кроются вовсе не только в его извращениях, перебоях нормального хода машины, а и в ее нормальной работе. Вместе с увеличением товарооборота, ростом промышленности создается почва для появления особой самостоятельной прослойки новой торговой буржуазии и для возможности ее политической консолидации; вместе с ростом производительных сил деревни делается возможным и почти неизбежным известная хозяйственная диференциация крестьянства и выпирание на политическую арену деревенского богатея; осенний кризис прошлого года, связанный с «ножницами»—явление того же порядка,—перебои хозяйства из-за неурегулированности, стихийности всей хозяйственной системы в целом в известной мере стали неизбежным явлением в начальный период господства новой экономической политики.

Эта двусторонность, эта неизбежная п р о т и в о р е ч и в о с т ь всех явлений нашего хозяйственного развития сказывается и на состоянии самого рабочего класса. Процесс распыления пролетариата, вызванный катастрофическим падением нашей городской промышленности и бедственным положением городов, прекращает-

ся с переходом к нэп'у. Начался и успешно развивается противоположный процесс—процесс консолидации рабочего класса, собирания его в крупных промышленных центрах. Разбежавшиеся во время голодовок по деревням квалифицированные рабочие, пролетарии старой закалки начинают возвращаться в города, в промышленность.

Но и этот процесс имеет оборотную сторону. Рабочие возвращаются из деревень вовсе не прельщенные золотыми посулами города, а скорее потому, что деревня выпирает их, потому, что при господстве обмена и частно-хозяйственного присвоения деревня не дает возможности существования всей громадной массе мелких хозяйчиков, осевших в деревне. Деревня выплевывает излишки своего населения в городские центры, вовсе не соображаясь с «поглотительной» способностью этих последних, вовсе не дожидаясь запроса из сферы промышленного труда. На-ряду со старыми рабочими, вынужденными временными дезертирами промышленности, в города хлынула масса крестьянского молодняка, не находящая применения своим силам в деревне. Все это явления, совершенно неизбежные и даже—известной своей стороной—для нас желательные, но они в современных условиях означают не что иное, как рост безработицы со всеми ее последствиями.

Параллельно наплыву свободных, излишних рабочих рук из деревни, в городах протекает встречный процесс, усугубляющий и обостряющий безработицу. Рационализация промышленности и государственного аппарата неизбежно приводит к выталкиванию всех лишних рабочих, которые держались в производстве, или, вернее, около производства, исключительно благодаря ненормальному разбуханию людского обслуживающего аппарата, или нездоровому рассеиванию работников среди большого количества полуработающих предприятий, которое вызывало неполное использование каждого рабочего в отдельности. «Сокращение», «разгрузка»—эти нормальные, обычные в наши дни явления, одновременно свидетельствуют и об оздоровлении нашего хозяйства, о росте производительности труда, о сокращении непроизводительных растрат человеческой рабочей силы и, с другой стороны, о выталкивании занятых до сих пор рабочих в армию безработных, о росте безработицы и ее мук, растущих вместе с ростом количества незанятых рабочих.

Таким образом, обе стороны роста и внутренней консолидации пролетариата—и собирание рабочих в крупных промышленных центрах, и повышение производительности труда рабочих, занятых в промышленности,—имеют свою оборотную сторону. Безработица выступает теперь пока как неизбежный спутник тех здоровых процессов в хозяйстве, ради которых мы согласились на обходный путь новой экономической политики. Поскольку мы приемлем нэп, т.-е. господство на первое время стихийно-рыночного начала, подчинение нашего хозяйства анархическому регулированию рынка, поскольку мы приемлем, следовательно, капиталистическую форму организации и регулирования хозяйственной жизни,—постольку на-ряду с подъемом производительных сил, на-ряду с расширением базы социализма—пролетарской крупной промышленности, мы должны будем еще долго переживать и неизбежные теневые стороны избранного нами пути: рыночную неурядицу, частичные кризисы сбыта, безработицу и пр.

II.

Последние месяцы характеризуются как-раз таким ростом безработицы, который заставляет партию снова и снова обратить свое внимание на трудность положения, на теневые стороны нашего хозяйственного строительства, замазывать, подрумянивать которые мы никогда не стремились. Официальный оптимизм и самохвальное пустозвонство никогда не были чертами большевизма. Не глупая самовлюбленность и не паническая растерянность перед препятствием, а трезвый учет всех трудностей, приковывание к ним внимания партии, выбор необходимых мер борьбы и единодушная, упорная, настойчивая работа над устранением этих трудностей,—вот линия большевистской партии.

Положение с безработицей сейчас действительно угрожающее. Достаточно будет сказать, что общее количество безработных, зарегистрированных на бирже труда по СССР, свыше 1.300.000 человек. Сюда входит, конечно, довольно большое количество фиктивных безработных и неменьше полузанятых рабочих, но не следует обольщать себя мыслью, что фактическое состояние рынка труда расходится с официальной статистикой в благоприятную сторону. Скорее наоборот. Количество незарегистрированных безработных в городах, громадный слой скрытых, потенциальных безработных в деревне, значительная групп полубезработных,—все они должны увеличить официальную цифру.

Если эти 1.300.000 безработных вставить в общую рамку нашего хозяйства, то картина станет еще более серьезна. Надо иметь в виду, что мы все еще далеко не достигли довоенного уровня развития промышленности, что в нашей крупной индустрии занято рабочих пока только 1.625.000 человек. Эта цифра говорит нам, правда, что наша промышленность еще должна сильно расшириться, и что при расширении она способна поглотить довольно большое количество незанятых теперь рабочих. Но соотношение рабочих, занятых и безработных, показывает, что теперь пока положение довольно грозное.

Это сопоставление 1.300.000 и 1.625.000 человек несколько смягчается от того, что среди безработных далеко не все индустриальные рабочие. Общая сумма безработных

по основным градациям распределяются следующим образом: 472.500 (35%)—интеллигентского труда, 337.500 (25%,)— индустриальных рабочих, 351.000 (26%)—чернорабочих и 189.000 (14%)—прочих профессий. Таким образом, количество претендентов на роль рабочего, занятого в индустрии, уменьшается по меньшей мере вдвое (35% интеллигентного труда и 14% «прочих» нельзя считать резервной промышленной армией в буквальном смысле этого слова). Однако, если мы попытаемся проследить тенденции распределения безработицы, то найдем, что роль индустриальных рабочих в резервной армии растет; так, в абсолютных цифрах: безработных индустриальных профессий было на 1 января 1923 г. 141.000, на 1 января 24 г.—уже 310.000 и на 1 апреля 24 г.—343.600 человек. Повышается и удельный вес их. К декабрю 1922 года индустриальные рабочие составляли 21% от общего количества безработных, а на 1 апреля 1924 г.—25%; возросло также значение чернорабочих с 20% до 25,6% за те же сроки. Растет и удельный вес более квалифицированной рабочей силы, мужской: в конце 1922 г. было мужчин 44%, теперь—53%. Эти цифры показывают, что массовый рост безработицы вследствие сокращения госаппарата, столь характерный для 1921—22 г., теперь уступает по своему значению основному процессу накопления промышленной резервной армии, болезненному явлению, неизбежному, однако, на первых шагах возрождения нашей промышленности.

При анализе цифр поражает не абсолютное количество безработных, а рост их и темп этого роста. На 1 января 1923 г. безработных было 641.000, на 1 января 1924 г.—1.240.000 и на 1 апреля 1924 г.—1.369.000 человек.

Откуда же притекают на переполненный рынок труда эти новые и новые десятки тысяч рабочих, свободных и ищущих применения своей рабочей силы? По данным Наркомтруда, безработица по своим причинам распределяется следующим образом:

1. Сокращение по штату и вследствие ликвид. предпр. . . .	46,6%
2. Уволенные по другим причинам.	17,8%
3. Демобилизованные	2,2%
4. Совсем не работавшие по найму	23,4%
5. Неработавшие по найму с 1 января 1923 г.	10%
Всего	100%

Эти данные, на первый взгляд, противоречат нашему предположению, что основной источник безработицы—деревня, поставляющая самые значительные кадры безработных: целых 64,4% составляют, как мы видим, уволенные по тем или иным причинам из предприятий рабочие. С другой стороны, эта же цифра должна как-будто рассеять мнение о прекращении распыления пролетариата и начавшейся его консолидации. Но все это только на первый взгляд. Действительно: за тот же год, с января по декабрь 1923 года, количество рабочих, занятых в крупных промышленных предприятиях, возросло с 1.410.000 до 1.625.000 человек. Таким образом, здесь мы имеем рост безработицы на-ряду и параллельно росту действующего пролетариата. Что же означают в таком случае 64,4% выброшенных из предприятий в армию безработных?

Здесь мы имеем, очевидно, все ту же двусторонность хозяйственных явлений эпохи нэп'а. По сути дела здесь перед нами здоровый процесс собирания старых рабочих, процесс подбора наиболее квалифицированных, наиболее производительных работников в нашей крупной промышленности. За время гражданской войны и голодовки не только распылялись основные кадры пролетариата, не только происходило рассасывание рабочих окружающей деревней, но и состав занятых рабочих качественно терпел существеннейшие изменения. Молодой, неопытный, малоквалифицированный новичок стал играть заметную роль в наших предприятиях. Великая перепутаница специальности и квалификации досталась нэп'у в наследство от военного коммунизма. Поэтому, естественно, теперь рабочий состав предприятий обнаружил некоторые признаки текучести. Возвращающиеся и приходящие теперь вновь из сельских местностей рабочие, часто оказываются более производительными, более приспособленными к данным условиям развития промышленности, чем занятые в предприятиях до них. Происходит вытеснение уже занятых рабочих «новичками», и отсюда мы имеем 64,4% безработных, уволенных из предприятий при общем росте занятой рабочей армии.

Пролетариат, таким образом, не просто растет количественно, но одновременно и выравнивается качественно. На наших глазах происходит оздоровление рабочего класса, подбор и размещение работников соответственно интересам развивающейся индустрии. И этот здоровый по существу процесс в обстановке новой экономической политики получает уродливую форму роста безработицы, роста количества рабочих, выброшенных из промышленности в ряды резервной промышленной армии.

III.

Безработица, разумеется, в известной степени неизбежна, но до какой степени она разрастется, как она отразится на различных слоях пролетариата, насколько болезненно будут действовать ее яды на самих безработных,—все это в значительной мере определяется нашей хозяйственной политикой, работой партийных и профессиональных организаций. При решении основных хозяйственных вопросов партия должна всегда перед собой иметь также и проблему безработицы, проблему, бичующую всеми скорпионами нищеты и голодовки непосредственного носителя и руко-

водителя пролетарской диктатуры—человеческие кадры рабочего класса.

Группа безработных интеллигентного труда (35%) является и по своему происхождению и по своим перспективам наиболее устойчивой, наиболее застойной. Бывшие советские служащие, молодые студенты, перепроизводство которых вынудило только-что происшедшее сокращение личного состава вуз'ов, не может в ближайщему будущем дать ни существенного увеличения безработных, ни значительного сокращения; эта группа менее всего зависит от текущей хозяйственной политики правительства, менее всех других в своих колебаниях определяется состоянием промышленности. Далее, при быстрейшем подъеме народного хозяйства, безработица среди этой группы будет рассасываться лишь медленно и постепенно, поскольку отдельные представители ее не перейдут на другой род занятий—в торговлю, посредничество, шиберство и др., что при общем подъеме весьма вероятно.

Остальные безработные вербуются, как указано выше, в основном из двух источников: это или пришедшие из деревни новые рабочие (совсем не работавшие по найму—23,4% + неработавшие по найму с 1/I 23 г. — 10% + 2,2% демобилизованных, — всего 35,6%), или, вытолкнутые все теми же деревенскими пришельцами промышленные рабочие. Как по своим причинам, так и по перспективам, безработица этих групп определяется одними и теми же факторами. Создает безработицу и в первом, и во втором случае наплыв рабочих в торгово-промышленные центры из сельскохозяйственных районов республики; сокращение или рост безработицы и в первом, и во втором случае определяется темпом развития нашей крупной промышленности: втягивание безработных в сферу промышленного труда вместе с развитием индустрии должно одинаково благоприятно отразиться как на крестьянских выходцах, так и на промышленных рабочих, вытесненных из предприятий.

В этой группе безработных мы имеем теснейшую связь судьбы их с состоянием народного хозяйства и, следовательно, с тем или иным направлением нашей хозяйственной политики. Само собою очевидно, что рост крупной промышленности сразу втянет значительные массы безработных этой категории и довольно ощутительно смягчит остроту самой безработицы. Таким образом, самым радикальным разрешением вопроса здесь было бы наиболее быстрое развертывание пролетарской крупной промышленности; вся основная работа партии по подъему и расширению нашей крупной промышленности идет здесь по линии с безработицей, по линии ее сокращения. Но хозяйственный подъем определяется не одним нашим стремлением к подъему, а зависит также от массы объективных, выходящих за пределы досягаемости сознательного воздействия факторов. Развитие промышленности, в силу ряда причин, не может итти так быстро, как это было бы необходимо для поглощения всех безработных, для ликвидации безработицы при помощи только этого пути. А раз это так, то мы вынуждены искать других подсобных путей, смягчающих действие растущей волны безработицы на основные пролетарские кадры.

Прежде всего здесь во весь рост встает значение политического момента во всяком хозяйственном вопросе. «Чистое хозяйствование», подчинение хозяйственной политики только моментам технической рациональности или выгодности, или даже только интересам развития производительных сил республики, было бы близорукой политикой, забывающей тот простой факт, что и хозяйство, и политика строятся живыми людьми. В управлении, регулировании государственной промышленности этот политический момент выступает на первый план, когда решаются, например, вопросы свертывания, концентрации предприятий. И то и другое часто необходимо в интересах повышения производительности труда, и то и другое является мерами оздоровления нашей государственной промышленности, но было бы хозяйственным головотяпством забыть о крупнейшем политическом значении иной концентрации, если она связана с увольнением тысяч занятых до сих пор рабочих. По этому вопросу партия уже выработала твердый курс: не увлекаться отвлеченными планами рационализации, всегда иметь в виду политическую перспективу и осторожней со всякими широковещательными реорганизациями промышленности, столь болезненно отражающимися на рабочем классе.

XIII съезд партии во главу угла предстоящей хозяйственной деятельности пролетарского государства поставил задачу ограничения роли растущего частного капитала, главным образом, в торговле. Частный капитал слишком широко распустил свою паутину, пора посократить его значение, сказал съезд нашей партии. Но это вовсе не значит, что мы отменяем свободу торговли, что мы административным кулаком будем вышибать частный капитал из его позиций. Все, что ведет к сокращению оборота, все, что идет в ущерб расширения производства, должно быть отброшено. Борись с частным капиталом, экономически вытесняя его, замещая его в хозяйственном значении.

То же самое можно сказать и относительно нажима на частнокапиталистические образования в области ремесла и промышленности. Поменьше головотяпства! Административная рука пролетарской диктатуры со всей силой своего нажима должна появляться лишь там, где мы в государственной или кооперативной форме способны заместить, заменить частного хозяйчика. Мы нашим налоговым прессом и подсобным административным аппаратом, должны давить частный капитал ровно настолько, чтобы он всегда готов был испустить дух, но не задохся бы в наших объятиях преждевременно. Это означало бы не только ничем не

оправданное сокращение производительных сил страны, а и одновременное выбрасывание в ряды безработных новых и новых групп рабочих. Легкомысленная беззаботность в этом вопросе менее всего допустима. Всякое оттягивание свободных рабочих сил, поскольку оно не вступает в основное противоречие с условиями пролетарской диктатуры, должно расцениваться как положительный факт, за который мы готовы кое-что и стерпеть.

IV.

Но, конечно, центр вопроса не здесь,—он, как и почти все основные проблемы революции, находится в области соотношения города с деревней. Деревня, главный поставщик безработных, кроет в себе силы и возможности смягчить, свести безработицу на нет и, с другой стороны, затопить города и промышленные центры серым потоком крестьянских выходцев. От того, как сложится хозяйственная обстановка в деревне, зависит также и количество выбрасываемых в города свободных рабочих рук. Но, в противоположность городу, здесь не всякий подъем, не всякое развитие хозяйства ведет к всасыванию большого количества рабочей силы в производство. Если рост производительности сельского хозяйства происходит за счет внутреннего перераспределения производственных ресурсов между отдельными хозяйственными группами деревни, проще говоря,—если подъем хозяйства базируется на подъеме кулацких хозяйств за счет и в ущерб мелкому трудовому хозяйчику,—этот подъем, это развитие отнюдь не следует считать благоприятным симптомом с точки зрения ликвидации безработицы. В самом деле: если, разорив 5—10 своих более слабосильных соседей, деревенский богатей повысит продуктивность своего (и находящегося в его эксплоатации) хозяйства, если даже тем самым повысит и общий уровень производительности сельского хозяйства данного района, то, с точки зрения воздействия на рабочую силу, это неизбежно будет означать прогрессирующее вытеснение бывших самостоятельных хозяйчиков из среды земледельческого труда, растущее выбрасывание на рынок труда свободных рук, во что бы то ни стало ищущих постороннего приработка.

Таким образом, если в городской промышленности всякое расширение производства одновременно означает сокращение безработицы, то в сельском хозяйстве наша политика должна ставить себе существенно иные, более сложные задачи. Не стремление расширить и поднять производство во что бы то ни стало, а забота о всеобщем, по-возможности равномерном подъеме хозяйства всех групп крестьянства. Столыпинская «ставка на сильного» была бы в наших условиях ударом в спину городского промышленного пролетариата. Деревня должна хозяйственно задержать максимум рабочих сил в сельском хозяйстве, пока наша растущая крупная промышленность не сможет безболезненно поглощать всех излишков рабочей силы, накапливаемых деревней в процессе ее хозяйственного роста.

Здесь, как мы видим, линия борьбы с безработицей совпадает с общеполитической линией партии в деревне. Поддержать, не дать окончательно хозяйственно погибнуть бедняку, сорганизовать его вместе с трудовыми элементами деревни против растущего в своем значении кулака, добиться общего подъема деревни без разорения отдельных ее экономических групп, и параллельное развитие коллективных форм хозяйствования—вот в грубых чертах наша общеполитическая задача в деревне. С точки зрения частного вопроса о безработице это и будет означать: поддержать и, тем самым, задержать в деревне наиболее вероятного и наиболее близкого кандидата в резервную промышленную армию, создать условия, при которых городская промышленность не будет ощущать на себе громадной тяжести «деревенских бегунов».

Основное стремление, основная цель партии—строительство коммунизма в условиях мелко-крестьянского большинства—в данном случае, как мы видим, целиком совпадает с задачами, выдвигаемыми трепещущей злободневностью. Это не только доказывает нам правильность курса партийной политики в деревне, но и дает гарантии, что проведение общих директив партии не будет задержано малой их связью с текущими задачами. Сегодняшний день—1.300.000 безработных по СССР—вот что стимулирует всю партию сосредоточить свои усилия на деревенском участке фронта ради осуществления директив нашей общеполитической линии.

Но на-ряду с этими общими задачами в области экономической политики, мы ни на минуту не должны забывать также и того, что безработица, растущая безработица—факт, что сотни тысяч человек не могут при создавшихся условиях найти приложения своим силам и обречены поэтому на все ужасы нищеты и голодовок. Опасность опускания в разряд люмпенов сейчас вполне реально стоит перед большими группами пролетариев.

Партия имеет все основания бить в набат. Необходимо, чтобы все партийные организации, вплоть до мельчайших ячеек, знали об опасности и обратили бы свое внимание на дело непосредственной помощи безработным. Необходим партийный глаз, чтобы средства, отпускаемые государством на дело помощи безработным (организация общественных работ, социальное страхование и пр.), использовались с максимальным результатом, чтобы ни одна лишняя копейка не была перерасходована на «аппаратные издержки».

С другой стороны, партия должна обратить все внимание

на самое направление борьбы с безработицей. Мы заинтересованы в высвобождении из-под этого ярма в первую голову определенных групп безработных. Среди них имеется незначительная по количеству (2,2%), но значительнейшая по своему политическому характеру группа демобилизованных. Ставить в общий ряд, в общую очередь с другими демобилизованных красноармейцев могут только пустые формалисты, насквозь проплесневевшие бюрократы. Людям, ради интересов всего государства в целом оторванным от производительных занятий на несколько лет, эти занятия должны быть предоставлены в первую очередь. То же самое и с остальными группами. Деревенский новичок, только впервые появляющийся в городе, еще не порвавший окончательно со своим сельским хозяйством, и старый пролетарий, попавший под сокращение, обреченный с длительной безработицей на вырождение в люмпена, не могут расцениваться одинаково. Сухая, бездушная формалистика тут неуместна, недопустима.

Главную же часть заботы о наличных безработных, конечно, должны взять на себя профессиональные союзы. Они должны взять на себя инициативу и руководство кампанией помощи безработным. Профсоюзы должны побудить широкие рабочие массы осознать свою кровную связь с временно-безработным товарищем, должны вызвать массовую волну рабочей помощи безработным.

С другой стороны, безработные не должны чувствовать себя изгоями в рабочей среде. Среди безработных членов профессиональных союзов, равно как и среди остальных безработных, значительным темпом должна вестись партийная и профессиональная работа. И партия, и профсоюзы должны на это дело найти и силы, и средства. Массовое участие рядовых членов партии и рядовых членов профессиональных союзов в контроле и организации помощи безработным—лучший залог того, что наибольшее количество пролетариев переживет временное лихолетье и с новым подъемом промышленности войдет в производство.

Партия, а вместе с ней и все организации рабочего класса, должны остановить свое внимание на тяжелой проблеме безработицы и на-ряду с мерами общехозяйственной политики, направленными на подрыв самих корней, самих источников безработицы, заняться всесторонней работой по облегчению тягостей безработицы.

А. Кравченко.

Из дневника занятий с „ленинцами“.

Новый призыв в партию подводит вплотную к вопросам современной политики и экономики большое количество рабочих от станка. Некоторые из них, быть-может, и не войдут в партию ее членами, но желание быть в курсе всех событий, как происходящих в СССР, так и за пределами его, стремление разбираться во всех мероприятиях Советской власти, во всех постановлениях партии останется у них прочно.

Волна подъема, происходящего сейчас на наших глазах, вынесла середняка-рабочего наверх, заставила его если, как правило, не говорить, то ставить вопросы. Прислушаться к ним очень важно, они вскрывают затаенные думы и тревоги, обнаруживают все те сложные процессы, которые за годы революции произошли в сознании рабочих масс. Особенно нужно это знать каждому пропагандисту, ибо это означает прощупать основы для правильного ведения работы в дальнейшем, наметить построение той или иной программы занятий, определить метод работы по ней.

В качестве сырого материала решаюсь опубликовать некоторые свои наблюдения во время занятий в одной из сокращенных школ политграмоты для кандидатов РКП (б.).

Эта школа насчитывала 25 рабочих. Большим плюсом являлось то, что все они были грамотные. На вопрос: читают ли газеты,— почти все ответили утвердительно. Большинство получает газеты по подписке. Возрастный состав школы таков:

Членов РКСМ.	5	человек.
От 22 лет до 30	9	„
„ 30 „ „ 45	9	„
„ 45 „ „ 62	2	„

Основное ядро таким образом составили вполне уже зрелые, сознательно пережившие Октябрьскую революцию, товарищи.

Мужчин—24, женщин—1. Еще один штрих состава: двое—бывшие члены партии, ушедшие из нее с приходом нэп'а. Теперь они снова возвратились к ней.

Первое занятие (по программе Агитпропа ЦК РКП) прошло, главным образом, в рассказывании. Знакомились друг с другом. Тем не менее уже к концу занятия определенно наметился пункт, вокруг которого сосредоточилось внимание «ленинцев», который вызвал вопросы, обмен мнениями. Этот пункт — вопрос о пролетариате-гегемоне. Как это выходит, что меньшинство глава всем? Как объяснить право на диктатуру рабочего класса крестьянам?

На этом вопросе остановились основательно. Договорились о том, что один из слушателей возьмется прочитать и разобрать статью тов. Зиновьева, имеющуюся в приложении к «Истории партии» — «Большевики и гегемония пролетариата», а потом расскажет ее нам. В дальнейшем выяснилось, что и эта статья не разрешила всех сомнений. Требовали конкретных доказательств своих прав быть гегемоном, особенно интересовались перспективами современной техники. Все вместе читали и построчно разбирали цитируемые тов. Зиновьевым слова Владимира Ильича: «Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы», и т. д.

Эту тему необходимо развить в ряде популярнейших брошюр, говорящих не общими фразами, а на простейших жизненных примерах объясняющих руководящую роль пролетариата в хозяйственной жизни, политической и т. д.

Экономизм был быстро и вполне сознательно забракован.

— Без политики экономику не оправдаешь.

— Одно дело, только с разных сторон смотрится.

Характерно еще, что суровые речи Владимира Ильича на II съезде партии об обязанностях члена партии, о необходимости железной дисциплины воспринимались как само собою разумеющееся.

— Хочешь иди, хочешь не иди, никто не неволит, а пошел, так держись.

— Нехватает чего—не ходи, лучше около стой и помогай, так пользы больше будет.

Второе занятие, темой которого были события 1905 года и наступившая затем контр-революция, прошло очень оживленно. Больше говорили сами слушатели. Мне приходилось только рядом вопросов направлять их мысль в ту или другую сторону, подталкивать к выводам.

Почти все оказались участниками событий 1905 года в крупных пролетарских центрах (Москва, Коломна). На-перебой делились воспоминаниями.

Совершенно естественно вышло, что центральным вопросом стал вопрос о вооруженном восстании.

Прочитали статью Владимира Ильича «Уроки московского восстания» (т. VII, ч. 2) Слушали ее, затаив дыхание. Поражала точность описания происходившего в Москве, свежесть мыслей.

— Как-будто сегодня писал.

После чтения началось обсуждение. И вот тут-то произошел весьма показательный разговор. Он настолько характерен, что хочется записать его полностью.

— Урок-то этот хорошо запомнил,—сказал товарищ Д., 42 лет, до того времени молчавший,—надо, мол, беспощадно истреблять военных и гражданских чиновников, в 17 году сразу принялись за них. Случай такой вышел. Иду я по улице, в апреле примерно, с двумя товарищами, а навстречу офицер в погончиках.

— Почему погоны?—спрашиваем.—Снимай-ка, гражданин.

— А он: деньги у тебя есть?

— Мое, мол, это дело,—хоть есть, хоть нет; не краду их, зарабатываю.

— А он опять: покажи деньги, коли есть.

— Вынул я бумажку, а он тычет: видишь царский герб?

— Ну, вижу.

— Ну вот, когда ты от этих денег откажешься, тогда и я погоны сниму—и деньги царские, и погоны царские.

— Я деньги сейчас же все в клочки, да и за погоны! Так и содрали, им спуску давать нельзя было.

Глаза товарища Д. оживленно блестели, он весь горел ненавистью к заправилам старой жизни, готовностью к борьбе с ними.

А через несколько минут, когда говорили о значении вооруженного восстания для европейских рабочих, разбирали причину неудачи осеннего (1923 г.) движения германского пролетариата и ужас теперешнего экономического положения рабочих масс, тот же товарищ Д. с потухшим взглядом кривил губы в недоверчивую усмешку.

— Что, товарищ Д., не верите плохой жизни немецкого рабочего?

— Не хуже нашего.

Уходя с занятий, узнала, что товарищ Д. получает по 6 разряду в месяц 24 р., с нагрузкой в 100% вырабатывает 48 р. Но не всегда бывает нагрузка. А семья у него большая—сам-семь.

Третье занятие. Империалистическая война (ее причины, влияние на хозяйственную жизнь Европы, на положение рабочих и крестьян в России) оказалась достаточно знакомым вопросом. Надо было только систематизировать имеющиеся сведения и сделать их как бы преддверием февральской революции.

Это прошло довольно быстро и оживленно. Для анализа февральских событий прочитали тезисы Владимира Ильича от 4-го апреля. Опять слушали напряженно.

— До сих пор еще кой-чего не доделали, что тогда указал.

— А что?

— Да вот хоть насчет чиновников, «платить им не выше средней платы хорошего рабочего», а они все еще на нашей шее сидят.

— Легче Коминтерн создать было, чем эту братву одолеть.

И сколько ни толковали и на этот раз, и потом, почему пришлось и приходится спецставки платить, для рабочих вопрос о «чиновниках» продолжает быть, хотя и объяснимым, но «больным».

Внимание на этом занятии сконцентрировалось вокруг подготовки и осуществления Октябрьской революции. И тут самым жгучим вопросом стал вопрос: почему мы первые осуществили прорыв буржуазного фронта. При чем этот вопрос переходил сейчас же в другой: хватит ли у нас силы в отсталой стране справиться с задачами социалистического строительства?

Интересно, что когда мною было предложено прочесть кому-нибудь и разобрать для всех две статьи Владимира Ильича «Удержат ли большевики власть», «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата», послышались голоса:

— Чего читать «Удержат ли большевики власть»? удержали, ясно.

Это говорилось отнюдь не потому, что не хотели читать, а потому, что другая мысль занозила мозги: удержать удержали, а что сделали и что сделаем с этой властью?

После занятий долго толковали с некоторыми «ленинцами» про те-

перешнюю жизнь. Пошли в столовку Нарпита. С тоскою один показывал на бутылки пива на столиках и говорил:

— Ну, зачем разрешили все это? В получку это бывает! Жены, дети бегают за мужьями, отцами, упрашивают отдать деньги, все пропьют.

Обыденная жизнь массовика рабочего давить на сознание, заставляет с тревогой проверять все достижения.

Четвертое занятие началось с разбора статьи «Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата». Товарищ А. довольно удачно справился с задачей, хорошо иллюстрировал на цифрах нашу тактику в октябре. Это дало возможность провести параллель с теперешним положением в Германии, доказать всю несостоятельность формулы русских меньшевиков в октябрьские дни и немецких с.-д. в наши о победе пролетарской революции только при наличии абсолютного большинства за нее.

Пришлось довольно значительную часть времени потратить на меньшевиков. И что интереснее всего—не на критику их позиции в октябрьские дни и позднее в дни гражданской войны, а на то, чего же они сейчас хотят? как относятся к Советской власти, которая вопреки их предсказаниям очень прочно существует? Некоторые думали, что меньшевиков теперь и совсем нет; удивились, что у них есть свой ЦК, журналы. Страшно просили показать и почитать им их.

Когда кончали уже занятия, удалось принести два № «Социалистического Вестника» (конец апреля, начало мая). Читали статьи, касающиеся ленинского набора («Крапленные карты»), письма из Москвы, о наших вуз'ах и т. д. Сначала слушали очень внимательно, старались вникнуть в слова далеких людей, потом на лицах появилось недоумение, которое быстро сменилось брезгливостью.

— Как им не стыдно,—вырвалось у одного рабочего.

— Так это то же, что наши «толстопузые» говорят.

То, что их, ленинцев, меньшевики считают бессмысленной скотинкой, которую Сталин, Ярославский и Зиновьев погнали голосовать за себя против оппозиции, было воспринято как прямое оскорбление рабочим. Не было после чтения страстных разговоров и споров, только глаза ушли глубже и еще раз «почитать меньшевиков» не просили.

Новым значительным показался разбор вопроса о Брестском мире. Самый факт был хорошо известен, не вызывал сомнений в правильности решения его, но захватил подход к нему Владимира Ильича. Долго обсуждали его слова: «Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун» (в некоторых конкретных условиях исторической действительности, при условии принципиальной твердокаменности). Революционная работа, вместо героического вооруженного восстания, победного массового движения, повернулась к аудитории будничным лицом. Хотели хорошенько взглядеться в это лицо. Сами связали эту мысль с только-что пережитым (и переживаемым еще).

Занятие пятое начали с разбора статьи «Удержат ли большевики власть». Остановились довольно подробно на вопросе о связи в те дни нашей партии с крестьянством, разобрали тогдашние положения Владимира Ильича о рабочем контроле, о вматывании широких слоев трудящихся в государственный аппарат.

Простые конкретные примеры (стр. 236—239 т. XIV, ч. 2) того, как мы будем подтягивать самых забитых, задавленных тружеников к делу управления и распределения, зазвучали в нашем «ленинском уголке» бодро и свежо.

Оживились «ленинцы», и начались рассказы, как теперь приходится доделывать то, что тогда указал Ильич. Перевыборы жилтовариществ дали огромный интересный материал для беседы.

Потом перешли к теме занятия. Экономика после Октябрьской революции. Сознательно все оно было построено мною на анализе цифр, которые привели бы к правильному пониманию экономических взаимоотношений между рабочими и крестьянами в этот период. Записывали, вычисляли, выводы делали сами. В этом деле помогли «Календарь коммуниста» и статья т. А. Слепкова в № 1 журнала «Большевик» «К третьей годовщине Кронштадтского мятежа». Основные черты «военного коммунизма», его положительная роль были таким образом проработаны. Одновременно необходимость перехода к нэп'у вытекла органически и стала неопровержимой.

— А все-таки при военном коммунизме лучше было.

Это был общий вздох.

Занятие шестое было целиком посвящено разбору нэп'а. И вот на этом-то занятии особенно ярко всплыло многое, что наболело.

— Нэп—уступка крестьянам, это хорошо, но почему нэпманы пухнут?

— Помог нам нэп, верно. Как теперь прихлопнуть его?

Беремся за решение этой задачи в стране, где 130 мил. населения, а фабрично-заводских рабочих $1^1/_2$ миллиона, в стране, где промышленность в среднем достигает около 40% довоенной выработки.

— Прихлопнуть нэп—не выходит дело.

— «В обход» надо.

— Ну неужто же морды эти сократить нельзя?—вырывается страстным воплем. И делится впечатлениями: пошли «в центр» поглядеть—страшно стало. Сколько праздных разодетых людей, ненужных вещей!

— Откуда такие средства берутся?

Начинаем толковать, как можно ущемить нэпмана, всех тех, кто приближается к нему. Об этом готовы говорить без конца.

Особую непримиримость обнаруживают те товарищи, которые уходили из партии при повороте к нэп'у.

За последние годы они поняли нэп, как политический шаг, осознали его положительные стороны, но тем острее работает мысль над тем, как изжить нэп, тем больше кипит сердце против всякой городской накипи нэп'а. Вот почему нашим журналам, газетам как можно больше в статьях, сценках, рисунках надо бичевать нэп. Бичевать в его отвратительной подлинности,—это будет близким рабочему.

Разбирали заключительное слово Владимира Ильича на XI съезде партии о том, как надо наступать. По этому вопросу надо очень много писать и толковать. «Диалектика» последнего времени: переход к нэп'у и переход к «умелому» наступлению на нэп. Самый злободневный вопрос сейчас. На следующих занятиях разбирали (доклады) по статьям т. Ленина «О продналоге» и его речь на 7 московской губконференции («От штурма к осаде»).

— Труднее всего, что под носом понимать.—Так формулировали впечатление от этих статей докладчики.

— Назад хорошо видишь и вперед как-будто лучше, а вот около— темно, путаешься.

Но ведь, мы сильны, власть в наших руках, этому и было посвящено седьмое занятие. Все казалось обеспечивало спокойное течение занятия: тема хорошо знакомая, на практике проверенная. И действительно сначала гладко шло. Но, как только дошло дело до волисполкомов, конец спокойствию.

Рабочие хорошо связаны с деревней. И почти каждый начал рассказывать о слабости сельских советов, о неналаженности там аппаратов.

Рассказы так и сыпались, при чем, все они кончались примерно таким образом:

— И чего это уком смотрит!

— Чего губком делает?

Пришлось, что-называется, в лоб поставить вопрос:

— А чего смотрит и делает само население?

Спор разгорелся во всю. Одни доказывали, что без правильного распределения работников сверху ничего не выйдет, другие переносили центр тяжести на рост сознательности и организованности масс.

Больше всего указывали на разложение «администраторов». Опять на сцену выступил нэп.

— Нэп—нэп'ом, но неужто твердых людей подобрать нельзя?

— А люди это кто?

— Мы сами. Подпирать надо со всех сторон, тогда лучше дело пойдет.

Как это ни странно покажется на первый взгляд, но и на этом занятии и позднее приходилось сталкиваться со своеобразной идеализацией тех, кому приходится управлять, руководить работой.

Трудность выковывания устойчивой идеологии, роль коллектива при этом, обязанности каждого члена коллектива,—это все вопросы, требующие большой разработки не только в форме популярных брошюр, но и художественных произведений.

Необходимо тут же отметить еще один момент, который в дальнейшем нам надо практически изживать: из общего количества слушателей (25 ч.) только двое, да и то, в первые годы революции, были членами Совета (один районного московского и один в провинции).

Помимо власти две могучих организации помогут нам справиться с нэп'ом: профессиональные союзы и кооперации. Профдвижению и кооперации пришлось посвятить целиком восьмое занятие. Характерно: секретарь кружка предупредил меня, что «кооперацией мало интересуются». В это время как раз стали в газетах появляться отчеты о XIII съезде партии, появился доклад тов. Зиновьева (отчет ЦК).

Начали, действительно, вяло.

— Что ж кооперация? Вот было собрание. Ввели опять на книжку брать. Да еще хотели и всякие спиртные напитки давать.

— Ну, а вы что?

— Поднялись, конечно.

Выяснилось, что на собрании целый бой был и отстояли-таки запрещение в долг давать выпивку.

— Вот тетрадку ученическую в кооперативе не купишь, в город надо ехать, а новые пивные все открываются.

Действительность заслоняла четкость вопроса. Пришлось опять прибегнуть к железной логике Владимира Ильича. Начали вслух читать его последнюю статью о кооперации, разбирать ее. Несколько раз перечитывали место:

«Но чтобы достигнуть через НЭП участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками и без материальной основы, без известной степени обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.—без этого нам своей цели не достигнуть. Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом, уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с уменьем быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора».

Тут обо всем пришлось толковать: и о необходимости грамотности, и о нашей бестолковости, а самое главное о том, что значит быть толковым торгашом.

Некоторые опять-было пошли по линии наименьшего сопротивления:

— Надо частную торговлю уничтожить.

Но что это значит для крестьян? Уничтожить их право свободно распоряжаться хлебом. Можно ли это сделать сейчас?

Нет.

— Закрыть рынки в городах, частные магазины.

Справляются ли наши государственные органы, кооперативы с задачами снабжения населения нужными товарами?

Начались рассказывания:

— Картошки в кооперативах нет.

— Захотел мальчонке сапоги купить в обувных магазинах Гума (все прошел),—одна неподходящая пара, а на Сухаревке сколько-угодно.

Вот и надо учиться «умело» торговать.

Упорно хотели выяснить разницу между кооперацией прежде и теперь. Что такое кооперация и кооперирование, о котором говорил Владимир Ильич?

Беседа затянулась, интерес к вопросам кооперации вспыхнул. Но именно только вспыхнул, и надо много дров, чтобы вспышка превратилась в мощное горение, в работу над развитием кооперации, в огне которой сгорит частная торговля, а вместе с ней и НЭП.

В руках частной торговли—64 процента, в руках государства—36. Эти цифры покоя рабочим не дают и не дадут.

— Надо сделать обратно!

При разборе вопроса о профессиональных союзах больше всего интересовались тем, о чем дискуссия шла в 1920—21 г. Захватила оценка момента Владимиром Ильичом. А когда толковали о задачах профсоюзов в настоящее время, внимание сосредоточилось на вопросе: от кого защищают профсоюзы рабочих в советских республиках. Опять разговоры об «аппаратах» Советской власти, о неразрешенной еще

полностью задаче овладения ими. Медленность процессов втягивания «своих» во все уголки управления угнетала; указывали, что мертвое хватает живое, на трусость, боязливость в этих вопросах. Интересовались очень тем, как осуществляется постановление МК о привлечении к ответственной работе 300 «ленинцев».

Девятое занятие отвели вопросам международного рабочего движения. На этом занятии с особенной отчетливостью выявилось то, что приходилось наблюдать и в предыдущие занятия: какое огромное количество фактических сведений накопилось за годы революции у рабочих. Митинги, доклады, лекции сделали свое дело. В потоке будничных дней теряются приобретенные знания, но стоит только немного поворошить память, и нужные представления быстро появляются.

Парижская Коммуна, как конец I Интернационала. Кто может рассказать о Парижской Коммуне? Когда она была? И на перебой трое начинают рассказывать.

Первый конгресс II Интернационала. Когда он был? Не помните ли чего-нибудь об этом конгрессе?

И т. С., 47 лет, отчеканивает:

— Плеханов сказал тогда: «Русская революция победит, как революция рабочего класса, или не победит вовсе».

Мне кажется, что мы мало учитываем «капитал» современных рабочих, а он очень значителен. Выявляя его, опираясь на него, можно гораздо больше сделать за десять занятий, чем это кажется сначала.

Вопросы, которые интересовали:

Почему в Германской коммунистической партии две части? Отчего Великобританская партия так мала?

Заползала тревога:

Не может ли случиться с коммунистическими партиями то же, что с социал-демократическими?

На десятом занятии по материалам ЦК познакомились с процессами (статистического порядка) внутри партии после революции, связав это с разобранными раньше процессами в нашей экономике. Затем перешли к вопросам внутрипартийной жизни, к последней дискуссии.

Последнее занятие (одиндцатое) целиком было посвящено разбору партийной программы. Предварительно она по частям была распределена между занимающимися, и каждый делал «доклад», который дополнялся, обсуждался. Интересное вступление было во время разбора пунктов о религии: «безбожниками» были все, не нашли ни одного колеблющегося, были только некоторые расхождения в тактике, особенно внутри семьи. Но вот выступил т. С., 47 лет, много работавший раньше в Питере, начитанный. Смысл его выступления сводился к тому, что корни религии лежат глубже, чем это многим кажется, что «религия связана с такими вопросами, как нравственность, а эти вопросы всем интересны. Наша пролетарская классовая нравственность неизвестна еще широко, и вот сбиваются часто люди, да еще какие люди: Горький, Богданов, Луначарский. Только такой «великий садовник», как тов. Ленин, мог подрезать эти ветви, направить их на правильный путь.

Многое видят, многое глубоко понимают «ленинцы».

В заключение хочется отметить один необходимейший момент в дальнейших занятий с «ленинцами»: надо потратить несколько часов в процессе занятий на обучение их тому, как надо записывать услышанное, как читать (статью, брошюру, книгу), как готовиться к до-

кладу. Сделать это во время занятий в сокращенных школах политграмоты, конечно, было нельзя, но в процессе дальнейших занятий обязательно.

К сожалению, мне не пришлось видеть занятий в других кружках, не могу сравнить уровня развития «ленинцев». Представитель от райкома, который был на последнем собрании школы и принимал участие в работе, определил этот кружок, как средний.

Не делаю выводов из всего сказанного, ибо это были бы выводы из чрезвычайно ограниченного круга наблюдений. Хотелось просто запечатлеть черты работы с «ленинским призывом», положить почин собиранию материалов.

В. Астров.

О „скептицизме", „критике" и собачьей старости.

Излишняя претенциозность бывает забавна. Например, ленинградский журнал «Звезда» при выходе в свет в начале текущего года объявил, что он намерен продолжать «вековую традицию» петербургских «толстых журналов». Всякому, кто помнит «тощий» внешний вид большевистского «Просвещения» 1912—1914 годов и «толщину» «Вестника Европы», «Русской Мысли» и пр., приходится недоумевать, о каких «вековых традициях» говорят товарищи, в лучших намерениях которых мы, впрочем, сомневаться не можем?..

С таким же недоумением берешь в руки журнал «Октябрь Мысли». Заголовок обещает «море зажечь», — претенциозности через край. Но подумали ли редакторы хотя бы над буквальным смыслом заголовка, дающего лицо их журналу? Журнал обещал быть марксистским. «Октябрь» мы понимаем, как пролетарскую революцию. Нужен ли, спрашивается, Октябрь марксистской м ы с л и? Не поздненько ли браться за пролетарскую революцию в области м ы с л и после Карла Маркса?

Можно сколько - угодно ссылаться на иной, метафорический смысл выражения: «Октябрь мысли»,—но от этого оно не перестанет быть марксистски безграмотным в буквальном его значении. Можно, однако, простить всякое лишнее словце журналу на худой конец даже в заголовке, е с л и на деле, по содержанию, это—марксистский журнал. Но когда и такого «е с л и» нет, то очевидно, что двумысленное, растяжимое, резиновое знамя выдает (и прикрывает одновременно) резиновую «мысль».

Просмотрим бегло содержание номера 3—4. Начнем с «интимного» отдела «Переписка с читателем». Студентка фон'а Е. П. обвиняет журнал в отсутствии марксистского подхода к вопросам литературы. Редакция в своем ответе читательнице открыто признается, по сути дела, в отсутствии всякой точки зрения на сей

предмет, казалось бы, немаловажный в деле культурного строительства пролетариата. Мотивировка этого «воздержания» крайне занятна. Редакция заявляет, что она «далека от всех литературных группировок», и продолжает:

> «Вся та литературная дискуссия, литературная неразбериха, создавшаяся в последние $1\frac{1}{2}$ — 2 года, зависит, главным образом, о т н а ш е й п у т а н о й, н е о т с т о я в ш е й с я, н е в ы к р и с т а л л и з о в а в ш е й с я о б щ е с т в е н н о с т и. О т с у т с т в и е о р г а н и з о в а н н о й, к л а с с о в о о ф о р м л е н н о й о б щ е с т в е н н о с т и, естественно, порождает пузыри мутные, со смесью всех цветов. О т с ю д а ж е н е у с т о й ч и в о с т ь л и т е р а т у р н ы х г р у п п и р о в о к».

Мысль, сказать правду, «путаная», «неотстоявшаяся», но все же ее действительное содержание сомнению не подлежит. Литературная неразбериха выводится из «отсутствия организованной, классово оформленной общественности» у нас, т.-е. в Советской России (в данном случае—в Москве, где появились «пузыри мутные, со смесью всех цветов»).

О какой общественности в Советской России может итти речь? Ясно: о партии, о советах, о профсоюзах, о комсомоле и т. д. Все это, оказывается, не есть «классово оформленная общественность». Но, ведь, такова п р о л е т а р с к а я общественность, которая в стране диктатуры пролетариата «оформлена» (!!) так четко и последовательно, к а к н и г д е в м и р е.

Можно ли ее назвать «путаной», «невыкристаллизовавшейся»?! М о ж е т - б ы т ь, н е о б э т о й «о б щ е с т в е н н о с т и» и д е т р е ч ь?.. Таков вывод, единственно напрашивающийся у читателя.

Непролетарской, б у р ж у а з н о й общественности в «классово оформленном» виде у нас действительно нет. Но, ведь, мы стараемся и постараемся, чтобы она никогда более не воскресла. Неужели редакция «Октября Мысли» тащит нас «назад к капитализму»?

Вряд ли она открыто признается в этом л о г и ч е с к о м выводе из ее собственных слов. Но логика остается логикой. К тому же дальнейшие рассуждения редакции поневоле укрепляют нас в нашем выводе. Она дает целую «философию» нашей «новой общественности».

Свои идеологи, свои художники,—говорит редакция,—растут и у крестьянства, и у буржуазии, и у пролетариата. Растет и «новая интеллигенция», которую редакция ставит просто «на-ряду» с указанными классами, не разделяя интеллигенции рабочей, крестьянской и нэпмановской. Наконец, редакция отмечает «пробуждение угнетенных до того национальностей, выявление ими своего лица (п о м и м о к л а с с о в о г о р а с с л о е н и я)». В скобках будь сказано: выявление национального лица п о м и м о (?) классового расслоения,—это если и не «переворот» («Октябрь»), то все же некоторый «заворот» в мысли...

В чем видит редакция свои задачи по отношению к идеологам и художникам разных классов? В идейной критике их с точки зрения пролетариата? Формулирует ли она эту точку зрения согласно своему пониманию? Ничуть не бывало.

До мировой революции, говорит редакция, мы «не можем вытравить» у себя в стране буржуазных «остатков», а поэтому надо их... «вскрывать» (?):

> «Из всего сказанного ясно (сказанное заключается в приведенном нами простом перечислении «общественных сил» — В. А.) ни «Октябрь Мысли», ни «Леф», ни «На посту», ни «Воронский с его попутчиками». «Октябрь Мысли», пытаясь вскрыть новые общественные силы, тем самым прощупывает пути нашего литературного будущего».

«Вскрыть» и «прощупать» «идеологов и художников» всех классов,—нечего сказать, «ясная» формулировка задач журнала, посвященного вопросам культурного строительства пролетариата, в особенности, если предпосылкой этой формулировки служит утверждение, что у нас «нет классовооформленной общественности»!..

Плохо, когда своей точки зрения на тот или иной вопрос нет. Но это полбеды. Скверно то, что люди начинают «умствовать» и подыскивать теоретические аргументы в пользу и в защиту своей безыдейности. Волей-неволей они скатываются к дурно пахнущим аргументам «резинового», крайне растяжимого характера.

Редакция уверяет, что она далека от «литературных группировок». Нам кажется, это не так. Она, видимо, далека лишь от идейной позиции в этой области. Зато ее обывательское внимание привлекают, видимо, «склочные» стороны «литературной неразберихи».

> «Была «Кузница» — лопнула раз. Из ее осколка родился «Октябрь». «Кузница» сидела, работала, пузырилась, и еще раз лопнула. Новый осколок прилип к Союзу Писателей. «Октябрь» родил «Рабочую Весну» и «Молодую Гвардию». Поработали, покричали — лопнули. Высыпались из «Октября», из «Рабочей Весны», а «Молодая Гвардия» совсем развалилась, и осколки сбились вокруг «Красной Нови», организовав группу «Перевал»..., и т. д.

Вот вам история литературных группировок в том виде, в каком она интересует «октябристов мысли»! Спрашивается: кто, кроме узкого круга втянутых в групповую борьбу или специально занимающихся «литературной неразберихой» лиц, вынесет что-нибудь из подобной «философии современной литературы»? Что здесь сказано по вопросу о социальном и идейном характере литературной борьбы? Ничего. А только это и интересно, и нужно широкому кругу читателей.

Точно так же и в рецензиях о «Лефе», о «Молодой Гвардии», о «На посту».

Рецензия о «На посту» носит особенно «смачный» характер. Читатель узнает все «смертные грехи» этого журнала: его «за-

ушают», а он, оказывается, «высунул свою злобно ощетинившуюся морду (так и написано) и облаял (!), да как следует, своих гонителей и хулителей»... «На посту» употребляет и «нечистоплотные приемы борьбы», и «грязные плевки»; фигурирует перед вами и «зловонный сок», и «напоститская какофония», и «слащаво-слюнявое (!) самохваление», и т. д., и т. п. Это и называется «вскрывать новые общественные силы». Остается только совершенно неизвестным, за какие же взгляды «Октябрь Мысли» так «вскрыл», или «облаял», выражаясь его собственным языком, своего противника? И совсем уж становишься втупик, когда в заключение, после букета отборной ругани, «Октябрь Мысли» делает такого рода заявление: «Нельзя не согласиться и с целым рядом суждений и напоститских выводов»...

Подобные «отзывы» есть не что иное, как безыдейный хлам, который следовало бы постыдиться преподносить читателю.

От литературной «позиции» «Октября Мысли» перейдем к его политической позиции.

Отдел «По страницам печати» позволяет нам проверить, как «вскрываются новые общественные силы» в области политики. В редакционной заметке «К проверке вуз'овских ячеек» эта проверка сопоставляется с ленинским призывом.

И вот — никакого положительного отношения к ленинскому призыву. Вместо этого—«страхи» и опасения за подлежащего проверке «студента-партийца».

Рассуждение о ленинском призыве настолько «бьет в нос» своим скептицизмом, что его следует привести здесь:

> «Вне всякого сомнения, в нашей молодой общественности (и здесь «молодая» «общественность»? — видимо, эта терминология не случайна.— В. А.) ленинский набор в партию и одновременно чистка непролетарского состава партии имеют громадное историческое значение.
>
> Учесть полностью результаты этого момента в настоящее время не представляется возможным. В этой области можно сделать лишь гадательные выводы с той или иной точностью. В самом деле, до этого членов партии от станка было 17—18%. В 1½—2 месяца партия делает громадный скачок,—вливается до 200 тысяч членов от станка, т.-е. количество членов партии от станка повышается до 45—50%. Учесть все значение этого момента можно лишь по истечении определенного периода времени, когда вновь вступившие в ряды партии войдут в ее жизнь и работу. Но чистка вскрыла целый ряд вопросов, разрешение которых стало задачей дня. Один из таких вопросов — положение студента-партийца».

И автор заметки переходит к чистке. Приводя в выдержках полемику тт. Семашко и Ярославского в «Правде», автор заключает так:

> ...«Малейшие промахи в этом вопросе, и научный фронт нами будет оголен. Исключенные в глазах беспартийных, несомненно, теряют всякий авторитет

и как оторвавшиеся от земли и в небо не попавшие будут предметом издевательства и насмешек с обеих сторон. В итоге резерв наш по замещению командных ролей уменьшится, и наглость наших буржуазных противников в соответственной степени возрастет».

Это уже нечто похуже резиновой мысли. Рассчитывая на читателя, главным образом, студента-партийца, журнал подыгрывает на его дурных струнках, противопоставляя его рабочему от станка.

Что-де выйдет из притока в партию 200 тысяч рабочих, это еще «гадательно», а вот «научный фронт» (!) пока-что может быть оголен. О «чрезмерном усердии чистильщиков» «Октябрь Мысли» считает политически целесообразным вопить.

Поражает своим обывательским характером тот «довод», что вычищенные «теряют авторитет» у беспартийных и подвергаются «издевательствам и насмешкам», якобы, с обеих сторон.

Если вычищается заведомый шарлатан, то он, конечно, не застрахован от «издевательств». Но разве от этого теряет «научный фронт» или «командные» резервы?

Если же исключается за отрыв от партии серьезный работник в своей специальности—медик, техник, агроном и т. п., то из чего видно, что над ним будут «издеваться»?

Однако, подобные случаи исключения будут редки. На деле серьезный работник в своей специальности чаще всего умеет быть партийцем, находит возможности выполнять свои обязанности. И уж, конечно, ниоткуда не следует, что наш «научный фронт», а тем более «командные роли», якобы, пополняются или могут пополняться из людей, партийно не выдержанных. «Малейшие промахи», конечно, будут, но значение их останется столь же «малейшим», и вопить о них нет никаких оснований.

Из статей имеет претензии на некоторые общие социально-политические «прогнозы» статья М. Костерина «Опасные признаки». Претензию, но не более.

Автор ставит большой вопрос о возможных путях нашего «идеологического» перерождения. Уже в самой постановке вопроса чувствуются недомыслие и фальшь: «Если,—пишет он,—много говорят о социальном перерождении, то сравнительно мало об идеологическом». А «последнее»... «может итти параллельно социальному перерождению».

Идеология не есть явление, «параллельное» социальным явлениям, а одно из социальных явлений. «Идеологическое перерождение» идет не «параллельно» социальному, а является одной из сторон социального перерождения. Противопоставлять одно другому, как это делает автор статьи в приведенных нами словах, бессмысленно.

Это неуменье связать идеологию с ее классовыми корнями чувствуется во всей статье. Автор претендует на выводы, общезначимые для всей нашей партии, говорит довольно беспорядочно

о возможном перерождении «директоров, госторговцев, администраторов», нашей молодежи и пр.

И вместе с тем, статья обходит полным молчанием самые крупные факты проявления ревизии марксизма-ленинизма за последние годы, как околопартийного («Раб. Группа», «Раб. Правда»), так и внутрипартийного характера («Раб. Оппозиция», «Дем. Централизм», недавняя оппозиция).

Автор произвольно выбирает из области извращений марксизма одну область — попытки «биологизирования» марксизма. Но даже и в этой области автор не дает цельного и систематического анализа этих извращений, приводя случайно выхваченные факты, подчас даже и неудачные. Достаточно сказать, что в число «идеологических перерожденцев» попал тов. М. Н. Покровский за то, что он характеризовал царскую семью Романовых-последышей, как психически ненормальных людей.

По мнению М. Костерина, личная переписка Романовых их сумасшествия не обнаруживает. Можно с легким сердцем предоставить М. Костерину полное право заниматься психо-физиологической реабилитацией распутиниады. Но не меньшее право, надеемся, имеет историк-марксист держаться другой точки зрения на этот частный, конкретный вопрос простого исторического факта. И становится смешно, когда в указании на психическую ненормальность распутиниады М. Костерин, придираясь к отдельным фразам М. Н. Покровского, усматривает «капитуляцию марксизма перед биологизмом», отрицание социальных причин действий Романовых (?) и в заключение выдает «нашему маститому историку» «перерожденческий» аттестат. Лучше, если бы «маститым историкам» поменьше говорили комплиментов да подобросовестней толковали.

Есть в статье и прямые ляпсусы, в роде того, что «организаторский труд предрасполагает к идеализму» (?!). Предоставляем автору объяснить, перерождение в какую сторону от марксизма обозначают такие формулировки?

Не обходится и без... ушей. «Уши» выглядывают из якобы «абстрактных» положений, фраз, направленных «так себе», «вообще», «в пространство», в роде следующих:

«И все это (выхолащивание марксизма. — В. А.) возможно будет происходить под видом защиты ортодоксии и «настоящего» Маркса». Возможна и такая перспектива: попытки отстаивать пролетарское содержание марксизма будут объявлены (кем объявлены?—В. А.) ересью, извращением и уклоном. Так было в эпоху перерождения идеологии бедняков—первобытного христианства—в идеологию господствующего класса. Переродившееся христианство объявлялось самым ортодоксальным, истинным, все же отклонения от него—ересью».

Это называется «метафора», не хуже «Октября Мысли»! Но мы поступим с этой «метафорой» просто и откровенно. Одной из вреднейших для партии ошибок тов. Троцкого в минувшую дис-

куссию явилось внесение им в обиход нашей партии небольшевистских приемов внутрипартийной полемики, именно дипломатии внутри партии. Эта ошибка началась с пресловутого письма о Бернштейнах и Гэдах, учениках Маркса. И она дает, как мы видим, свои развращающие плоды.

Приведенная нами цитата М. Костерина—яркая иллюстрация к этому. Она—«тонкий намек на толстое обстоятельство», намек, очевидный для всякого, но сделан он в такой форме, что против буквального смысла его возразить ничего нельзя.

И мы сделали бы ошибку, занимаясь абстрактно обсуждением выставленного М. Костериным положения. Его надо сопоставить с той конкретной обстановкой, в которой пишутся и печатаются подобные заявления. Конкретная обстановка заключается в том, что еще не остыли следы от только-что закончившейся дисскуссии, где господствующее течение в нашей партии (ленинизм) осудило, объявило уклоном («ересью, извращением») ошибки оппозиции. И вот под невинным «христианским» видом примеров из христианской истории автором протаскивается... «намек» на то, что-де неизвестно, кто защищал «пролетарское содержание марксизма»,—тот, кто «объявил», или тот, кого «объявили» уклоном.

Это есть полемический разврат. Большевики так внутри своей партии не спорят.

Найдутся, может-быть, благодушные люди, которые объявят нашу критику чересчур «придирчивой», излишне «мелочной» и пр. Такие люди обнаружили бы несерьезное отношение к вопросам сплоченности и единства внутри партии.

Партия может нормально жить при наличии внутрипартийной критики, но только при том условии, если эта критика ведется открыто и с фактами, с аргументами в руках критикующего.

Иначе это все, что угодно,—зубоскальство, подсиживание, демагогия, — но только не здоровая внутрипартийная критика. Иначе это внесение политического разврата и нездоровой атмосферы взаимного ни на чем не основанного недоверия в партийную среду.

В отделе «Книги» помещена рецензия (автор—М. К.) о двух первых номерах журнала «Большевик». Здесь уже «классово оформленная» точка зрения «октябристов мысли» прямо приложена к вопросу о «недавней оппозиции». Здесь до известной степени «пробный камень» для журнала «Октябрь Мысли».

Автор рецензии обвиняет «Большевика» в том, что в нем помещен «ряд заушений (?) бывшей оппозиции». «Ряд авторов считает своим долгом лягнуть ее» (т.-е. недавнюю оппозицию).

Конечно, если бы журнал ЦК допускал совершенно неосновательную, без фактов и без аргументов, «травлю» бывшей оппозиции, то это не было бы к его чести. Но одно дело—травля, «заушение», другое—разъяснение ошибок оппозиции, деловая, настойчивая пропаганда партийной точки зрения. К последнему обязан не только журнал ЦК, но и каждый член партии, обязан общепартийными решениями. Чем больше будет этой пропаганды, чем удачнее будет она по форме, тем скорее мы забудем про «оппозицию», тем лучше для партии, для диктатуры пролетариата, для революции.

В чем же видит рецензент «заушения» оппозиции «Большевиком»? Читаем:

> «Даже статья о Кронштадте за уши притянута к оппозиции»... «Как будто бы есть какие-либо дурачки, способные поверить, что оппозиция в партии могла привести к Кронштадту».

Никто не писал в «Большевике», например, о том, что оппозиция 1923 года едва не привела к Кронштадту; точно так же никто не утверждал (для ради «метафоры» в духе М. Костерина, см. выше), что оппозиция 1921 года повинна в Кронштадтском мятеже. Было бы непомерной глупостью утверждать подобные вещи; это было бы действительно «заушением» оппозиции.

На деле автор статьи о Кронштадте, т. Слепков, вопроса об оппозиции 1923 года совсем не затрогивал (если не считать упоминания о тов. Сапронове в связи с его тенденцией «отодвигать советский аппарат от партийного»), а по отношению к дискуссии 1921 года он выставил положения, являющиеся совершенно бесспорными. Он привел слова т. Ленина о том, что дискуссия была «непомерной роскошью», что она «отвлекла внимание от насущного и грозного», и сделал вывод, что дискуссия ослабила партию и влияние партии на беспартийную массу в критический для революции момент. Все это составляет неотъемлемую часть исторического опыта нашей партии, а не «заушение оппозиции», не «намеки», а исторические факты.

Далее, т. Слепков, сделал выводы: «а) об опасности внутрипартийного фракционного расщепления» и «б) о необходимости тщательного периодического фильтра молодых непролетарских членов партии» (в связи с переходом части кронштадтской организации на сторону восставших). Имеет ли МК что-нибудь возразить против этих выводов?

Вместо возражений он бросает общую фразу о том, что оппозиция не «могла» привести к Кронштадту. Что это значит? Какая оппозиция? 1921 года? Она ослабляла партию, но, конечно, к Кронштадту «привели» другие причины. 1923 года? Она не «могла привести» к Кронштадту уже потому, что не было серьезных расхождений между рабочим классом и крестьянством.

Может-быть, автор хотел сказать, что и в будущем никакая оппозиция не может привести к новому «Кронштадту»? Такая абстрактная постановка была бы неправильна. «Может» или «не может»,—это зависит от условий.

Спрашивается после этого: кто же «притянул за уши» оппозицию к Кронштадту—т. Слепков или его рецензент?..

Тов. Слепков написал, что «если б мы перешли к нэп'у в январе 1921 года, мы, вероятно, не имели бы Кронштадта». Цитируя эти слова, рецензент, тем не менее, упрекает автора в «нестерпимом (!) апологетизме», в «потуге» доказать, «что партия была невиновна в обстановке, создавшейся перед Кронштадтом и вызвавшей его».

Признать, что партия могла избежать Кронштадт, это и значит признать партию «виновной», если только можно говорить о «вине» партии, впервые в истории боровшейся в столь трудной обстановке.

У автора действительно, есть замечание о «невиновности» партии, но оно относится к тем «объективным социально-экономическим условиям» (нивеллировка крестьянства, «ножницы» цен, деклассирование пролетариата в связи с развалом промышленности и пр.), которые, по мнению автора, «создались железной логикой гражданской войны». Никакого «противоречия», на котором хотел поймать рецензент т. Слепкова, у последнего не имеется.

Далее. Тов. Вардин доказал цитатами из меньшевистских журналов, что меньшевики сочувствовали бывшей оппозиции в ее борьбе с ЦК. И вот рецензент пишет:

> ...«Раз меньшевики строили свои надежды на оппозицию, то, значит, оппозиция играла на-руку меньшевикам. Слабоват силлогизм и стар. «Вильгельм надеялся на большевиков, значит»... Вот откуда аргумент т. Вардина».

Ошибается и на этот раз наш «октябрьский мыслитель». Аргумент этот ведет начало, по меньшей мере, с Бебеля, который говаривал: если меня хвалит буржуазия, значит, я сделал глупость; или... с Ленина, который неоднократно отмечал, подчеркивал, разъяснял политический смысл того, например, факта, что кадеты в спорах между меньшевиками и большевиками всегда становились на сторону меньшевиков.

В добавление к этому следует помнить, что общепартийная критика ошибок оппозиции (вплоть до официальных резолюций) вполне установила элементы меньшевизма в этих ошибках. Следовательно, тов. Вардин занимался не «силлогизмами», а еще раз проиллюстрировал и подтвердил фактами правильность партийной точки зрения.

Коренное обвинение, выдвигаемое «Октябрем Мысли», в лице рецензента МК журналу «Большевик», заключено в двух следующих фразах:

«Самокритики в журнале нет и следа».

«Дух апологетизма веет над журналом».

Последние подчеркнутые нами слова необычайно метки. И «Большевик» может с честью сказать:

— Да, виновен в «апологетизме» (в защите) партии и ленинизма.

Но «вина» ли это?

Действительная вина, может-быть, заключается лишь в том, что в первых номерах этот журнал не успел обратить свое внимание на все темные стороны, заглянуть во все уголки партийной жизни, в том числе и во все литературные закоулки и задворки, чтобы метлой самого непримиримого «апологетизма» вымести оттуда всякий сор и хлам.

Наш рецензент не понимает, как наивно его противопоставление: «есть апологетизм, нет самокритики». Апологетизм партийности и состоит в непримиримой самокритике партии, т.-е. в критике внутрипартийных уклонений и ошибок. И в первых номерах, в последующих, и в частности в настоящих строках, сотрудники «Большевика» посильно выполняют эту задачу.

«Критика» «Октября Мысли» несколько иная. «Октябрь Мысли» «критически» относится к ленинскому призыву; «критически» относится к чистке вуз'овских ячеек; «критически» относится к пролетарской общественности; «критически» относится к «апологетизму» партийности...

Наконец, вот его «критическое» отношение к современному политическому моменту:

> «Хорошо говорит редакция («большевика». — В. А.) о беспокойстве. Безработица, тяжелое положение пролетариата, малые успехи госпромышленности, большие — частного капитала заставляют думать, и напряженно думать, всякого коммуниста».

В общем контексте, на общем фоне всего, что написано в «Октябре Мысли», эти слова звучат весьма определенным настроением. Они годны прямо в «Социалистический Вестник».

Партийный «апологетизм» вовсе не обязывает нас закрывать глаза на темные явления нашей жизни, или носить розовые очки. Но еще менее допустимо однобоко-«критическое», скептическое освещение фактов, подобное приведенному.

Безработица есть. Но говорить о ней, не говоря, что она сопровождает собою процесс общего роста промышленности и пролетариата за последние годы, это значит однобоко освещать факты.

Положение рабочих отнюдь не блестяще. Но если говорят: «тяжелое положение пролетариата», то позволительно спросить: по сравнению с чем? С годами военного коммунизма? Или с первыми годами нэп'а?!

Успехи госпромышленности не бог знает какие, но они огромны по сравнению с тем развалом, который остался позади.

Ставить рядом с «малыми успехами госпромышленности» «большие частного капитала» можно, только оговорив, что част-

ный капитал одерживает успехи почти исключительно в области торговли, а не промышленности. Иначе это есть извращение фактов в угоду интеллигентскому брюзжанью и «скепсису»...

«Думать и думать» каждому коммунисту над нашими неудачами надо, но не надо вдаваться в уныние и пессимизм, не надо забывать и наших успехов. Характерно, что, не говоря о денежной реформе ни слова, автор бездоказательно ругает статью тов. Краваля о денежной реформе за «казенный оптимизм». Где? В чем? Разве тов. Краваль не писал о «бешеном сопротивлении частного капитала», которое грозит нам «разгромом на хозяйственном фронте, если вся партия не возьмется за реформу? Или он обязан был «критически» ныть вместо того, чтобы призвать партию к энергичной работе?..

Товарищ Бухарин («Большевик», № 2) необыкновенно метко выразился о «скрытых скептиках», у которых «считается признаком дурного тона говорить о нашем продвижении вперед». Ими владеет «неверие в наше будущее». Это — «тип собачьей старости, который идейно родственен дезертирству». Его действительно «нужно лечить, пока не поздно».

Ил. Вардин.

„Углубленные“ ошибки тов. Мартынова.

Бесспорно, что литература о В. И. Ленине имеет величайшее политическое значение. Тут всякая ошибка, всякий вольный или невольный уклон наносят прямой вред нашей партии. Каждая, на первый взгляд самая незначительная, ошибка может иметь своим результатом большие и опасные уклоны в головах сотен тысяч. Ведь, ленинизму обучаются сейчас буквально миллионы.

Особо сугубого внимания заслуживают работы таких авторитетных лиц, как тов. Мартынов. Сотнями тысяч, особенно из молодежи, каждое его слово будет воспринято, как бесспорная истина.

Вот почему мы считали необходимым отметить ряд ошибок в книжке т. Мартынова «Великий пролетарский вождь». (См. «Большевик», № 1). К сожалению, т. Мартынов не исправляет ошибки, а со всей решительностью их «углубляет». В итоге мы получаем неверную, искаженную картину нашего партийного прошлого, неверную, искаженную характеристику политической линии большевизма.

Тов. Мартынов настаивает на том, что он в качестве «левого» боролся с экономизмом. Если это утверждение верно, то тогда большевикам нужно переучиться, тогда им надобно отбросить все то, что говорили большевистские историки и публицисты, и прежде всего Ленин, о роли тов. Мартынова в экономизме, и принять новую, мартыновскую постановку вопроса об его роли. Большевики никогда не делали существенной, принципиальной разницы между различными вождями экономизма, между «Рабочим Делом» и «Раб. Мыслью». Всякая попытка такую разницу найти является попыткой ревизовать взгляд большевиков на экономизм.

Тов. Мартынов уверяет, что он боролся с экономизмом. Летом 1914 года В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати» писал:

> «Главными органами «экономистов» были «Рабочая Мысль» (1897—1900) и «Рабочее Дело» (1898—1901). Во главе «Раб. Дела» А. Мартынов—видный меньшевик и теперь ликвидатор».

Если бы человек, стоявший «во главе» экономистского журнала, действительно боролся против этого направления, то что бы получилось? Или экономизм был бы ликвидирован, или т. Мартынов был бы лишен звания вождя экономистов. Экономизм, как известно, был ликвидирован не тов. Мартыновым, а в результате беспощадной борьбы с ним.

Но это очевидное соображение недостаточно «глубоко» для того, чтобы тов. Мартынов мог его признать справедливым. Историю своей «борьбы» с экономизмом т. Мартынов излагает так:

«В Берлине вместе с Базаровым решил начать внутри Союза борьбу против «экономизма». С этой целью я, между прочим, послал в редакцию «Рабочего Дела» статью «Очередные вопросы», направленную против «экономизма»,—статью, принятие которой я поставил условием моего вступления в редакцию, и которая действительно была помещена Кричевским в 9 номере «Раб. Дело» с оговоркой от редакции. (Курсив наш).

Далее т. Мартынов уверяет, что статья его была направлена против «главных двух китов, на которых держался» экономизм: против: 1) «теории стадий» и 2) «теории» постепенного завоевания «частичных прав».

Картина получается изумительная. Существует целое политическое направление, претендующее на руководящую роль в рабочем классе, располагающее совершенно определенной платформой («два кита»), имеющее органы печати и т. д. Появляется тов. Мартынов и заявляет вождям этого направления: «Я хочу бороться с вами, я считаю необходимым уничтожить «главные два кита» вашей платформы. Если согласны уничтожиться,—напечатайте мою уничтожающую «главных два кита» статью, и тогда я вступлю в вашу редакцию». Ультиматум т. Мартынова принимается, статья печатается «с оговоркой», т. Мартынов становится «во главе» экономистского органа, все направление продолжает существовать и бороться. Все «киты» целехоньки. Как же это могло случиться, что день принятия ультиматума т. Мартынова не стал последним днем экономизма? Ответ на этот вопрос мы получим, когда ознакомимся с той редакционной «оговоркой», которой Кричевский сопроводил статью т. Мартынова. В этой оговрке говорится:

«Эта статья написана до последних событий в России, которые, можно сказать, опередили практические выводы автора. Тем не менее, она не теряет своего глубокого интереса в качестве новой попытки выработать принципы политической тактики рабочего движения на основе анализа как психики рабочего, так и в особенности самодержавного строя.

При сложности затронутых вопросов исчерпывающий разбор их, разумеется, невозможен в размерах одной статьи. Но вопросы, по нашему мнению, поставлены автором верно, и их подробное исследование в том же направлении может сильно содействовать дальнейшему усилению политического духа нашего рабочего движения.

Мы делаем оговорку лишь относительно нескольких огульных взглядов автора на «легальный марксизм». Ни Бельтова, ни Волгина нельзя, конечно, упрекнуть в затуманивании «революционно-политической стороны учения Маркса». Этого нельзя сказать относительно «легального марксизма» новейшей формации с их попытками пересадить бернштейнианские взгляды на русскую почву».

Вот оговорка, которою сопроводила редакция «Рабочего Дела» статью тов. Мартынова. Мы привели оговорку целиком, от первой до последней строчки. И снова перед нами раскрывается изумительная картина: редакция печатает статью, только уступая ультиматуму тов. Мартынова, но в редакционном примечании не только не заявляет своего несогласия с автором, а наоборот, в основных пунктах с ним солидаризируется: вопросы Мартыновым поставлены «верно», их необходимо «исследовать в том же направлении». Но как же так? Где же следы «боев?» Где же разногласия? Где хотя бы малейший признак опасений со стороны «Рабочего Дела», что его «главных два кита» могут быть Мартыновым уничтожены?

«Рабочее Дело» оговаривается «лишь относительно» Плеханова: защищает его от Мартынова. Но главная линия спора лежала не в данной плоскости. Главное было в «двух китах». Но за них Кричевский не тревожился. Мартынов шел не для борьбы с экономизмом, а для его подкрепления с левого фланга. Поэтому он мог очутиться «во главе» экономистского органа. При начавшемся оживлении революционного движения «левый» оппортунист именно и был необходим для прикрытия «нормального» оппортунизма.

Тов. Мартынов был «левым» среди экономистов, потом был «левым» среди меньшевиков. Но «левым» был среди меньшевиков и Мартов. «Левыми» являются в рядах европейской социал-демократии Фридрих Адлер, Лонге, Пауль Леви, Розенфельд. Значит ли это, что эти «левые» борются против мирового меньшевизма? Значит ли это, что бесспорно левый в меньшевизме Мартов, левый в экономизме Мартынов боролись против меньшевизма и экономизма? Конечно, нет. Наоборот, «левые» спасают социал-демократию, без «левых» меньшевизм лишился бы последней опоры в рабочем классе. Когда левое крыло российского меньшевизма было ликвидировано, одновременно оказались порванными последние нити, связывавшие меньшевиков с рабочими. Левая социал-демократия осенью 1923 года буквально спасла германскую буржуазию от революции. Без своего «революционного» фланга германскому меньшевизму не удалось бы спасти себя от развала и буржуазию от краха.

Политически «левые» элементы оппортунизма являются вреднейшими врагами рабочего класса. Но стояние на левом фланге облегчает отдельным лево-оппортунистическим элементам переход на сторону революции. Именно потому, что такие элементы субъективно считают себя действительно левыми, действительно революционными, они могут поддаться влиянию революции, перейти на сторону рабочего класса после его победы, а иногда и во время решающей борьбы. Что тов. Мартынов боролся с экономизмом (и меньшевизмом) это, конечно, пустяки. Но что «левизна» облегчила ему лично возможность перехода на сторону коммунизма—это бесспорно.

Из нынешних левых социал-демократов Европы, после победоносной революции, не мало перейдет в ряды компартии. Коммунисты будут приветствовать такой переход. Коммунисты будут знать, что именно левые, объективно наиболее вредные революции, пока они остаются социал-демократами, субъективно более подготовлены к переходу на сторону победоносной революции. Такой переход будет приветствоваться всеми искренними друзьями рабочего класса. Но всякий сознательный рабочий стал бы громко смеяться над тем бывшим левым социал-

демократом, который стал бы уверять, что он в качестве «левого» в свое время боролся против социал-демократии...

Таким образом, т. Мартынов не смог справиться со своей собственной политической историей. Мудрено ли, если он не справился с историей и тактически-организационными основами большевизма?

Тов. Мартынов уверяет, что весной 1905 года Ленин считал «донкихотством» обсуждение вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства «с точки зрения ближайшего практического осуществления». Он оперирует фразой из секретарской записи речи Ленина и игнорирует практику большевизма на протяжении всего 1905 года, игнорирует печатные документы, совершенно бесспорно свидетельствующие, что большевики стремились «получить» диктатуру в результате осенней и зимней вооруженной борьбы 1905 года. Лозунг диктатуры был выдвинут большевиками не «вообще», а именно «с точки зрения ближайшего практического осуществления». Если бы диктатура не была лозунгом ближайшего периода, то она вообще не была бы... лозунгом. Это легко можно понять, если не «углублять» вопроса.

Представлял ли ясно Ленин в 1905 году характер происходившей тогда революции? Нет, отвечает т. Мартынов. Точнейшие выдержки из ленинской брошюры «Две тактики» его не удовлетворяют. Тов. Мартынов переходит в наступление, обращаясь ко мне, говорит:

> «Вы даже не понимаете, о чем вопрос идет, вы даже не понимаете всей трудности задачи, которую должен был решить Ленин. Что революция по своему экономическому содержанию могла быть буржуазной и в случае сделки либералов с царизмом и в случае полной демократизации страны—совершенно ясно. Но труднее решить было другой вопрос: могли ли бы мы удержаться строго в рамках экономической программы буржуазной революции в условиях диктатуры пролетариата и крестьянства, не вынудила ли бы нас сама логика революционной диктатуры выйти за эти рамки?»

Будьте милосердны, тов. Мартынов, не гамлетизируйте Ленина, не придумывайте трагедий, которых у него не было! Перед Лениным вовсе не стоял «роковой вопрос» о том, что делать с победоносной революцией. Этот вопрос «угнетал» в 1905 году вас, тов. Мартынов (брошюра «Две диктатуры»), он волновал т. Троцкого, который считал, что мы обязательно должны будем выйти за буржуазно-демократические рамки и на этой почве поссориться с крестьянством.

Ленина занимал прежде всего и раньше всего вопрос о том, как получить победоносную буржуазно-демократическую революцию. Ленин твердо знал, что мы можем получить именно буржуазно-демократическую, крестьянскую, «плебейскую» революцию. Ленин знал, что такая революция не отделена китайской стеной от социалистической революции, что вообще «чистых» буржуазных, «чистых» социалистических резолюций в природе не бывает. Преобладающие же черты характера революции 1905 года для Ленина, для большевиков были несомненны.

Еще раз, тов. Мартынов: не сочиняйте для Ленина трагедий, которых у него не было. Вопрос о характере, движущих силах и перспективах революции большевики сформулировали с классической ясностью в мае 1905 года. В извещении избранного на третьем съезде Центрального Комитета говорилось:

> «Проведение победоносной революции, отстаивание ее завоеваний возлагает гигантские задачи на плечи пролетариата. Но пролетариат не испугается великих задач. Он с презрением отбросит от себя тех, кто сулит ему несчастья от победы. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он не испугается трудной задачи участия во временном революционном правительстве, если эта задача выпадет на его долю. Он сумеет отбить все контр-революционные попытки, беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику, добиться революционным путем осуществления нашей программы-минимум. Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии.
>
> Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами».

Вот ответ вам, тов. Мартынов! Задача, которая вам казалась, и задним числом все еще кажется, трагической, на деле для большевиков не была трагической. Вы должны согласиться, что в этом боевом манифесте ленинской партии очень, очень ясно поставлен вопрос о характере революции 1905 года, и о социалистических перспективах, что здесь нет и тени гамлетизма, интеллигентского праздновздыхательства, резонерства. А мысли, изложенные в извещении ЦК, легли потом в основу ленинской книги «Две тактики», в основу всей большевистской тактики 1905—1907 гг. Поэтому неправ Мартынов, когда он говорит:

> «Правильнее в то время обосновал большевистскую тактику Каутский, утверждавший, что русская революция будет новым типом революции, стоящим на меже между старыми буржуазными и новыми социалистическими революциями».

Заслуга Каутского заключалась в том, что он понял сущность русской революции, не поддался на «хитрость» Плеханова, подсказывавшего ему либеральную точку зрения на нашу революцию, что он воспринял основы большевистской тактики и удачно их сформулировал. Это вовсе не было излишней скромностью со стороны Каутского, когда он в русских делах объявлял себя «учеником» русских революционеров. Он был именно учеником, ибо российское рабочее движение уже в то время стояло в авангарде мирового революционного движения.

Вопрос об отношении к буржуазным партиям и группам. В брошюре т. Мартынова напечатано:

«Мы не будем поддерживать других революционных и оппозиционных партий и групп, мы заставим их нас поддержать, мы заставим их пристегнуть себя к нашей пролетарской колеснице».

В такой общей форме это неверно. Выглядит внешне «революционно», но по существу неверно. Тов. Мартынов и сам чувствует, что хватил тут через край, и потому пускается в длиннейшие рассуждения на счет «конкретной исторической ситуации», споров между большевиками и меньшевиками и т. д. Вопрос запутывается.

Только-что приведенная выписка тов. Мартынова дает не верную общую, принципиальную постановку вопроса. Второй съезд партии по вопросу об отношении к либералам принял резолюцию Плеханова-Ленина, которая поможет нам разобраться в данном вопросе. Съездовская резолюция гласит:

«Принимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эта ограниченность и недостаточность.

Второй очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на анти-революционный и противопролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве».

Эта революция соединяет в себе постановку общую, принципиальную, и конкретную, практическую. В 1895—900 гг. социал-демократы поддерживают группу Струве, одновременно «разоблачая ограниченность и недостаточность» представляемого Струве класса. В 1903 г. группа Струве занимает позицию анти-революционную, и против нее ведется беспощадная борьба. В 1924 году коммунисты Китая поддерживают революционно-буржуазную партию Гоминдан, входят в ряды этой партии. Пройдет немного лет, партия Гоминдан станет силой антиреволюционной, и тогда коммунисты, уже сейчас «разоблачающие недостаточность и ограниченность революционизма китайской «передовой» буржуазии, перейдут к решительной борьбе с Гоминданом.

Тов. Мартынов, «углубляя» вопрос, пытается представить дело таким образом, будто возможно поддерживать революционное и оппозиционное движение буржуазии, не поддерживая соответствующих партий. Каждое серьезное движение организуется политической партией или группой. Если движение прогрессивно, революционно, и пока движение прогрессивно и революционно, понятно, организующую это движение партию или группу поддержать необходимо.

Весьма оригинально разделался тов. Мартынов с национальным вопросом. В его брошюре Ленину приписывается такая мысль:

«Пусть национальности, угнетаемые нашим державным народом, получат свободу на самоопределение, вплоть до отделения. Пусть угнетенные нации устраивают свою судьбу, как хотят».

«Самоопределение, вплоть до отделения», это значит—и автономия, территориальная и культурная, и областное самоуправление, и отделение. «Вплоть до»... подразумевает промежуточные инстанции до отделения. Меньшевики, когда они с 1911 года стали «приспособлять социализм к национализму» (выражение Плеханова), пытались представить дело таким образом, что, мол, понятие самоопределения включает в себя и право на культурно-национальную автономию.

Наша партия против такого толкования решительно выступала. Мы доказывали, что право на самоопределение означает только право на отделение, что попытка меньшевиков «расширить» понятие самоопределения на деле означает их отказ от права на отделение, их готовность итти навстречу великодержавным стремлениям либералов, превратившихся в национал-либералов. В тезисах Ленина: «социалистическая революция и право наций на самоопределение» (апрель 1916 г.) читаем:

«Право наций на самоопределение означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации. Конкретно, это требование политической демократии означает полную свободу агитации за отделение».

Итак, не—«вплоть до отделения», а исключительно отделение. Теперь тов. Мартынов разъясняет, что и он «никакого другого содержания в приведенную формулу... не вкладывал». Но ведь, бесспорно, что формула «вплоть до»... включает в себе и «другое содержание», кроме отделения, вернее, по конкретному политическому смыслу эта формула исключает право на отделение. Так это или нет? Если тов. Мартынов в самом деле «никакого другого содержания... не вкладывал», то зачем ему понадобилась эта, в самом лучшем случае, двусмысленная формула? Человек в 1903 году «восставал против расплывчатого понимания самоопределения», а в 1924 г. хватается именно за самую «расплывчатую» (в самом лучшем случае) формулу и выдает ее за большевистскую.

Но—заявляет т. Мартынов—формулу: «самоопределение вплоть до отделения»—я взял «из официального, чрезвычайно важного документа, подписанного тт. Сталиным и Лениным». Документ этот—«Декларация прав народов России», принятая Совнаркомом 2 ноября 1917 года. И тов. Мартынов победоносно заключает: «Тов. Вардин обязан теперь доказать, что тт. Сталин и Ленин 2 ноября 1917 года изменили ленинской позиции в национальном вопросе». Совсем не остроумно, совсем не убийственно, тов. Мартынов. Ленин и Сталин подписали и декрет о социализации земли. Этим они измены ленинской позиций в земельном вопросе не совершили. Однако, на том основании, что декрет подписан Лениным, было бы совсем не остроумно приписывать большевистской партии эсеровские аграрные формулы. Советский документ одно, а партийный—другое, тов. Мартынов.

Решающее значение для выяснения интересующего нас вопроса имеет программа нашей партии. Вот что мы там читаем:

«В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетаемых стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение».

После такой формулировки не можем, т. Мартынов, признать за нашу, за партийную—формулу в самом лучшем случае двусмысленную, по существу—меньшевистскую.

Если бы тов. Мартынов неточное выражение употреблял в газетной статье или агитационной речи, это было бы еще терпимо: мало ли какие небрежности допускаем мы в текущей агитации. Но он неточное выражение употребляет в книжке, по которой люди будут учиться, он на этом неточном выражении настаивает, а это уж дело серьезное.

«Ленин,—говорит тов. Мартынов,—перестроил партию на новый якобинский лад». Что это конкретно означает?

В чем основная черта якобинства конца 18-го века? В понимании исторической миссии буржуазии, как класса - гегемона, долженствующего выступить во главе нации против феодализма. В решительной смелой борьбе за власть. В сочетании действий «сверху» с действиями «снизу»—действий диктаторской власти и широчайшей революционной массы. В беспощадной террористской борьбе против всех врагов революции.

В мае 1904 года—ровно 20 лет назад—Ленин заявляет: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал - демократ». Что это означало? В каком виде представлял Ленин якобинство 20-го века? В виде партии пролетариата, сознавшего свою историческую миссию, как класса - гегемона, класса - руководителя всеми трудящимися массами. Эта якобинская партия должна была повести рабочий класс к беззаветной борьбе за власть, должна была научиться—как правильно отмечает и тов. Мартынов—сочетать действия «снизу» с действиями «сверху», беспощадно, «плебейски» расправиться со всеми угнетателями. Вот что было главное у Ленина. У якобинцев конца 18-го века он мог научиться не построению партии, а беззаветной революционной смелости, героизму, способности и дерзанию поднять на свои плечи великую историческую тяжесть... И Ленин, ведь, не ошибся: после Великой Французской Революции до Октября не было настоящей социальной революции.

Как ставит вопрос тов. Мартынов? В основном он в 1924 году повторяет мысли, высказанные в 1905 году. В своей книжке «Две диктатуры» тов. Мартынов писал:

«Главную добродетель пролетариата он (Ленин) видел в «пролетарской дисциплине», понимаемой не в высоком, социал-демократическом смысле этого слова, а в смысле фабричном, казарменном (курсив мой, И. В.) в смысле готовности подчиниться партийному центру... Это, как Плеханов выразился, теоретическое «грехопадение» Ленина, несомненно, объясняется его практическими якобинскими тенденциями»... (Стр. 10).

Значит, суть вопроса в том, что «практический якобинизм» влияет на характер построения партии. Но причем здесь Марат и Робеспьер? Совершенно не при чем, и тов. Мартынов поясняет:

«Я говорю здесь не о якобинцах эпохи Великой Французской Революции и Конвента, а об их позднейших подражателях, якобинцах-заговорщиках, которые в некоторых отношениях представляли каррикатуру на великих якобинцев».

Вот кто, по тогдашним взглядам тов. Мартынова, вдохновлял Ленина в его партийно-организационной политике: не «великие якобинцы», а «якобинцы - заговорщики». В другом месте своей брошюры тов. Мартынов говорит об «якобинской бакунистско - нечаевской организации», которая, по его мнению, дала «совершенно точный прообраз ленинского организационного плана». И когда теперь тов. Мартынов снова говорит о том, что Ленин «перестроил партию на новый, якобинский лад», то это утверждение по существу является воспроизведением старых взглядов тов. Мартынова. «Якобинский лад»—это означает—«бакунинско - нечаевский» (и ткачевский?) «лад». И в 1905 и 1924 году у тов. Мартынова одинаковое понимание, вернее, непонимание природы нашего партийного механизма. Но отношение разное: в 1905 г. он очень осуждает «якобинский лад», в 1924 году—очень его одобряет.

Ленин не строил никакой сверхъестественной партии, он не устанавливал никакой необычайной внутрипартийной диктатуры. Он строил подпольную партию, способную к руководству в борьбе, он опирался на добровольцев-единомышленников, добровольно подчинявшихся самой строгой дисциплине; добровольно подчинявшихся своему ЦК. Тов. Мартынов думает, что раз в подполье партия строилась сверху (а когда она не строится сверху—от съездов, ЦК, областных конференций и т. д.?), то, значит, в ней господствовал авторитарный принцип. Непонимание, полное непонимание, тов. Мартынов. Вот вы в брошюре цитируете прекрасные строки из «Что делать»: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки... Мы соединились по свободно принятому решению»...—цитируете эти чудесные строки и не понимаете, что нельзя итти, «крепко взявшись за руки», если эти руки не скрепляет великий порыв, величайшее братское доверие. Вы говорите об «якобинском ладе» и понятия не имеете о том, что означала для подпольной партии Надежда Константиновна Крупская, к которой протягивались истинно братские нити со всех концов страны...

Если бы наша партия попыталась утвердиться на «якобинском» «режиме диктатуры», она никогда не стала бы первой пролетарской партией мира. История получила бы пример еще одной бланкистской, нечаевской заговорщической организации, но на якобинский организационный «лад» партию, подобную большевистской, построить было бы невозможно. Ленинская партия вобрала в себя все ценное из организационной практики английского, французского, германского рабочего движения, обогатила опыт этих стран опытом борьбы российского рабочего класса. На-ряду с чертами «якобинизма» наша партия восприняла и черты германского социал-демократического движения. Большевизм и в организационном отношении означает не копирование эпигонов якобинства, а использование, гигантское обога-

щение, широчайшее развитие на новой основе старых форм политической борьбы всемирного пролетариата.

Организованные черты «якобинизма» в нашей партии вопреки тому, что всегда говорили меньшевики, никогда не господствовали. Вот почему даже в подполье она была во много раз демократичнее любой английской, французской, американской легальной парламентской буржуазной партии, где кучка вождей решает все вопросы, а масса членов партии не знает ничего. Партия пролетарских якобинцев 20-го века, партия диктатуры и стальной дисциплины—самая истинно - демократическая партия в мире. Кто этого не понимает,—тот еще не стал большевиком.

* * *

Совершенно естественно, что тов. Мартынов, в течение десятилетий боровшийся с большевизмом, за два года пребывания в нашей партии не успел избавиться от всех старых ошибок. Эти ошибки, при их обнаружении, партия будет отмечать, а тов. Мартынов, на наш взгляд, должен их исправлять, а не «углублять». Не всякая ошибка может быть опасной. Но всякая «углубленная» ошибка таит в себе ряд больших опасностей.

Петров:

С „исправленным“ Марксом против коммунизма.

(По поводу второго издания книги: **А. Богданов и И. Степанов.** «Курс политической экономии». Том II. Выпуск 4-й. «Общая теория капитализма. Коллективистический строй». Издание 2-ое, переработанное и дополненное. Госиздат. 1924. Стр. 360. Тираж 10.000 экз.).

До сих пор у нас как-то мало обращалось внимания на то, что экономическая теория А. Богданова резко отличается в целом ряде кардинальнейших пунктов от общепризнанных марксистских положений, что в лице А. Богданова мы имеем представителя совершенно иной системы взглядов, чем ортодоксальный марксизм. Отношение к работам А. Богданова скорее создалось как-раз обратное: они печатаются за советский счет, распространяются в громадном количестве экземпляров, рекомендуются в партшколах и вузах, как учебники, и т. д.

Какова причина столь печального недоразумения,—трудно сказать. Вернее всего—много причин: и отсутствие на русском языке более разработанного руководства по политической экономии; и сотрудничество с А. Богдановым в его экономических работах коммунистов И. И. Степанова и Ш. М. Дволайцкого; и несомненный талант Богданова в изложении предмета, и мн. др. Во всяком случае учебники по политической экономии А. Богданова до настоящего времени у нас фактически «вне конкуренции» и являются наиболее ходовыми, наиболее распространенными. Кто не знает «Курса политической экономии», или «Краткого курса экономической науки», или «Начального курса политической экономии», или «Введения»? А между тем, целый ряд основных положений, на которых построены эти работы, абсолютно неприемлемы для ортодоксального марксиста; не менее неприемлемы, чем философские взгляды Богданова, на которые так обрушился в свое время тов. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

Хотя в предисловии к первому изданию «Курса политической экономии», помеченном 1918 годом, заявлялось: «Выпуск этот написан А. Богдановым; редактирован, конечно, обоими авторами»; второе издание как переработано, так и редактировано, повидимому, одним А. Богдановым. Об этом можно судить на основании предисловия к настоящему изданию, в котором А. Богданов всюду говорит только от своего лица. Об этом в еще большей степени можно судить на основании целого ряда «поправок» и «дополнений», внесенных во второе издание: антикоммунистический и ревизионистский их характер слишком определенен, чтобы авторство работы могло быть приписано коммунисту. Надо думать, что находящаяся на обложке марка «А. Богданов и И. Степанов»

на данное издание перешла с предыдущего просто в силу инерции, так же, как и сама книжка в переделанном виде продолжает носить прежнее заглавие, считаясь, как ранее, 4-м выпуском II тома «Курса» *).

Может - быть, появление в свет «переработанного» и «дополненного» «Курса политической экономии», в котором Богданов - экономист встает перед нами, так-сказать, в «сконцентрированном» виде, заставит отнестись к нему иначе, чем у нас обычно относились к распространенному и пользующемуся слишком благосклонным вниманием первому изданию. Сколь бы ни были «покладисты» коммунисты, но должен же быть, наконец, предел их «терпимости», должны же они когда - нибудь заявить протест против беспардонного опошления и упрощения экономического учения Маркса! Должны же они, наконец, увидеть, что богдановская «обработка» Маркса годится только для нападения на его дело—на коммунизм!

Если до сих пор богдановский ревизионизм как-будто не выходил из рамок «теории», то ныне он призывается служить «практике». Система «поправок к Марксу» и «новых толкований» рано или поздно обнаруживает себя как враждебная пролетариату идеология. Но если она вначале, когда не выходит за рамки «теретических» вопросов, не всем еще представляется в своем истинном виде, будучи замаскирована грудой, якобы, научных доводов, то при своем «развитии» вынуждена договорить все до конца, поставить все точки над «и». Извращение методов Маркса начинает приносить достойные плоды.

Если до сих пор не все еще марксисты давали себе отчет, что в лице А. Богданова мы имеем дело с кардинальным извращением Маркса; если до сих пор Богданов - экономист, вместо надлежащей критики встречал с нашей стороны отношение какого - то безразличия и безучастия, то теперь эти времена прошли. Появление второго, «переработанного» издания «Курса» обязывает нас так или иначе реагировать на него.

Гвоздем книги, безусловно, можно считать вновь введенную главу «Военно - Экономические формации»,—главу, предназначенную А. Богдановым для экономического «объяснения» (вернее, «разоблачения») системы коммунизма, как она выявилась после Октябрьской революции у нас, в Советской России. Эта глава целиком политическая, хотя и преподнесена под экономическим соусом. Очень тонко, с чисто - меньшевистской вкрадчивостью, А. Богданов проводит свой «анализ» нашей борьбы за социализм, не все договаривает до конца, но, во всяком случае, действует достаточно «толково», чтобы у неискушенного читателя—студента, губпартшкольца и т. д. создать чисто - нэповское представление о коммунизме.

На первый взгляд может показаться неожиданным этот выпад против коммунизма, даже для тех товарищей, которые знают, какую антисоветскую позицию А. Богданов занял после Октября. Наша публика, в особенности учащаяся молодежь, слишком привыкла считать его экономические работы 100%-ым марксизмом. Однако, в том - то и дело, что в экономической теории не менее, чем в философии, Богданов уже

---

*) От редакции. Мы уполномочены заявить, что тов. Степанов в составлении и редактировании второго издания 4-го выпуска не принимал решительно никакого участия.

давно подверг Маркса «пересмотру» снизу доверху, в первую очередь «пересмотрев» его метод.

Занятые по горло разрешением животрепещущих практических задач, мы просмотрели разлагающее влияние богдановской «методологии», и уже теперь можем заметить кое - какие отрыжки «богдановщины» в новейших проектах программ политической экономии. Нам некогда было заняться критикой этого quasi - марксизма и выровнять по отношению к нему свою собственную линию. Но теперь мы не только должны, но вынуждены этим заняться.

Работа критики облегчается тем, что в новом издании мы находим специальное «Методологическое введение», где расхождение Богданова с марксизмом представлено в наиболее отчетливой форме. Внешне глава посвящена вопросу о том, является ли теоретическая экономия наукой специально для капитализма, излишней для других общественных формаций, или она нужна и для них. По существу же она трактует вопрос о содержании Марксовой методологии.

Присмотримся в первую очередь к этой «методологической» главе.

*
* *

В главе о «Месте теории капитализма в экономической науке» А. Богданов утверждает, что неправильно считать политическую экономию только теорией менового общества или теорией капитализма: Этот этап (капитализм) должен быть изучаем лишь «с гораздо большей обстоятельностью, чем другие» (стр. 19), но и только. В общем же и целом, политическая экономия, по мнению Богданова, всецело растворяется в «экономической науке». «Для нас,—говорит он,—теория капитализма представляет лишь аналитический момент в одном из этапов единой экономической науки» (стр. 19).

Для вящшей убедительности своего похода против политической экономии, А. Богданов пытается привлечь на свою сторону самого Маркса.

> «Маркс первоначально, кажется, даже не хотел сохранять за новой наукой старое обозначение. Он назвал свою работу «Капитал» критикой политической экономии, без всякого пояснения; а при ниспровергающем характере его критики это всего скорее можно понять в смысле отрицания политической экономии вообще, как науки буржуазной, которая одна до Маркса носила это имя. Но старый термин удержался, его применяют и к новой науке, несмотря на его исторические, и даже собственно филологические недостатки: ведь, не о «политике» в теперешнем значении этого слова идет в ней дело. А вместе со старым термином удерживаются и некоторые старые недоразумения.
>
> Одно из них для нас в данный момент особенно важно; оно относится к определению самого предмета политической экономии: многие марксисты (Гильфердинг, Бухарин и др.) понимают ее именно как теорию капитализма, или, общее, товарного хозяйства, но и только его» (стр. 9—10).

Прежде всего необходимо разобраться, какое «методологическое» значение имеет этот поход А. Богданова против политической экономии, как теории капитализма? Только ли здесь вопрос о названии, об его исторических и филологических недостатках, или что-то большее?

Из подчеркнутых мест в только-что приведенной цитате видно, что вопрос идет об «определении самого предмета политической экономии».

Должна ли теоретическая экономия иметь предметом своего исследования то своеобразие проблем, которые впервые возникают лишь в товарно-капиталистическом обществе, или нам нужна только «экономическая наука», изучающая общие законы экономического развития общества? Уже отсюда явствует, что А. Богданов клонит в сторону подмены предмета марксистской политической экономии.

Значит, не столь уж невинным должен нам представляться богдановский поход против теории капитализма: он означает, по существу, подстановку для теоретической экономии иных задач, чем какие поставил Маркс. А это не может не означать еще большего расхождения в вопросе о методе исследования.

Конечно, мы не собираемся сказать, что А. Богданов уделяет капитализму недостаточно внимания.—Если говорить о количественной стороне, то, скорее, надо признать обратное; ведь, рассматриваемая работа даже носит заглавие «Общая теория капитализма». Вопрос заключается в другом: не выбрасывается ли вместе с политической экономией, как теорией только менового общества, тот особенный метод, которым Маркс исследовал законы этого общества? Посмотрим, как у А. Богданова обстоит дело с Марксовым методом исследования.

Увы!—он оказывается «видоизмененным» до неузнаваемости. Ведь, А. Богданов считает, что

> «теория капитализма представляет лишь аналитический момент в одном из этапов единой экономической науки, исторической в своем целом, по своему основному характеру» (стр. 19).

Растворение «теории капитализма» в «экономической науке» неизбежно приводит к понятному движению—от более высоких методов Маркса к упрощенным, более элементарным. А. Богданов обязывает свою «экономическую науку» быть «исторической в своем целом, по своему основному характеру». А чтобы застраховать себя от упреков в пренебрежении «теорией», он переводит спор в ту плоскость, что «история народного хозяйства» не может быть научной без «теории», что «всякая экономическая формация подлежит теоретическому анализу» (стр. 17).

Что ж, мы согласны, что всякая «история» должна быть оплодотворена «теорией», именно—теорией исторического материализма. Но значит ли это, что «история» и «теория»—тождественные понятия, покрывают одно другое? Ни в каком случае: история, в отличие от собственно теории, является наукой «идеографического, т.-е. чисто-описательного типа». К числу наук собственно теоретических мы отнесем и «теоретическую экономию» или, как ее чаще называют, «политическую экономию», т.-е. науку о законах товарно-капиталистического общества. Это не значит, что мы ее хотим совершенно лишить «историзма»: было бы большой ошибкой оторвать экономическую теорию капитализма от истории... Однако, вместе с Бухариным мы должны сказать, что «исторический» характер законов политической экономии не превращает последнюю в науку идеографического, т.-е. чисто-описательного типа. Напротив: «в силу теоретико-познавательного своеобразия системы конкуренции, которая приводит с собой как наибольшее число теоретических задач, так и наибольшую трудность их решения, анализ капиталистической действительности представляет особый интерес и придает особый логический вид экономической науке, которая исследует закономерность стихийной жизни современного общества, выводит законы, независимые от сознания людей, «регулирующие естественные законы, на манер закона тяжести, когда над вашей головой обрушивается дом». («Политическая экономия рантье», стр. 49).

Отожествив экономическую «теорию» с «историей народного хозяйства», А. Богданов выхолостил и самый метод экономического исследования, сведя его целиком к методу «исторического сопоставления». Вот несколько «образцов» богдановской трактовки методологии Маркса.

> «В основе марксовского разоблачения фетишизмов товарного общества лежит метод исторического сравнения».
>
> «За теоретическим анализом, как его предпосылка, скрывается историческое исследование» (стр. 14).
>
> «Исходным пунктом всякого «абстрактно-теоретического» построения служит, лишь в обобщенном и упрощенном виде, исторически наблюдаемое соотношение» (стр. 16).

Из этих цитат видно, что А. Богданов преподносит нам в «упрощенном виде» самый метод марксизма—диалектику. Конечно, повторяю, историческая точка зрения является одним из главных требований диалектического метода. Но наша диалектика была бы очень плоска, если бы пользовалась только «методом исторического сравнения», как предлагает Богданов. И прежде всего она была бы лишена способности исследовать специфические общественные отношения капитализма, исходя из его собственной основы. Правда, упрощалась бы и самая задача исследователя, но в той же мере и решение задачи становилось бы все более неудовлетворительным.

Поэтому мы считаем правильным противопоставить богдановскому «методу исторического сравнения» диалектический метод марксизма, в следующей, например, формулировке Бухарина:

> «Во-первых, нужно каждую форму общества понять и исследовать в ее своеобразии.
>
> Во-вторых, нужно каждую форму изучать в процессе ее внутреннего изменения.
>
> В-третьих, необходимо каждую форму общества рассматривать в ее возникновении и в ее необходимом исчезновении, т.-е. в ее связи с другими формами».
>
> («Теория исторического материализма», стр. 72).

Исследовать капиталистическую форму общества в ее своеобразии это и значит принять во внимание ее основные черты, отличающие капиталистический «производственный организм» от всякого иного. Ибо исследование капитализма и есть исследование того, что отличает капитализм от всякой другой общественной структуры. Если же мы отвлечемся от этих особенностей, которые типичны для капитализма, то будем иметь дело лишь со всеобщими категориями, пригодными для всяких общественных производственных отношений и потому не объясняющих исторически определенного, совершенно своеобразного процесса развития современного капитализма.

Здесь полезно еще напомнить слова Плеханова о диалектике (см. «Основные вопросы марксизма», стр. 21):

> «Диалектику многие смешивают с учением о развитии и она, в самом деле, есть такое учение. Но диалектика существенно отли-

чается от вульгарной «теории эволюций», которая целиком построена на том принципе, что ни природа, ни история не делают скачков, и что все изменения совершаются в мире лишь постепенно».

Другими словами: постепенно накопляющиеся количественные изменения в определенный момент делают неизбежным «скачок», переход количества в качество. История экономического развития именно через такой скачок и привела человечество к капитализму: достаточно вспомнить процесс первоначального накопления и ряд буржуазных революций. Возникают совершенно новые общественные отношения, качественно иные, правильно понять которые, подходя лишь с прежними методами, невозможно. Своеобразие проблем, которое впервые здесь встают для теоретического исследования, требуют дальнейшего диалектического развития познавательного метода. Абстрактно - аналитический метод Маркса тем и характеризуется, что он адэкватен тому предмету, который исследуется при его помощи,—капитализму. Этот метод и составляет основу и сущность марксистской политической экономии. От него-то и предлагает нам отказаться А. Богданов, сводя все дело к «историческому сравнению».

А. Богданов объявляет особые методы политической экономии, как теории капитализма, не объективными с точки зрения марксиста. На стр. 13-й он говорит:

«Формы мышления, объективные в рамках буржуазных производственных отношений, следовательно, объективные для буржуазной науки. Но объективны ли они для марксистской политической экономии? Конечно, нет».

И далее очень оригинально «объясняет», как надо понимать известное марксистское положение, что политическая экономия создалась в рамках капиталистических отношений и вышла из них.

«Однако, и она (политическая экономия марксизма) создалась в «рамках» капитализма? Да, она вышла из «рамок» его специфических производственных отношений. Как это возможно?

Исторически это стало возможно потому, что на арену социальной жизни вышел класс, принципиально борющийся против этих специфических отношений; и исследователь, становящийся на точку зрения этого класса, принципиально освобождается от их идеологической власти».

Значит, по Богданову, политическая экономия марксизма вышла из «рамок» капиталистических производственных отношений не тем путем, что она восприняла, усвоила, продолжила, усовершенствовала и завершила методы объективного познания капиталистических производственных отношений, начало которым было положено буржуазными предшественниками Маркса, во главе с классиками... Нет, из «рамок» капитализма вышел класс, «принципиально борющийся против капитализма», т.-е. пролетариат... И вместе с ним на землю впервые снизошла «пролетарская наука»!

Здесь, пожалуй, наиболее ярко у А. Богданова вместо марксистской диалектики выступает метафизика. Последняя, как известно, рассматривает все вещи неподвижными, существующими как «предметы». Диалектика же говорит: «все течет, все изменяется». Каждый «предмет» есть в сущности «явление». В каждую данную минуту он и есть, и не есть. Возьмем «пролетариат»: мы обязаны рассматривать «пролетариат», как

«явление», беспрерывно развивающееся, т.-е., во-1-х, развивающееся из чего-то; во-2-х, в каждый данный момент еще не развившееся. Слишком смелым должен быть экономист, чтобы утверждать, что с определенного момента пролетариат уже «вышел», как «класс». И еще большая смелость нужна, чтобы провозгласить полный разрыв между «буржуазной» и «пролетарской» объективностью.

Мы напомним несколько исторических фактов: когда Маркс диалектически завершал дело, начатое классиками, «пролетариат», как класс, не только еще окончательно не сложился, но и идеологически был в плену у буржуазных и добуржуазных мировоззрений; политически и экономически он сплошь да рядом был реакционен (ср. борьбу против машин, против труда женщин и иностранных рабочих, создание общих полу-профессиональных, полу-цеховых союзов вместе с хозяевами и т. д.). Тут уже Богданов ничего не сможет поделать иначе как «упростить» понятие «пролетариат», представить его как нечто оформленное, определенное, неизменяющееся и ему, Богданову, хорошо известное, чтобы дать возможность своему «исследователю» прочной ногой встать «на точку зрения» этого класса. Тут уже без метафизики никак не обойтись.

Не меньше метафизики и во взглядах Богданова на свою «пролетарскую науку». Последняя должна представлять не дальнейшее развитие объективных научных методов, оставленных в наследство буржуазией, а лишь «организовать» материал, собранный буржуазной наукой. (Ср. А. Богданов, «Наука об общественном сознании», стр. 228, 238 и др.). Предполагается, что «пролетарская» точка зрения, под углом которой будет «организовываться» этот материал, уже есть; т.-е. что она или существует извечно, или, во всяком случае, в совершенно оформленном виде родилась, как только «вышел класс». Родилась от «непорочного зачатия», подобно Иисусу от девы Марии, без всякой преступной связи с «буржуазною» наукой...

Собственно говоря, более точной датой появления этой «пролетарской науки» надо считать тот момент, когда она в готовеньком виде, как deus ex machina, выскочила из головы А. Богданова. Ибо до Богданова ни «классовой» «пролетарской политической экономии», ни особой «пролетарской культуры» у нас никто еще сколько-нибудь серьезно не пытался культивировать.

Выше мы уже говорили, что Богданов старается привлечь на свою сторону Маркса, заявляя, что он «первоначально, кажется, даже не хотел сохранять за новой наукой старое обозначение».

Конечно, в высшей степени поучительно проникнуть, так-сказать, в духовную лабораторию Маркса и проследить, как развивались и складывались его взгляды. Но при этом надо не забывать одного: весь проделанный наукой, в лице Маркса, тяжелый исследовательский путь может быть правильно понят лишь с точки зрения конечного его результата. Или как говорит сам Маркс:

«Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, избирает вообще говоря, путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post factum (потом, впоследствии), т.-е исходит из готовых результатов процесса развития».

(«Капитал», том I, стр. 144).

Так именно поступал сам Маркс, когда он писал, например, свои «Теории прибавочной стоимости», где учение всех предшествовавших ему экономистов он разобрал с точки зрения развития учения о прибавочной стоимости, которое окончательно сформулировано было лишь Марксом. Поэтому и в данном случае важно не то, что Маркс «первоначально» хотел сделать,—важно то, к чему он пришел. Пришел же он к тому, что завершил дело, которое начато было с несомненным успехом физиократами и классиками во главе со Смитом и Рикардо. Пришел он именно к созданию политической экономии, как теории капитализма, изучающий капитализм на основе им самим создаваемых отношений. Буржуазия должна была положить начало объективной науке политической экономии, но по объективным же причинам она не могла довести этого дела до конца.

С известного момента исторического развития политическая экономия начинает представлять уже новый класс—пролетариат. Чем более развивается последний, чем более оформленной становится классовая борьба, тем менее объективной становится буржуазная наука, превращаясь в чисто-классовую. Но зато наука находит себе опору в новом классе, единственном, могущем быть объективным,—в пролетариате. По мере того, как последний развивается, становится все более неизбежным, что научная точка зрения совпадает с точкой зрения этого класса, как самого прогрессивного и незаинтересованного в сохранении капиталистического способа производства.

Маркс далеко не так безапелляционно третировал буржуазную политическую экономию, как это делает А. Богданов. Наоборот, он подчеркивает ее высокое научное достоинство, пока у буржуазных ученых была возможность беспристрастного изучения предмета.

> «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т.-е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классоваая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях.
>
> Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической экономии, Рикардо, сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыль и земельной ренты, наивно рассматривая эти противоположности, как естественный закон общественной жизни».

Но вот—

> «Буржуазия во Франции и Англии завоевалаа политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономии».

(Послесловие ко 2-му изданию I тома «Капитала»).

С точки зрения А. Богданова, не может быть каких-то особых методов в изучении капитализма в отличие от общих методов истории экономического развития в целом. Между тем, вся политическая экономия классиков и их предшественников именно и представляла собой разработку таких абстрактно-аналитических методов, которые должны были бы сделать возможным познание законов менового общества, исходя из его собственной основы. Маркс не только не отбросил этих попыток, но он довел их до конца, очистил от ошибок и обогатил привнесением методов историзма, материализма, диалектики. Как сам Маркс, так и его ученики всегда до сих пор подчеркивали генезис основных категорий марксистской теоретической экономии, их непосредственное примыкание к «предшественникам», главным образом, к классикам.

А. Богданова мало печалит, наконец, и то обстоятельство, что, отрицая теорию капитализма, как особую науку, он убегает с единственного поля сражения, где он может биться со своими противниками (буржуазными экономистами) оружием того же порядка, что у последних: объяснением специфических капиталистических отношений, пользуясь теми объективными научными достижениями, в которых и буржуазия сыграла в свое время не последнюю роль, которые ею принимаются и—плохо ли, хорошо ли—понимаются. Пролетариат не выполнил бы своей исторической миссии, если бы он, последовав совету Богданова, замкнулся в скорлупе своей собственной «пролетарской науки», вместо того, чтобы пойти и разгромить буржуазную, переставшую быть объективной, «науку» в ее собственном лагере.

Теперь еще несколько слов о методе трактовки в экономических работах А. Богданова. Одна из отличительных черт последнего заключается в том, что он всегда готов дать читателю законченное определение любого вводимого им понятия. В то время как Маркс с самого начала вводить читателя в сферу высочайших абстракций, которыми и оперирует с первой до последней страницы своих экономических работ, А. Богданов, можно сказать, ни на минуту не отходит от конкретного материала, слепо следуя за ним, лишь «упрощая» и «обобщая» его. Конечно, изложение, благодаря этому, делается легко и удобо-читаемым: конкретное, хотя бы и по-богдановски «упрощенное», всегда легче дается, чем абстрактное...

Это очень удобно для читателя, это подкупает, но правильно ли это, как метод? Сопоставим его с методом Маркса: если вы находите у А. Богданова в готовом виде определение категорий «капитал», «стоимость» и т. д., то у Маркса вы их не найдете, или, вернее, найдете их в разных местах в виде частичных определений (напр.: «Капитал не есть вещь, а общественное отношение, опосредствованное вещами», стр. 790; «Деньги и товары отнюдь не являются капиталом сами по себе», стр. 736, и т. д.). Лучше сказать, все труды Маркса есть одно целое развертывание и определение его основных категорий, введенных им с самого начала в исследование. Именно в этом—секрет невероятной мощи, заключенной в работах Маркса, и именно этим качеством не отличаются работы А. Богданова.

Если уж оценивать Маркса со стороны изложения, то следует сказать, что более всего силен он там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен.

По поводу некоторых неудачных толкователей Маркса Энгельс заметил в предисловии к третьему тому «Капитала», что они впадают в недоразумение, когда думают, будто Маркс дает определение нам, где он в действительности развивает, и не понимают того, что «у Маркса вообще пришлось поискать точных, готовых, раз навсегда составленных определений».

Недостаток места заставляет нас опустить целый ряд ложных утвер-

ждений А. Богданова, коими переполнено его «Методологическое введение», да и вся книга. Лишь упомянем его «оригинальный» «закон населения», «теорию социального приспособления», определение понятия «производительный труд» и т. д., и т. п. Упомянем также его положение что политическая экономия должна охватывать не только все имевшие до сих пор место общественные формации, но обязана даже разработать «экономически - организационную теорию» для будущего общества; непризнание этой богдановской истины должно, будто бы, приводить к кризисам, подобно поразившему национализированную промышленность в Советской России после 1920—1921 гг. (см. стр. 18—19). Богданову постоянно приходится при этом то явно, то потихоньку «разъяснять» Маркса, ссылаясь на недоразумения в марксовом тексте и т. д. (стр. 28, 169 и др., ср. его «Философию живого опыта»). Однако, для критики богдановского ревизионизма по всему фронту нужна особая работа. Поэтому мы ограничимся изложенным и перейдем к другой интересующей нас главе, показывающей нам ревизию Маркса «в практическом применении».

* * *

Введенная во второе издание книжки новая глава «Военно-экономические формации» заслуживает особого внимания нашей партии, так как всей тяжестью она направлена против нее. В ней дается «теоретическое» объяснение системы «военного коммунизма», системы советов и т. д.,—одним словом, всего того, что мы до сих пор считали марксизмом, претворенным Лениным в практику.

Какими же чертами характеризует А. Богданов систему коммунизма?

Во-1-х, «военный коммунизм трудовых классов», т.-е. наш период «военного коммунизма» 1918—21 гг., ставится им на одну доску с системой «военно-государственного капитализма» Германии, как вещи совершенно одного и того же порядка. И в том, и другом случае мы имеем, по Богданову, «внедрение в капитализм элементов военного коммунизма» (стр. 256). И тот, и другой находят у него совершенно одинаковое объяснение—в катастрофе и в строении современной армии. И тот, и другой определяются как «коммунизм крайности», как «осадный коммунизм», как «социализм дележа» и т. д.

> «В осажденных городах создается» «осадный коммунизм»: если угрожает неопределенно долгое прекращение всякой доставки продуктов, то власти, *хотя бы политически и самые консервативные*, вынуждаются организовать равномерное распределение, конфискуя частные запасы» (стр. 257).

Итак, «военный коммунизм» разъяснен: это не ступень к социализму, для него не диктатура пролетариата характерна,—характерно только «осадное положение». Точно такой же «осадный коммунизм», по А. Богданову, случается, когда корабль попадает на рифы у пустынного острова, «как бы ни было велико уважение капитана, экипажа и пассажиров к принципу частной собственности». Такой же «осадный коммунизм», не более, наблюдался, будто бы, в Парижской Коммуне (хотя известно, что последняя совершенно не знала сколько-нибудь значительных продовольственных затруднений и, тем не менее, декретировала выборность всех органов управления, снижение высоких окладов

чиновников до уровня заработка рабочего, заменила парламент единой законодательно-исполнительной корпорации и т. д.).

Таким образом, величайшее всемирно-историческое значение периода военного коммунизма, как первого этапа нашей социалистической революции, замолчано, смазано. Богдановская характеристика, наоборот, внушает мысль о случайном и преходящем характере начатого социалистического строительства вообще. Не может же «социализм», выросший из «осадного положения», быть долговечным!

Во-2-х, А. Богданов старается объяснить «военный коммунизм» исключительно как «коммунизм потребительский», производя его от «потребительско - коммунистической организации армии». Последняя-де во время войны достигала 10%—15% ко всему населению.

> «И вот с армии элементы потребительского коммунизма стали постепенно распространяться на все общество» (стр. 259).

И лишь в силу того, что «коммунистическое» распределение оказывается бессильным без соответствующего регулирования производства, «коммунистический принцип простирает свое влияние и на сферу производства» (стр. 260).

Итак, согласно Богданову, произведенная нами национализация производства может быть понята лишь в рамках «осадного коммунизма». Очевидно, что теперь она является анахронизмом, плодом недоразумения и лишь ждет своей отмены... Иного вывода у неискушенного читателя не может закрасться в голову от тонко и тщательно сформулированных положений А. Богданова.

В-3-х, мы находим в книжке совершенно недвусмысленный выпад А. Богданова против методов внешней политики советов, которую он характеризует как «антисоциалистическую».

> «Антисоциалистическим моментом постановки задачи следует признать и тенденцию к национально-государственной «автаркии», к тому, чтобы обходиться по возможности без продуктов других стран, устранить международную экономическую взаимозависимость. Социализм же, в современном его понимании, невозможен вне связи мирового хозяйства, или, по крайней мере, большей его части, — масштаб, который должен гарантировать не только действительную и нормальную автаркию, но и безопасность от милитаристической борьбы со стороны отсталых организаций» (стр. 262).

Следовательно, во-первых, социализм, даже в переходной форме диктатуры пролетариата, «невозможен вне связи мирового хозяйства», и у нас, очевидно, не диктатура пролетариата, а одно недоразумение, в котором социализмом даже и не пахнет. Во-вторых, практикуемый нами «социалистический протекционизм», который мы считаем единственно возможной формой внешней экономической политики в период всеобщего протекционистского увлечения, в эпоху экономического наступления финансового капитала, надо упразднить, как «антисоциалистический» и заменить, очевидно, миролюбивой «свободой» торговли.

Что такая концепция марксизмом и не пахнет,—понятно само собой. Но приведенная цитата содержит в себе еще одну неправильную мысль, именно, что социализм невозможен иначе, как в мировом масштабе. Как полное осуществление идеала, это верно, однако, спор заключается в другом: должен ли социализм сразу начать свое существование «в мировом масштабе», или, по крайней мере, в масштабе «большей его части»? Возможен ли переход на сторону социализма сначала всего лишь

одной страны, которая будет противостоять, таким образом, всему капиталистическому миру? Судя по Богданову, об этом и говорить нельзя, и, следовательно, наш Союз ССР называется «социалистическим» опять-таки неправильно...

Поучительно противопоставить «теории» А. Богданова мысль, высказанную Лениным по данному вопросу еще в 1915 году, за два года до Октябрьской революции:

> «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, стал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».
>
> (Н. Ленин. «О лозунге Соединенных Штатов Европы», напечатано в «Соц.-Дем.», № 44, от 23 августа 1915 года; цитировано по сборнику «Избранные речи и статьи», т. II).

Гениальный вождь коммунизма еще задолго до революции предвидел то положение, в котором находится наша борьба за социализм сейчас. А ослепленные ненавистью к коммунизму меньшевиствующие «экономисты» даже теперь не в состоянии разобраться в обстановке. Вот куда скатываются герои «поправок» к марксизму!

В-4-х, апогея своего А. Богданов достигает, когда начинает давать классовую характеристику системе пролетарской диктатуры в России и других советских странах. Она, оказывается, менее всего пролетарская, на самом же деле—крестьянская!

А. Богданов буквально утверждает следующее:

> «От трудового блока Парижской Коммуны новейший коммунистический блок резко отличается участием крестьянских низов. Во Франции буржуазия повела за собой крестьянство и его силой подавила Коммуну. В России, напротив, крестьянская в большинстве своем армия разгромила господствующие классы, и вообще главные массы крестьянства поддерживали Советскую власть...
>
> Венгрия, где советская власть держалась больше четырех месяцев и без внешнего вмешательства имела бы все шансы вообще удержаться, есть страна, подобно России, экономически отсталая и потому особенно пострадавшая от войны, притом тоже с преобладанием крестьянского населения и с сильным еще до войны аграрным движением.
>
> Бавария — наиболее крестьянская из стран Германии» (стр. 265, 266).

Ни слова о рабочем движении как определяющем моменте нашей революции. Указание на то, что пролетариат стал руководящей силой, отсутствует даже в той глухой форме, как это сделано Богдановым в последнем издании «Науки об общественном сознании». Полное замалчивание факта пролетарской диктатуры, полное умолчание факта крушения собственно крестьянских движений и мелкобуржуазных партий: эсеров, меньшевиков, «зеленых», «учредилки» и т. д.

Зато подчеркнуто «участие крестьянских низов». Подчеркнуто столь энергично, что опять-таки у неискушенного читателя создается концепция нашей революции, как революции буржуазной, крестьянской, но не пролетарской.

* * *

Итак, устами известнейшего экономиста-писателя, «марксиста», дана исчерпывающая экономическая, историческая и классовая характеристика системы советов, системы коммунизма. Характеристика определенная, недвусмысленная, хотя и очень хитро проведенная под маской «марксизма», объективности, исторического беспристрастия.

Теперь становится до очевидности ясным, с какой идеологией в лице А. Богданова мы имеем дело, какая значительная пропасть отделяет последнего от марксизма.

В области философских вопросов это, собственно, давно стало бесспорным местом. Своим «Эмпирионизмом», «Тектологией» и «Философией живого опыта» А. Богданов много лет назад уже отмежевался от школы Маркса. Надгробное напутствие над ним давно уже прочтено— взять работы Ленина, Деборина, Плеханова. И только наше пренебрежение «теорией» позволяло до сих считать Богданова - экономиста марксистом.

Исследователь, отказавшийся от диалектики Маркса, становится метафизиком. Лишая свою «науку» единственно научного метода, он не может более служить пролетариату. Наоборот, он **должен объективно** теперь оформлять сознание каких-то других общественных групп, враждебных рабочему классу. Он должен «критиковать» и «разъяснять» пролетарскую революцию, объективно работая тем самым против нее.

Развивается классовая борьба, начинается полоса революций... Передовая часть рабочего класса мобилизует все силы для закрепления одержанной победы... Марксизм полностью оправдывает себя, как программа революционного действия... Какое отношение может вызывать к себе революция со стороны тех, кто опошлил, «упростил» Маркса, отошел от него? Ничего, кроме бешеной ненависти. Последняя начинает руководить пером «ученого» и превращать «науку» в средство борьбы с революцией.

Мы должны признаться, что недостаточно оценивали до сих пор всю опасность меленьких теоретических расхождений и уклонов. Теперь лишний раз мы можем увидеть, как далеко эти расхождения ведут на практике.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Пауль Фрейлих.

Политические партии Германии и выборы в рейхстаг.

Успех Г. К. П.

ГКП вступила в избирательную борьбу при неблагоприятных условиях. Подъем, оживлявший партию в прошлом году, сильно спал. Всеобщая симпатия пролетариата и средних слоев уменьшилась, частично даже перешла к крайней правой. Партия пережила долгий тяжелый период подполья. Это, конечно, сильно подорвало ее организацию. К этому еще прибавились аресты, оторвавшие от работы тысячи лучших товарищей. Руководящие силы партии должны были перегруппироваться, отчасти вследствие преследований, а также и вследствие новой ориентации партии. И это также вредило работе во время переходного периода. Нельзя отрицать и того, что в партии отчасти под впечатлением партдискуссии, отчасти, как реакция против прежнего перенапряжения сил, наступила опасная пассивность. Спорадически даже высказывалось мнение, что партия не должна участвовать ни в выборах, ни в парламентской работе,—мнение, являвшееся возвратом к уже покинутой точке зрения; в других областях подобный возврат вспять выявился еще резче. Запрещения газет (например, «Роте Фане») не прекращались даже во время выборов. К этому еще присоединилось известное успокоение рабочего класса. Правда, за последнее время шла тяжелая борьба за 8-часовой рабочий день и повышение заработной платы. Но уже не было бродила—постоянно падающей валюты. Безработица сильно уменьшилась. Хотя положение рабочих и плачевное, все же наступила стабилизация, несколько успокаивающая их. До известной степени удовлетворена потребность, постоянно живущая в широких пролетарских массах,—потребность в новых иллюзиях, позволяю-

*) Помещаемые ниже статьи тт. Фрейлиха, Трена и Реммеле написаны для журнала «Коммунистический Интернационал» и печатаются в № 3—4 названного журнала. Мы эти статьи печатаем с разрешения редакции «К. И.». По техническим причинам статьи нами несколько сокращены.

Редакция.

щих верить, что на почве капитализма еще возможно длительное улучшение их положения.

Все эти обстоятельства привели к значительному усилению социал-демократии. Она ликвидировала свои внутренние неурядицы и, хотя бы временно, в ожидании выборов, объединила правое и левое крыло после того, как улегся спор о мандатах. Совместно они выступили с непревзойденной демагогией. Если верить им, руки их не были запятнаны кровью империалистской и гражданской войны, а сами они были совершенно неповинны в диктатуре генералов и крупного капитала. Напротив, эта партия разыграла роль защитницы рабочего класса, за которую, видите ли, нужно голосовать для спасения ею же уничтоженного 8-часового рабочего дня и демократии. Добиваясь этого, она, как всегда в опасные для нее моменты, действовала, «разоблачая» ГКП. Избирательная атмосфера была насыщена «холерными бациллами», поднимался призрак германской чека, с кинжалом за голенищем, бомбами в карманах брюк и пулями дум-дум в револьвере. Даже Макса Гельца использовали, как козырь, против ГКП, изобразив его раскаявшимся грешником.

Разумеется, в партии уже давно задумывались над возможным исходом выборов. Почти все время рассчитывали на 50 мандатов, а в последние недели полагали, что и этот расчет слишком оптимистичен. Серьезные расчеты буржуазных газет приходили к тем же выводам. Если партия получила $3^3/_4$ миллиона голосов и 62 мандата, то это можно считать значительным успехом. Учитывая все условия, при которых происходили выборы, можно сказать, что этими $3^3/_4$ миллионами коммунистических избирателей мы обязаны отнюдь не благоприятной конъюнктуре. Эти избиратели составляют массу, доверие которой к ГКП прочно завоевано. Это является плодом нашей работы и нашей борьбы.

У нас нет оснований почить на лаврах, констатировав этот факт. Как бы он ни поднимал нашу самооценку, как бы он ни усиливал наше влияние и наш престиж,—у нас все же еще нет оснований для ликования. Результат выборов даст нам целый ряд жестоких уроков.

Дробление на партии.

Иностранные товарищи прежде всего поразятся тому, что в выборах участвовало 25 партий. К утешению их можно сказать, что в действительности раздробленность зашла гораздо дальше. Дело в том, что по отдельным избирательным округам имеется большое число мелких партий, объединившихся на время выборов с другими партиями и поэтому не фигурирующих в общем итоге. Это раздробление является показателем глубокого социального разложения германского народа. Политика банкротства порождает в недрах старых партий оппозиционные течения, стремящиеся к самостоятельности. Это проходит всюду красной нитью.

От германской национальной партии откололись «народники». От германской народной партии незадолго до выборов откололось правое крыло тяжелой индустрии, образовав национально-либеральную партию, заключившую союз с националистами. Партия центра все более подпадает под опеку юнкеров и королей угля. Это привело к возмущению в ее мелкобуржуазной и пролетарской части, в результате чего была сделана попытка образования христианской рабочей партии. В буржуазных кругах, особенно среди интеллигенции, царит недовольство против монархизации Германской республики. Поэтому в противовес демократической образовалась республиканская партия. Она явилась утешительным доказательством того, что в Германской республике имеется 47.000 республиканцев. Есть и еще новые партии. Так, например, образовалась партия наемного труда. Ее физиономия еще не вполне выяснилась, как и самое название ее довольно туманно. Она выросла из слоев служащих, преследует, главным образом, профессиональные цели и является до некоторой степени протестом против политики амстердамцев. Далее, имеются политические шарлатаны, собирающие вокруг себя партии. Более или менее серьезно еще можно отнестись к «союзу безденежного хозяйства и свободной страны», который стремится осуществить валютные идеи Сильвио Гезелля, являющиеся попыткой почистить шкуру капиталистам, вместо того, чтобы убить зверя и шкуру с него содрать, но венцом всего является так-называемый союз рейхсвера. Он объединяет приверженцев «пророка» Хейсера, претендующего на диктаторство, о котором нельзя наверное сказать, является ли он авантюристом или сумасшедшим, или тем и другим вместе. Чего он собственно хочет, он еще ни разу не сказал на понятном человеческом языке. Но тот факт, что за него голосовало 24.000 избирателей, доказывает, до чего глубоко расшатана психика немецкого народа. Открыто распространяются самые нелепые суеверия, настоящий политический дадаизм. Результаты выборов показывают, что вся эта партийная мелкота потерпела поражение. Перейдем теперь к анализу цифровых данных.

Буржуазные партии.

Начнем с рассмотрения буржуазных партий. С небывалой ясностью выявляется сдвиг вправо. Германская народная партия потеряла треть, демократы—больше четверти своих голосов. Баварская народная партия также потеряла 230.000 голосов. Зато германские националисты выиграли 1,5 миллиона голосов, и вновь возникли две сильные правые партии—«сельский союз» (Тюрингия, Баден) с полумиллионом и «народники» (фашисты) с 2 миллионами голосов. Всюду утверждали, что фашисты потерпели поражение; даже в нашей партии высказываются такие мнения. «Роте Фане», например, в статье от 6-го мая пишет:

«Результаты выборов показывают, что партия частично направила свои силы в ложном направлении. Мы боролись против призрака фашизма, как такового, и просмотрели, что «народническое» движение со своим гитлеризмом, своими революциями в пивных, своими людендорфскими уловками, нелепым антисемитизмом, националистическим боевым криком против Франции, никем уже не принимаемым всерьез, своей развращенностью, шаткой парламентской тактикой—уже сильно скомпрометировало себя. Кто-то сказал: Тирпиц победил Людендорфа. Это только внешнее впечатление. Крупно-капиталистические аграрные бароны тяжелой промышленности и умеренные мелкобуржуазные националисты, идущие за ними,—вот кто победил Гитлера, победил в корне испорченное мещанство. Германские националисты, а не народники, повлекли за собой и потащили на выборы мещан, далеких от политики женщин, мелкобуржуазно настроенных рабочих. Это весьма важный симптом политического положения и серьезный урок для партии, требующий перегруппировки сил: фронт должен быть повернут против германского националистического крупного капитала, а не против мелкой буржуазии».

Этот взгляд мы считаем опасным. У нас нет оснований так легко относиться к народническому вопросу, т.-е. к фашизму. Несколькими легкомысленно брошенными замечаниями нельзя покончить с движением, сразу захватившим 2-миллионную массу. Конечно, перед демагогами-фашистами встанут адские трудности, как только потребуются практические решения. За последнее время они без успеха пытались обойти рабочих обещаниями, несмотря на то, что они состоят на содержании у крупного капитала, против которого они метали гром и молнии. Пользующиеся наибольшим влиянием лидеры их, будучи крайними реакционерами, так тесно связаны с капитализмом, что, конечно, не смогут сдержать ни одного из данных обещаний. Они сами будут попирать ногами интересы мелкой буржуазии. Опыт должен показать, не слиняет ли их национализм от необходимости парламентаризма. Есть серьезные основания ожидать раскола в фашистском движении. Но он может принести нам пользу лишь в том случае, если мы ни на минуту не ослабим своего внимания по отношению к фашизму и усилим направленную против него деятельность.

То, что в приведенной цитате сказано о германской национальной партии, можно считать правильным. Но при этом заявим, что эта партия, или хотя бы одно крыло ее, ничем не отличается от фашистского движения, и что именно поэтому ей удалось завоевать симпатию «испорченного мещанства», далеких от политики женщин и мелкобуржуазно настроенных рабочих.

Практически борьба против германской национальной партии выразится, главным образом, в усилении сельской пропаганды. Дело в том, что партия пользуется наибольшим влиянием в зе-

мледельческих провинциях, например, в Померании (здесь 50% всех голосов отдано за националистов), во Франкфурте-на-Одере (40%), в восточной Пруссии (40%), в Потсдаме (Бранденбургская провинция 32%), в Лигнице (Силезия 30%), Блеславле (29%), Мекленбурге (20%). Этой партии удалось также в большей степени, чем прежде, привлечь на свою сторону мелкую городскую буржуазию; за исключением католических областей, она почти везде стоит первой в ряду буржуазных партий.

Фашисты, напротив, в некоторых индустриальных областях пользовались большим успехом, чем в земледельческих. Это видно из следующих цифр: Тюрингия дала фашистам 242.000 голосов, Франкония (Бавария) — 164.000, Ганновер — Брауншвейг — 83.000, Цвикау — Хемниц — 7.100, Лейпциг—55.000, Мерзербург—Галле—62.000. Все эти цифры заставляют призадуматься.

Из всех правительственных партий один только клерикальный центр сохранил свою прежнюю численность. В течение многих поколений он держит под своим влиянием значительные массы рабочих; несмотря на гнусную политику этой партии, ее пролетарская часть почти не пошатнулась. Мы говорим почти, так как ниже мы покажем, что и твердыня центра может быть поколеблена. В крупных городах влияние центра падает, но он имеет еще большие резервы в мелких городах и деревне.

Социал-демократия.

Самое жестокое поражение пришлось на долю объединенной социал-демократической партии Германии. Выборы явились для нее расплатой за ее преступления. Положение создалось такое, как-будто никогда и не существовала независимая с.-д. партия, имевшая 5 миллионов последователей. За четыре года она потеряла эти 5 миллионов голосов без остатка.

И все же эта социал-демократия имеет еще 6 миллионов сторонников. Все еще на $2^1/_4$ миллиона больше, чем ГКП. Несмотря на то, что эта партия дала такие страшные уроки германскому пролетариату, несмотря на войну, на Носке, на Эберта и на Секта,— шесть миллионов сторонников, одобряющих ежедневные предательства, совершаемые партией, и полных доверия к ней, несмотря на всю свою нужду и нищету.

Цифры эти объясняют тяжелый путь страданий, пройденный пролетарской революцией в Германии. Эти 6 миллионов, которых до сих пор ни собственный опыт, ни пролитая кровь, ни нужда ничему не научили, являются тяжелым баластом для революционных сил в момент борьбы. Но как же объяснить существование этих шести миллионов голосов? Никогда нельзя забывать, что с.-д. партия накопила 50-летние традиции. 50 лет под-ряд эта партия была признанной, ни в ком не вызывавшей сомнения представительницей рабочего класса. Нынешняя с.-д.

партия не только получила в наследство весь аппарат и весь штаб, состоящий из старых работников, она не только опирается на сильную государственную бюрократию, находящуюся в ее распоряжении, она все еще живет наследием прошлого. Половина этого наследия уже растрачена, но, даже опираясь на его остатки, объединенная с.-д. партия все еще является влиятельным фактором. Чтобы правильно понять это, нужно вспомнить, что в 1920 г. ГКП после стольких героических боев, после капповского путча, ясно выявившего опасность реакции, под свежим впечатлением новой гнусной измены в Берлине, в Руре, в Средней Германии, что, несмотря на все это, ГКП имела только 440.000 последователей.

Правда, социал-демократия уже не та, что прежде. Ниже мы приводим цифры, из которых явствует, что она вытесняется из областей, в которых сконцентрирована крупная индустрия. Так, она всюду вытесняется с крупных предприятий; крепкие корни у нее теперь только еще в средних и мелких предприятиях, в мелких городах или деревнях. Значительная часть ее сторонников принадлежит к слоям, сравнительно поздно примкнувшим к рабочему движению—к служащим, чиновникам и т. п. Она опирается особенно на женщин-работниц. При каждых выборах производились опыты по учету голосования обоих полов порознь (разные урны, разные цвета бюллетеней). И всегда женщины оказывались более реакционными, чем мужчины. Меньше всего ГКП получила пользы от женских голосов. Таким образом, за объединенной с.-д. партией идут элементы, менее всего имеющие значение в революционной борьбе. Если сравнить между собой ГКП и объединенную с.-д. партию, то уже сейчас ГКП окажется более могучей силой, но роль объединенной с.-д. партии состоит именно в том, что она защищает капиталистический «порядок», привлекающий 6-миллионную массу. Этим она расстраивает лагерь пролетарской революции, ослабляет и парализует пролетарских борцов. Поэтому ни в коем случае нельзя считать достаточной борьбу против вождей объединенной с.-д. партии посредством только пропаганды. Должны быть использованы все возможности для образования вместе с с.-д. рабочими единого боевого фронта во всех тех случаях, когда влияние вождей не в силах разрушить этот общий фронт. Эти рабочие должны притти к убеждению, что не мы виноваты, если единый фронт срывается. Таким методом мы скорее завоюем массы.

Выборы в рейхстаг обнаружили один отрадный факт. Не существует более буферной партии между социал-демократами и коммунистами. Прежняя независимая с.-д. партия растаяла: от нее остались лишь две секты: независимая с.-д. партия (направление Теодора Либкнехта) и социалистический союз (направле-

ние Ледебурга). Всякое практическое значение, как в политике, так и в сознании рабочего класса, они потеряли.

Общий итог выборов дает для рабочих партий потерю в 1.800.000 голосов, буржуазные же партии выиграли 2.800.000 голосов. Доля рабочих партий с 41,7% всех поданных голосов уменьшилась до 34%. Таковы губительные последствия политики социал-демократов. Конечно, те миллионы, которые перешли к буржуазии, никогда не были серьезными борцами, но они были полны доверия, которым низко злоупотребляли: это резко отбросило их в противоположный лагерь, главным образом, к крайним правым. В 1912 году социал-демократия насчитывала 4½ милл. голосов. Если учесть, что новые цифры наполовину состоят из женских голосов, и что избирательный возраст понижен с 25 до 21 года, то станет ясным, что за последние 12 лет—за *эти* 12 лет—влияние партии в сущности не возросло. Единственным достижением является качественное изменение коммунистической партии.

Г. К. П.

Результат выборов дает возможность проследить, где и насколько глубоко ГКП проникла в массы. Действительно, ясная картина, которая показала бы нам слабые места наших достижений, могла бы получиться лишь при детальном изложении результатов. Пока-что мы должны придерживаться данных по отдельным избирательным округам.

Среди этих избирательных округов имеются следующие *сельские области с крупным землевладением*: восточная Пруссия, Франкфурт-на-Одере, Померания, Лигниц и Мекленбург. Во всех этих округах ГКП далеко отстает от других партий. Ее доля в общем числе голосов колеблется между 6 и 8%. Эти области представляют большие трудности для пропаганды. Между тем, опыт показал, что сельскохозяйственных рабочих этих провинций можно завоевать без особого труда, если только подвергнуть их методическому воздействию. Тот факт, что именно здесь социал-демократия получила такой значительный перевес, несмотря на дурную славу политики германского союза сельскохозяйственных рабочих, а также тот факт, что громадная масса этих рабочих голосовала за германских националистов,—все это должно побудить нас к гораздо более интенсивной работе в этих областях, чем до сих пор. Это одна из необходимых задач для подготовки гражданской войны. Успех рабочих крупных городов в решающих боях в значительной степени будет зависеть от активности сельскохозяйственных рабочих, так как именно эти области дают лучшие контр-революционные войска, которые необходимо парализовать тут же на месте, чтобы обеспечить первые решающие успехи в промышленных округах. Известно также, что, в случае серьезной борьбы с контр-революцией, городам грозит блокада и голод. Эта блокада может быть сломлена только благодаря выступлению сельскохозяйственных рабочих в союзе с железнодорожниками. Итак, в этой области предстоит серьезная работа.

К сельским областям с преобладанием средней и мелкой промышленности относятся Потсдам I и II (сюда же относятся и Потсдам, Штандау и западные районы Берлина, а на окраинах Берлина также и пролетарские и крупно-индустриальные пригороды), Бреславль (с округой, крупными поместьями и угольным районом Вальденбургом в Силезии, Везер-Эмс с Бременом), восточный Ганновер, Кобленц-Трир, Шлезвиг-Гольштиния (также с крупными поместьями и городами Альтоной, Килем, Любеком), Баден, Гессен, Пфальц и Бавария. *Во всех этих областях социал-демократия имеет еще перевес над нами.* Правда, сюда относятся районы, в которых до сих пор всецело господствовала социал-демократия, и куда нам очень трудно было проникнуть, а именно—Бреславль, Ганновер, Гессен. Мы и здесь неуклонно продвигаемся. Стратегическое значение этих районов несколько меньше.

Средняя индустрия преобладает в Магдебурге, Галле, Мерзебурге (химическая, буро-угольная, электрическая промышленность), южном Ганновере, Тюрингии, Саксонии. Со времени раскола независимой с.-д. партии из этих избирательных округов под нашим влиянием находился только район Галле-Мерзебург. Так же, как и германская с.-д. партия, мы здесь потеряли часть голосов в пользу буржуазных партий, развернувших именно здесь сильную фашистскую пропаганду. В Тюрингии фашисты также добились крупных успехов. Это, главным образом, те области, в которых живы еще давнишние социалистические традиции. Здесь находятся лучшие организации германской с.-д. партии.

Берлин и Гамбург являются избирательными округами исключительно крупно-городского характера. В Берлине мы теперь и в смысле численности *почти сравнялись с объединенной с.-д. партией. В крупных предприятиях мы уже давно имеем перевес.* Гамбург всегда считался самым крепким оплотом социал-демократии. Казалось, что эта позиция обеспечена давностью традиции, наличием партийной, профсоюзной и кооперативной бюрократии и целым поколением, крепко придерживающимся старины. Мы сделали здесь громадный шаг вперед. Этот успех можно причислить к самым блестящим из всех достигнутых за время этих выборов, т. к. он завоеван путем величайшего напряжения сил и имеет большое значение для революционного движения.

Области тяжелой индустрии: западный и восточный Дюссельдорф, северная и южная Вестфалия, Аахен-Кельн (частью тяжелая индустрия, текстильная индустрия и т. п.) и Оппельн

(Верхняя Силезия). Здесь мы, благодаря крупным выступлениям рабочих, сделали величайшие успехи и оставили далеко позади себя Германскую с.-д. партию также и в численном отношении. Это особенно ясно вырисовывается при внимательном рассмотрении важнейших центров индустрии.

Мы стали руководящей партией в таких городах, как Бохум, Гильзенкирхен, Гаген, Бюр, Герне, Дюссельдорф, Ремшейд, Эссен, Мюльгейм. Но здесь сильное влияние имеет также партия центра, понесшая значительные потери в таких местах, как Эссен, Мюльгейм и Кельн, но все же в общем удержавшая свою позицию. Мы напоминаем то, что уже было сказано об этом выше. Особенное значение имеет тот факт, что нам удалось получить перевес над объединенной с.-д. партией в Кельне: Кельн всегда был крепким оплотом этой партии: теперь эта крепость взята.

Анализ избирательных округов, таким образом, обнаруживает, что партия развивалась «нормально». Главные центры пролетариата находятся в наших руках или близки к тому, чтобы быть завоеванными нами. Впредь нужно будет обратить больше внимания на организацию питательных пунктов.

Чем объясняется наша неудача в Саксонии и Тюрингии по сравнению с выборами в местные ландтаги, имевшими место в январе—феврале? Дело обстоит так: в январе и феврале еще звучали отголоски великого октябрьского движения. Тем временем наступил целый ряд событий, неблагоприятных для нас. Прежде всего, партия за последние месяцы была очень пассивна. Она почти совсем отказалась от того давления, которое она прежде производила на Германскую с.-д. партию. Опыт показывает, что мы бывали в состоянии сплотить партию, когда с.-д. партия выступала против нас. Когда же мы производили планомерное наступление на нее, в ней всегда возникало брожение, и обнаруживалась ее слабость. Ослабление давления с нашей стороны позволяло социал-демократии сплотиться и вернуть уже потерянное.

Перспективы.

ГКП вступает теперь в рейхстаг в числе 62 депутатов; она, следовательно, настолько сильна, что ее голос уже не может быть задушен мелкими интриганами порядка дня. Она использует этот прирост, чтобы в своей непримиримой вражде к буржуазии с удвоенной силой бороться против обмана парламентаризма. Кроме того, она будет иметь возможность более решительно и успешно воздействовать на массовое движение с парламентской трибуны постольку, поскольку это будет зависеть от ее фактического положения в рейхстаге.

Но она наверняка недолго будет иметь эту возможность, именно благодаря ее силе. Германская буржуазия не может отказаться от парламентского одеяния, но в то же время она уже не может управлять парламентарно. Поэтому этот рейхстаг сыграет еще более жалкую роль, чем предыдущий. Он будет служить, когда это потребует его повелитель—крупный капитал; он спрячется в угол, когда его прогонят пинками.

Правда, он будет иметь ту заслугу, что отрезвит широкие массы, отдавшие сейчас свой голос правым. Едва ли возможно, чтобы германских националистов миновал тяжелый путь в Каноссу. Крупный капитал требует подчинения своим сделкам с иностранным капиталом, т.-е. превращения Германии в колонию.

Но это значит, что германский рабочий класс должен потерпеть еще больший голод и еще более рабский труд. Несмотря на все поражения германского пролетариата, он неизбежно поднимется к решающей борьбе против своих классовых врагов. В этих боях вождем будет ГКП. Прошедшие выборы дадут ей возможность опереться на более крепкое сознание своих сил и на большее доверие рабочих масс.

Альбер Трэн.

Выборы во французский парламент и революционные перспективы.

Наличные политические формации.

На выборах 11-го мая 1924 года выступали, с одной стороны, блок рабоче-крестьянский, с другой стороны, буржуазные блоки— национальный и левый.

Блок национальный не всюду выступал одинаково. В одном месте он выявлял свое подлинное лицо, в другом облачался в более или менее прозрачную маску. Во многих департаментах он отмел в сторону наиболее компрометирующие правые элементы, из тактических соображений затушевал несколько свою непримиримую платформу и выступал в строго пуанкаристском духе.

Пуанкаре со свойственной ему настойчивостью в достижении целей и гибкостью тактических маневров является душой национального блока, представляя интересы тяжелой промышленности и связанного с нею финансового капитала и, равным образом, интересы крупного земельного капитала.

Под финансовым давлением соперничающей Англии и держащих в своих руках судьбу франка С. Штатов правительство Пуанкаре вынуждено было отказаться—по крайней мере, внешне— от политики аннексий и политического дробления Германии.

Но делая это, национальный блок жертвовал лишь второстепенным, в интересах более существенного.

Прибирая к рукам рурский уголь и предпринимая энергичное наступление на рабочий класс, национальный блок стремится понизить себестоимость производства при помощи дешового угля и дешовых рабочих рук.

Национальный блок мечтает подчинить всю Европу гегемонии своей тяжелой промышленности, сохранить за собой и завершить свое господство путем колониальной экспансии и военных побед.

Построенный на основе современной промышленности империализм национального блока хранит вместе с тем традиции Людовика XIV и Наполеона I.

Блок левых, в рядах которого объединились радикальные лидеры буржуазии и реформистские лидеры пролетариата, в избирательном отношении организован единообразно по всей Франции; он имеет в основе чисто-негативную тенденцию; лозунг его— «разбить национальный блок».

По существу блок левых является выразителем интересов обрабатывающей промышленности и связанного с нею финансового капитала, а также интересов капитала банковского, независимого или наполовину зависимого от промышленности.

Обрабатывающая промышленность не так непосредственно, как промышленность тяжелая, заинтересована в войне и в ее подготовке. При помощи биржевых спекуляций и участия в заграничных предприятиях банковский капитал приобретает до известной степени интернациональный характер.

Вот почему блок левых проявляет меньше национальной узости, чем пуанкаризм и даже проповедует расплывчатый пацифизм в духе Лиги Наций, прикрывая в действительности тонкую и весьма коварную дипломатическую игру империалистов.

Разумеется, ни блок национальный, ни блок левых ни выдвигают на первый план действительные интересы капитала, выразителями коих они являются. Они, наоборот, окутывают их лживой идеологической дымкой с целью сбить с толку трудовые массы и увлечь их на сторону одной из буржуазных фракций.

Германию заставят платить силою; этого требует престиж, слава, величие Франции,—говорит национальный блок.

Германия заплатит добром,—да здравствует гражданский мир внутри страны и примирение народов, да здравствует Лига Наций,—говорит блок левых.

А за этой ложью кроется алчная и упорная погоня за максимальными дивидендами тех, кто спекулирует на патриотических и интернациональных идеалах трудовых масс.

Очутившись перед лицом буржуазных блоков, коммунистическая партия стала строить блок рабоче-крестьянский, мыслимый ею не только как избирательная формация, но и как организация, создаваемая для борьбы на всех фронтах, включая сюда агитацию, демонстрацию, стачку и восстание.

Служа выразителем интересов трудовых масс, руководимых пролетариатом и его коммунистической партией, рабоче-крестьянский блок держит курс на образование рабоче-крестьянского правительства, призванного организовать борьбу пролетариата за власть с целью последующего установления диктатуры пролетариата.

Брешь в едином фронте буржуазии.

В 1919 году по окончании войны французская буржуазия с ужасом лицезрела революционный натиск масс. Недовольство солдат, ожидавших демобилизации, недовольство демобилизованных, которым трудно было найти работу, дороговизна жизни и

безработица—все это порождало сильное брожение в рядах пролетариата. Стачки вспыхивали стихийно. Первое мая все провели со скрещенными руками.

Буржуазия почуяла опасность. Союз экономических интересов вложил миллионы в избирательную кампанию. Пред лицом рабочей угрозы в рядах национального блока объединилась вся буржуазия, от радикалов и почти до роялистов.

Так увидела свет только-что скончавшаяся палата, возглавляемая национальным блоком.

За последние 4 года буржуазия постепенно наверстала ею потерянное. Она ловко обманула пролетариат и использовала вождей социал-демократов, чтобы его расколоть и усыпить некоторую его часть. Чтобы сохранить за собой все уменьшавшееся влияние и возможность дальше предавать рабочий класс, реформистские вожди, не задумываясь, стали осуществлять раскол в большинстве организаций.

Вместо того, чтобы бороться против буржуазии, рабочие вожди, реформисты и синдикалисты, повели борьбу против коммунистов.

Имея дело с пролетариатом раздробленным, ослабленным и усыпленным, буржуазия перестала стесняться. Она повела на рабочий класс энергичное наступление, экономическое и политическое. Понижение заработной платы, отмена 8-часового рабочего дня, если не юридическая, то фактическая, предпринимательский нажим, прижим и увольнение чиновников, расстрелы бастующих рабочих, все было пущено в ход с целью сломить сопротивление рабочего класса. В то же самое время, путем ряда искусственных мер, как-то: займов и выпуска казначейских обязательств, национальному блоку удалось восстановить, правда, внешне и преходяще, экономическое и финансовое равновесие настолько, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать и поймать на удочку иллюзий значительную часть пролетарской массы.

Избежав революционной опасности, различные фракции буржуазии, представленные национальным блоком и блоком левых, стали бороться между собой на почве второстепенных разногласий.

Во Франции почти не существует т.-н. вертикальных трестов, концернов, обнимающих собой все производство, от добычи сырья и его переработки до транспортирования готовых продуктов к внутренним и внешним рынкам сбыта. В настоящее время финансовый и промышленный капитал, как общее правило, стремятся построить подобные концерны для каждой крупной отрасли производства.

Весь вопрос в том, предстоит ли этим трестам находиться под гегемонией крупной промышленности и крупной металлургии или же промышленности обрабатывающей. Это противоречие

интересов, наблюдаемое внутри буржуазии, как класса, и является подоплекой борьбы блока национального с блоком левых.

Если правильно, что объективно положение во Франции не только остается, но и делается все более и более революционным, то не менее правильно и то, что революционная воля рабочей массы ныне тусклее, чем в 1919 и 1920 годах, и едва начинает разгораться.

Брешь в едином фронте буржуазии свидетельствует о том, что она в данный момент чувствует себя достаточно сильной, чтобы позволить группировкам капиталистических интересов, вести между собой открыто политическую борьбу.

Таков закон конкуренции при буржуазном строе.

В обстановке, созданной выборами, использовать эти противоречия в интересах пролетариата может иной раз и наша партия, и она ни в коем случае не должна пренебрегать подобным случаем ни в парламенте, ни в ином месте; но при этом надлежит сохранять в полном объеме свою независимость, отдавая себе ясный отчет в том, что, когда дело дойдет до серьезной классовой борьбы, во враждебном лагере объединятся все силы капитала. **Два буржуазных блока еще не знаменуют две в корне различных политики.**

Блок левых лишь недавно стал явно отмежевываться от блока национального. Вожди-радикалы в 1919 году прошли в парламент по списку, возглавляемому Мильераном и Пуанкаре и избранием своим были обязаны миллионам, вложенным в избирательную кампанию союзом экономических интересов, объединившим в своих рядах крупных капиталистов, нажившихся на войне.

Нынешние лидеры радикальной буржуазии санкционировали репрессии, обрушившиеся в 1920 году на бастовавших железнодорожников, свыше 20.000 коих было выброшено на улицу железнодорожными компаниями; они прикрывали расстрелы стачечников в Гавре. Бриан произвел оккупацию нескольких германских городов; Эррио заявлял относительно Рура, что это—дело чести Франции, и что французские войска не могут быть отозваны без гарантии уплаты причитающихся с Германии репараций.

Даже депутаты-социалисты ограничивались так-называемой «лойяльной оппозицией» правительству Пуанкаре. По существу они никогда не боролись всерьез и всеми средствами против той политики, которую они отрицали на словах. Вот почему социалистическая партия всегда отвергала предложения коммунистов относительно единого фронта, в частности, и в тот момент, когда Коммунистический Интернационал и Профинтерн, после вторжения французов в Рур, предложили реформистским Интернационалам подготовить и организовать сообща всеевропейскую стачку для отведения выдвинутой оккупацией Рура угрозы империалистской войны.

Франция, в руках которой сосредоточено 60% имеющейся в Европе железной руды, может укрепить свое положение крупной капиталистической державы, лишь обеспечив себя рурским углем.

Чтобы обеспечить расширение рынков сбыта для продуктов французской промышленности, чтобы гарантировать безопасность вложенных за границей французских капиталов, блок левых нуждается во Франции империалистической, сильной, внушающей страх и уважение. Это заставляет его стремиться, подобно национальному блоку, к гегемонии французского капитала, при межсоюзной эксплоатации Германии вообще и Рура в частности.

Блок левых так же нуждается в колониальной экспансии и военных вооружениях, как и блок национальный. Ведь, нужно запасаться нефтью для флота и для грядущей войны. **Французский капитализм, независимо от того, какая фракция окажется во главе, примет участие в мировой борьбе империализмов за нефть.** И, наконец, все равно, будет ли у власти Пуанкаре или радикальная буржуазия, французское капиталистическое правительство ни в коем случае не будет спокойно взирать на развитие германской революции.

Политика подготовки «проволочных заграждений», «карантинного окружения» пролетарской Германии характерна для буржуазных блоков, как бы они ни именовались. При помощи военных миссий, субсидий, займов и капиталистической интервенции они стараются создать в лице Польши, Румынии, Чехо-Словакии и Бельгии (не считая фашистской Италии) контр-революционные базы для борьбы с красной Германией.

Вне всякого сомнения, путем торговых сношений блок левых будет пытаться разложить, подкопать изнутри советский строй, будучи в то же время готовым в любой момент прибегнуть к вооруженной интервенции против русской революции при помощи вассальных государств, получающих за это особую плату: Польши и Румынии.

За небольшими изменениями политика блока левых по существу та же, что и национального блока, это есть политика милитаристская, антипролетарская, контр-революционная.

Результаты выборов.

В парламент избрано: 11 консерваторов, 137 республиканцев, 92 депутата республиканской левой (Пуанкаре) и 34 независимых радикала, итого 274 депутата, склонных проводить политику, родственную политике Пуанкаре. Блок левых получил 272 места, при чем распределяются они так: 127 радикалов-социалистов, 39 республиканцев-социалистов, 102 социалиста и 4 фроссардиста. Коммунистическая партия получила 26 мест.

Надо сказать, что хотя за коммунистов и голосовала лишь одна десятая избирателей (900.000), выборы 11-го мая совершенно ясно показали, что общественное мнение в целом явно «ориентируется» влево.

Трудящиеся массы отмели в сторону политику империалистских внешних авантюр и внутренних репрессий, политику правительства Пуанкаре. Но на-ряду с этим массы трудящихся в своем большинстве обнаружили наличие в них реформистских иллюзий и веры в то, что блок левых, социалисты и Лига Наций, при помощи парламентских комбинаций, в рамках конституции и существующего строя могут улучшить их положение.

Противоречие между старой палатой и общественным мнением ныне исчезло, и рабочие получают теперь возможность проверить на практике, что такое блок левых, и избавиться от иллюзий, этим блоком посеянных.

В то же время политическая линия палаты, раньше пролегавшая правее политической линии сената, ныне передвинулась влево.

Правительство Пуанкаре, разбитое на выборах, парламентским путем у власти остаться не может. Оно располагало бы максимум 274 голосами, имея против себя 272 голоса, принадлежащих блоку левых и 26 принадлежащих коммунистам, итого 298.

С другой стороны, коммунисты, если и могут от случая к случаю голосовать за тот или иной законопроект, вырванный их давлением у блока левых и благоприятный пролетариату, то ни в коем случае не могут голосовать за правительственную декларацию министерства, формируемого блоком левых, и служащего орудием в руках буржуазии, и не могут войти составной частью в устойчивое большинство, большинство правительственное.

Весьма вероятно, что социалисты войдут в правительство или тотчас же или несколько недель спустя. Это участие в правительстве не преминет вызвать в рядах социалистической партии кризис. По мере того, как в процессе новых комбинаций правительственное большинство будет постепенно расти вправо, кризис будет обостряться и все большее и большее количество рабочих-социалистов станет поглядывать в сторону коммунистов.

Этот кризис неизбежно найдет свое отражение и в рядах парламентской социалистической фракции, которая разойдется в голосовании. Кризис социалистической партии приведет к развалу блока левых, и не трудно предугадать, что в результате целого ряда министерских кризисов образуется правительство «блока центра», захватывающее довольно далеко вправо.

Таким образом, если завтра предстоит, пожалуй, играть главную роль Эррио, то послезавтра ее будет играть Бриан.

Таким образом, надо ждать попыток нащупывания такой политики, которая бы примиряла интересы различных групп буржуазии, растворяла бы в себе существующие между ними второстепенные разногласия и была бы синтезом непримиримого узкого национализма Пуанкаре, с одной стороны, и более широкого понимания международных потребностей и характерной для блока левых, более ловкой маскировки империализма.

Нечего и говорить, что, в случае удачи эта попытка объединения сил буржуазии ставила бы под сугубую угрозу пролетариат, который уже и сейчас должен под руководством коммунистической партии готовиться к предстоящей на протяжении ближайшего ряда лет суровой борьбе и парированию яростных атак.

Развитие внутреннего положения.

Острый мировой кризис, встряхнувший весь капиталистический мир в 1919—20 году, отразился на Франции с запозданием на несколько месяцев, притом в смягченной форме.

Страна - победительница, располагающая кредитом, создаваемым иллюзией победы и имеющая прочный земледельческий базис, Франция восстановила до некоторой степени в капиталистическом мире равновесие, правда, временное, но все же помешавшее быстрому развертыванию великой пролетарской борьбы.

Искусственный характер относительного подъема французского народного хозяйства столь очевиден, что его признают и о нем говорят сами капиталисты. Далекие от того, чтобы возгордиться своим привилегированным положением, французские капиталисты, подобно предоставленному воле волн кормчему, с тревогой и страхом озираются на волнующий вокруг них океан капитализма, потрясаемый страшными кризисами. В ежедневных газетах крупных промышленников и крупных банкиров, как, например, в «Информасион Финансьер», чувствуется, на-ряду с тревогой, и отсутствие веры в прочность капиталистической основы, на которой они орудуют.

Оккупация Рура, парализовавшая часть французского производства, обусловившая падение франка и сделавшая необходимым увеличение налогов на 7 миллиардов в год, вызвала во Франции одновременно с колоссальной дороговизной и панику в финансовых кругах, достигшую своего кульминационного пункта в марте.

Правительство Пуанкаре вынуждено было на это реагировать тем сильнее, что на носу были выборы. Но с дороговизной уже нельзя было справиться, и восстановить в виду выборов стоимость франка можно было лишь путем искусственных мер, дающих временные результаты.

Необходимо было как можно скорее прибегнуть к займу в размере сотен миллионов долларов и десятков тысяч фунтов, прибегнув к помощи английских и американских банков.

Когда нужно будет по этим займам платить, и когда наступит срок погашения выпущенных в обращение в 1922 и 1923 году на 15 миллиардов казначейских обязательств, придется вновь искать денег и прибегнуть к инфляции, неизбежно приводящей к вздорожанию жизни.

А затем, за исключением немногих стран (Бельгия, Италия), жизнь в Европе почти всюду значительно дороже, чем во Франции. Даже в Германии в настоящий момент самый плохенький обед обходится в 25—30 франков, т.-е. в 4—5 дороже, чем в Париже. Но несомненно, что низкие цены французского рынка станут расти и постепенно достигнут уровня цен мирового рынка, что опять-таки вызовет новый рост дороговизны.

Ввергнутые в нищету рабочие массы поведут борьбу, а буржуазное правительство, каково бы оно ни было,—блока левых или иное,—не преминет прибегнуть к политике, носящей все более и более антипролетарский характер.

Быстрая пауперизация рабочей массы, быстрая пролетаризация мелкой буржуазии, разочарование пролетарской массы, увядание социалистических иллюзий, период правительственной неустойчивости и вытекающая отсюда слабость государства,—все эти факторы столь же благоприятны для роста коммунизма, как и для роста фашизма.

Непосредственная борьба коммунизма против крупного капитализма осложнится борьбой за мелкую буржуазию, которую мы будем стараться увлечь в лагерь революции, а крупная промышленность и крупные банки будут стараться завоевать на сторону национализма и фашизма, в лагерь контр-революции.

Почти полная невозможность правильного функционирования парламентского строя и образования какими бы то ни было путями прочного правительственного большинства внутри палаты, только-что избранной, позволяет считать весьма вероятными распад палаты в течение ближайшего законодательного периода и попытки новых выборов со стороны правительства—соучастника буржуазии—в обстановке фашистского террора.

Итак, начиная с этого момента, наша партия должна готовиться и готовить массы к борьбе как политической, так и вооруженной против грядущего фашизма.

Не забывая, что главная наша работа должна протекать в среде пролетариата, мы должны в то же время повести агитацию и в среде городской и сельской мелкой буржуазии, вербуя ее в лагерь коммунизма или, по меньшей мере, препятствуя использованию ее в качестве орудия для фашистских насилий.

Развитие внешнего положения.

Чтобы утвердить и расширить свое влияние в мире, Франция, как капиталистическая держава, должна добыть себе уголь, необходимый для ее металлургии. Французский капитализм независимо от того, какая буржуазная фракция будет осуществлять политическое руководство, может утвердить свою промышленную гегемонию в Европе, как основу своей гегемонии политической и военной, лишь наложив руку на Рур.

Обладание Руром, ежегодно дающим свыше 100 миллионов тонн угля, обеспечивает капитализму, который будет держать его в своих руках, промышленную и политическую гегемонию в мирное время и хорошие шансы в случае войны.

Империализм французский и империализм английский соперничают из-за Рура, пожалуй, еще больше, чем из-за сферы колониального господства. Британский капитализм допустил оккупацию Рура только потому, что осложнения в Индии, Египте и Ирландии не позволяли ему вплотную вмешаться в дела Европы. Остановка рурского производства в результате борьбы между французским империализмом и оказавшим пассивное сопротивление германским капитализмом, устранив временно с поля сражения германского конкурента, дала возможность Англии ослабить кризис безработицы и завоевать новые рынки.

Не следует забывать, что необузданный во время войны рост промышленного аппарата, обслуживающего мировое производство, превысил возможность потребления, производимого в мирное время трудовыми массами всего мира. Ища сбыта избыточным продуктам своего производства, империалисты оспаривают друг у друга старые и новые рынки, и это быстрым темпом ведет нас к новой империалистской войне. Если имеющихся рынков сбыта недостаточно для поглощения всех производимых товаров, если необходимо сократить часть производственного аппарата, каждый империализм старается, чтобы это сокращение было произведено его соперником.

В тот день, когда Франция, одолев германское сопротивление, сможет, наконец, утвердить свою гегемонию в Руре и захочет воспользоваться плодами своей политики грабежа, выступит Англия со своим вето.

Обладание Руром играет столь решающую роль в деле конкуренции и междоусобной империалистской войны, что захват Рура и восстановление Францией его производства равносильны были бы немедленной подготовке к войне между Францией и Великобританией.

Но народные массы Франции и Англии еще необработаны достаточно для новой войны. Таким образом, положение диктует компромисс.

Блок левых в Париже и рабочее правительство в Лондоне откликаются на объективно создавшуюся необходимость компромисса в рурском вопросе между двумя соперничающими империализмами и создают капиталистическое объединение с целью эксплоатировать Рур.

На основе этого объединения и предстоит развернуться соперничеству Франции и Англии, могущему привести к новой империалистской войне.

Рурский компромисс будет протекать, таким образом, под прикрытием и за ответственностью партий II Интернационала, что даст возможность соперничающим империализмам вернуть себе в нужный момент полную свободу действия друг против друга. Итак, с международной точки зрения пребывание у власти блока левых соответствует на некоторый период, не могущий быть длительным, потребностям европейского капитализма.

На протяжении этого года нам суждено присутствовать при воскрешении демократических иллюзий в среде европейской рабочей массы. По всей вероятности нам предстоит пережить краткий период пребывания у власти партий II Интернационала в главных государствах Европы. Противоположность методов II и III Интернационала резко перебросится в государственную область. II Интернационал ясно покажет рабочим, что он интернационален лишь постольку, поскольку он помогает капиталу грабить мировой пролетариат, последовательно побеждаемый в каждой из его национальных секций, начиная с пролетариата германского.

Массы увидят, что в конце-концов, II Интернационал представляет собою лишь сборище партий, находящихся в вассальной зависимости от своей национальной буржуазии, вплоть до «священного единения» и участия в новой империалистской войне. Вынужденный отражать в своей среде противоречия, раздирающие его на отдельные национальные части, иными словами, противоречия капиталистические, II Интернационал быстро пойдет по пути разложения и скоро выявит себя перед лицом всего света в своем подлинном виде,—как орудие грабежа и удушения пролетариата, управляемое капитализмом.

Французская коммунистическая партия на выборах.

Выборы 11 мая служат одновременно выражением наличной в рабочей массе воли отмести в сторону империалистскую и антипролетарскую политику Пуанкаре и, с другой стороны, наличия в ней реформистских иллюзий.

Французская коммунистическая партия должна стимулировать во французской рабочей массе волю к борьбе и при свете опыта неустанно бороться против всех реформистских иллюзий.

Старая объединенная социалистическая партия, существовав-

шая до Турского съезда, получила в 1919 году 1.600.000 голосов. Ныне мы, коммунистическая партия, сумевшая выявить свой пролетарский и революционный лик, получаем 900.000 голосов.

Избирательный успех социалистической партии объясняется тем, что она увлекала за собой политически отсталых рабочих, до сих пор шедших за буржуазными партиями, и расширила базу своего влияния в сторону вечно колеблющейся мелкой буржуазии. Партия социалистов стала партией рабочей пассивности и мелкобуржуазной робости. Она не имеет будущего.

Социалистическая партия—лишь промежуточное звено. Грянет беда,—и громадная часть пролетариата и мелкой буржуазии выйдет из состояния пассивности, а вместе с тем, из социалистической партии, и ринется в социальную битву, примкнув к лагерю коммунистов или фашистов.

Вожди-социалисты, давно уже подменившие борьбу против буржуазии борьбой против коммунистов, по всей вероятности поступят подобно своим братьям, германским социал-демократам, и образуют крыло французского фашизма, если коммунизм и пролетариат не найдут в себе достаточно силы для искоренения в самом зародыше всякой попытки буржуазного террора, направленного против рабочего класса, причисляя сюда и попытки анархо-фашизма, который на протяжении последнего года уже несколько раз давал о себе знать.

Превращение анархистского еженедельника «Ле Либертер» в ежедневный орган в период избирательной кампании, попытка использовать для борьбы с нашей партией кровавый митинг на улице Гранж о-Дель, где полицейские провокаторы, затесавшись в ряды анархистов, стреляли в рабочих, и сорвавшийся к счастью саботаж нескольких публичных собраний, предпринятый либертариями,—все это факты, позволяющие нам причислить анархистских лидеров к блоку левых и предфашизму.

Ограниченный горизонт анархистских вождей и полнейшее отсутствие в них чутья международной действительности превратят их, в конце-концов, в бунтовщиков-националистов и в добровольцев фашизма в тот момент, когда условия существования станут для рабочих еще более трудными.

Наша французская партия может почерпнуть из результатов недавних выборов могучую веру в борьбу, которую ей предстоит продолжать против буржуазии и ее союзников—анархистов и социалистов.

Если, с одной стороны, на долю нашей партии не приходится и одной двадцатой общего количества мест в парламенте, то, с другой стороны, за нее подана одна десятая общего количества голосов и одна шестая голосов пролетариата и крестьянства.

900.000 избирателей голосуют за партию, насчитывающую в своих рядах 55.000 членов, иными словами, каждый коммунист пользуется влиянием в 16—17 рабочих семействах.

Вот широкое поле для политической и организационной работы Французской коммунистической партии. Давление со стороны почти целого миллиона пролетариев, притом наиболее сознательных, начавших понимать революционный язык, которым говорит наша партия, будет внешней подмогой агитации нашей парламентской фракции,—агитации, находящей себе все более и более могучий отклик в массе, до сих пор за нами не шедшей.

Париж, население которого составляет одну десятую населения всей Франции, Париж, насчитывающий 4 миллиона жителей, в том числе 1 миллион рабочих, и при существующей во Франции централизации правительственной власти, имеющий решающее значение в деле революции, дал нам 14 мест из 56, и то количество голосов, которое получали в 1919 году объединенные социалисты в целом. Ясно, что **подавляющее большинство парижского заводского пролетариата сочувствует коммунистам.**

Сенская федерация—это наша партийная организация, наиболее приближающаяся к подлинно-коммунистическому типу; она основательно поработала в профсоюзном движении, создала сотню заводских ком'ячеек, выполняющих на месте производства задачи, диктуемые партией, и курс, ею взятый, всегда и во всех существенных вопросах совпадал с линией Коминтерна. Влияние федерации, мерилом которому служат выборы 11 мая, дает лучшее оправдание политики и революционных принципов организации, проповедуемых Москвой.

Наша партия и впредь должна настойчиво итти путем единого пролетарского фронта и рабоче-крестьянского блока во всех областях своей работы. В некоторых районах, как Адуль, Эроль, Мозель, Сарт во время происходивших там стачек крестьяне уже снабжали необходимым продовольствием рабочих.

Этот союз надо укрепить и придать ему общий характер в процессе борьбы городских и сельских тружеников под руководством пролетариата и его коммунистической партии.

Г. Реммеле.

Итоги съезда Германской коммунистической партии.

Период развития партии, завершенный последним (7—10 апреля) съездом ГКП, несомненно, был одним из наиболее значительных и поучительных в революционной истории германского пролетариата, и даже не одного только германского. Все секции Коминтерна принимали живейшее участие в борьбе, имевшей место в среде германской партии. Исполком Коминтерна в сознании лежащей на нем ответственности за отдельные секции коммунистического движения редко проявлял такую сугубую осторожность и такое особое внимание к истории развития какой-либо секции, как в данном случае. Коминтерн и братская российская партия приняли выдающееся участие в подготовительных работах к съезду, в целях облегчить германской партии те непомерные затруднения, которые громоздились на ее пути. Ибо до сих пор ни разу еще политическое поражение не вызывало в истории Германской коммунистической партии такого глубокого кризиса, какой разразился после банкротства партийной политики прежних партийных руководящих органов.

В течение шести месяцев в партии шла пламенная борьба фракций за руководящее направление партийной политики и, следовательно, за руководство партией.

В течение шести месяцев все силы, вся энергия идеологии и организации пошли на борьбу за тактические различия, за первенствующее положение отдельных групп, как представительниц определенных идеологий и воззрений. Действенная сила партии вовне, в организации и объединении пролетариата, в воздействии на пролетарские массы в классовой борьбе была почти что совсем парализована.

Партия была в сознании пролетариата полгода в «отпуску», ориентируясь в это время в методах и тактике борьбы и стараясь найти, прежде всего, самое себя в путанице разноречивых мнений и воззрений. Такой роздых партии отбросил ее, разумеется, значительно назад, так как классовая борьба пролетариата не ждет, пока коммунистическая партия приведет в порядок свои боевые ряды.

Отсутствие одухотворяющей партийной энергии в пролетарских боях послужило сигналом для буржуазии, для начала ее общего наступления на пролетариат и успешного осуществления ее давнишних желаний—отмены восьмичасового рабочего дня и других враждебных рабочим мероприятий. Вначале эти мероприятия были встречены пролетариатом с тоскливым безразличием. Но вскоре последовал отпор, и мы были свидетелями того, как у этого, столь бесконечно изголодавшегося и тысячью нужд истощенного пролетариата явилась огромная сила противодействия, которую можно было бы назвать прямо беспримерной. И на этот раз опять, как во всех пролетарских движениях в Германии, пролетариат Рейнской области шел впереди. Несмотря на саботаж профсоюзов, несмотря на соглашение профсоюзной бюрократии с предпринимателями об отмене 8-часового рабочего дня, рейнский пролетариат вел жестокий бой против этого замысла. За этим последовала борьба на прибрежье рабочих верфей и портов. На юге, в Людвигсгафене, поднялись химики, сопротивление которых буржуазия считала окончательно сломленным еще в прошлогодней борьбе, благодаря голоду и локауту передовых революционных борцов.

Таким образом, повсюду из глубины революционной волн выросло сопротивление пролетариата, и как-раз в это время наша партия была в отпуску. У нее не было ни должного единения, ни энергии, чтобы с былым энтузиазмом примкнуть к пролетариату и мужественно повести его вперед. Разумеется, те округа, в которых разыгралась указанная борьба, исполнили свой долг. Но былая энергия всей партии, с которой она вся целиком отдавалась борьбе пролетариата, была парализована и надломлена. Таким образом, задачей партийного съезда было положить конец такому состоянию и поставить партию вновь во главе борющегося пролетариата.

Борьба различных внутрипартийных группировок при подготовке к съезду была весьма своеобразна. С разгромом политики прежних партийных органов получились группировки: правая, центр и левое крыло. Правая ликвидировалась организационно одновременно с провалом ее политики. В течение четырехмесячной борьбы, во время и после московских совещаний (январь 1924 г.) правое крыло не выступало ни разу, как сплоченная организация; за исключением округа Эрцгебирге-Фохтланд, где это направление при 100 делегатах было представлено четырьмя, во всех прочих округах оно не нашло ни одного сторонника. Естественным последствием этого явления была борьба между левым крылом и центром.

Дал ли съезд те результаты, которых от него ожидали? Оба докладчика, как правой, так и центра, полемизировали, главным образом, только друг против друга, не затрогивая основных линий прошлой политики.

Тем временем прежняя оппортунистическая правая успела вновь поднять голову, не вызвав надлежащего отпора ни со стороны докладчиков, ни со стороны всего съезда.

Представитель правого крыла имел возможность, не встретив возражений, доказывать, что его тактика — правильна, как теперь-де доказано письмами тов. Зиновьева и Исполкома, и что решения московской конференции были, по существу, неправильны. Брандлер мог доказывать, что со времени московских совещаний в настроении Исполкома произошел резкий перелом, и что Исполком, еще в январе ведший решительную борьбу с правой опасностью, теперь еще с большей решительностью борется с левой опасностью. Эта демагогическая, искусно обставленная вылазка нашла себе союзника в лице докладчика группы центра, подчеркнувшего, что опасность с правой стороны была еще в январе значительна, а в настоящее время не представляет более никакого значения, почему борьба должна быть направлена, главным образом, против левого крыла. Со своей стороны, докладчик последнего пришел к другому заключению, а именно, что «опасность грозит из центра».

* * *

Но, насколько ошибочны были эти воззрения,—поспешило доказать на съезде само правое крыло. Оно предложило съезду проект резолюции, который доказал, что оно ничему не научилось из октябрьских событий.

Вот что значится в его «резолюции к докладу о политическом положении»: «Основные лозунги — рабочее правительство, овладение реальными ценностями и промышленный контроль— имели смысл объединяющих, организующих сборных лозунгов и последовательных целей», и за сим следует: «Тактика единого фронта оказалась в основных чертах правильной и плодотворной. Ее результаты таковы: отрыв широких рабочих масс от социал-демократии, образование широкого круга сочувствующих вокруг ГКП и развитие и расширение пролетарских классовых организаций. Между тем, поставленные себе партией «последовательные цели» не были осуществлены».

Чего хочет этим сказать правая? Она и на этот раз защищает тот взгляд, что развитие происходит по эволюционной, а не революционной кривой. В качестве главных лозунгов тактики единого фронта выдвигаются так-называемые «последовательные цели», а именно, рабочее правительство, овладение реальными ценностями и промышленный контроль, последним «этапом» которых является диктатура пролетариата. Кривая эволюции знаменуется здесь последовательным расширением власти революционного пролетариата и постепенным оттеснением власти капитала.

Борьба с правыми оппортунистическими тенденциями в ГКП вызвала к жизни в левой партийной группе целый ряд воззрений, которые известны в истории партии под именем детской болезни левизны. В течение партийной дискуссии вделилась резко очерченная группа, именующая себя выразительницей теорий и основных воззрений Розы Люксембург. Эта крайне-левая группа состоит из интеллигентов, в своем большинстве лишь с недавних пор участвующих в коммунистическом движении. Благодаря совершенному уклонению правой группы от участия в прениях, на съезде создалась картина отступления на задний план представителей правых уклонений и очень сильного вступления вперед так-называемой группы Розы Люксембург.

Что же олицетворяет эта группа? Письмо Зиновьева выделило лишь один критерий этой крайней левой, а именно организационный вопрос. Но этот вопрос является лишь одним из звеньев той цепи вопросов, которые подняты крайней левой. При более внимательном ознакомлении с нею мы встречаемся здесь с очень многими старыми знакомыми. Еще перед IV международным конгрессом тт. Тальгеймер, Брандлер и другие обсуждали в связи с прениями о программе Коминтерна предполагаемые теоретические основы Коммунистического Интернационала. Эти прения вращались, главным образом, вокруг вопроса об экономических принципах, выдвинутых Розой Люксембург в ее «Накоплении капитала», в противоположность экономическому учению, излагаемому Лениным, Бухариным, Варгой и др. Группа Брандлера еще тогда стремилась в связи с этим дать русским товарищам бой по всей линии в защиту взглядов Розы Люксембург. Был намечен целый ряд молодых экономистов для собирания материалов о капиталистическом развитии в последнее время. Эти материалы должны были лечь в основу предполагавшихся прений. Но взгляды Розы Люксембург на формы организации и на роль партии в революционной борьбе находятся в теснейшей связи с ее основными экономическими воззрениями, а потому нельзя говорить о большевизации партии и одновременно защищать экономические взгляды Розы Люксембург. Это поняли и германские коммунисты. Поэтому предполагалось в прениях о программе выдвинуть на первый план основные вопросы об экономическом развитии и, разрешив их, объясниться с русской партией по вопросам об организационной форме и о роли партии. Был поставлен вопрос: «германский коммунизм или русский коммунизм», «Ленин или Роза Люксембург»?

V международный конгресс, на котором эти вопросы должны будут подвергнуться более тщательному рассмотрению, даст разрешение всем деталям и частностям, связанным с этим комплексом вопросов. Нашей задачей является лишь наметить очертания тех из них, которые составляют в настоящее время предмет спора в германской партии. На IV конгрессе программные вопросы не бы-

ли еще подняты, и надежды на их разрешение возлагались на предстоящий V конгресс. Теперь перед нами удивительное явление: борцы за идеи Розы Люксембург в ультра-радикальной драпировке появятся на арене борьбы совместно со старыми борцами правого крыла, подтверждая старую истину, что детские болезни левизны рождаются на навозной куче правого оппортунизма.

Для всякого пережившего многолетние тактические бои в ГКП совершенно ясно, что воззрение Розы Люксембург о формах организации, о роли партии в борьбе пролетариата, о централизме партийной демократии, о нейтрализации мелкобуржуазных слоев, о мелком крестьянстве и аграрном вопросе, о национальном вопросе и империализме и т. д.,—что все эти взгляды, выдвигаемые теперь крайними левыми, как «жгучие вопросы дня», могут быть объяснены только недозрелостью революционной эпохи, в которой жила и действовала Роза Люксембург. Этим интеллигентам не понять того, что закономерное и неизбежное развитие организационного революционного аппарата партии все более должно будет по мере развития революционной борьбы пролетариата приближаться к организационным формам русских большевиков. Лозунг крайних левых: «назад к Розе Люксембург» равносилен лозунгу: назад к «постепенному упорядоченному» развитию; он означает разрушение подготовки к революции и пребывание в бездействии в ожидании «внезапности» революции, которая должна «явиться и пробиться сама собой».

Но не все левое крыло в его организованной форме, как оно было известно в партии до октябрьских событий, одобряет эти воззрения и возвращение к уровню дореволюционной эпохи; наоборот, руководящие круги левых принуждены были уже начать борьбу с крайней левой группировкой и с ее программой, являющейся наследием прошлого. В статье, посвященной итогам съезда, руководители левого крыла высказываются в следующих словах против крайних левых:

> «Так же быстро партия преодолеет и то течение, которое, под видом, якобы, весьма радикальных формул, на самом деле проводят в партию контрабандным путем меньшевистские воззрения: по вопросу об организационной форме партии—«демократия, но не централизм», по аграрному вопросу—«не надо мелкокрестьянского движения» и по национальному вопросу—«мы не можем революционно использовать порабощенную нацию, борющуюся с империализмом»! Съезд настойчиво предостерегает против таких настроений и течений. Партия их лучше и скорее всего преодолеет беспощадным искоренением сверху донизу всех оппортунистических пережитков и активной боевой политикой при борьбе за ближайшие цели, всегда твердо имеющей в виду пролетарскую революцию и подготовку к ней».

Так легко, однако, как себе представляют руководители левых, не удастся преодолеть эти крайние «левые» течения. Последние уже начали борьбу против старых левых руководителей, группирующихся вокруг Маслова и Тельмана, и сделали первые шаги, чтобы оформиться организационно. Борьба с этим направлением для успешного его преодоления должна будет вестись настойчиво и энергично.

Германская революция в соответствии с могучими, глубоко вкоренившимися в стране капиталистическими силами и их воздействием на пролетариат, самая трудная и поучительная. Гигантские задачи ждут разрешения от ГКП. Для того, чтобы партия могла эти задачи разрешить, она должна быть единой спаянной партией, с безусловным доверием относящейся к своим вождям. Последний партийный съезд, несомненно, значительно подвинул партию вперед, но он еще не высказал заключительного суждения и не произнес последнего решения о том пути, который должен избрать германский пролетариат, чтобы добиться окончательного освобождения и победы.

Очень остроумно представитель Исполкома охарактеризовал и резко отверг на съезде эту постепенческую теорию развития:

«Правые,—сказал он,—представляют себе дело следующим образом: сначала-де мы завоюем рабочее правительство вместе с Цейгнером, затем следует овладение реальными ценностями в союзе с Гильфердингом, контроль над промышленностью вкупе с Робертом Шмидтом и, наконец, диктатура пролетариата, рука-об-руку с Носке и Шейдеманом. В этом представлении отражаются вновь коренные ошибки иллюзий, обнаруженных правыми уже на Лейпцигском съезде и нашедших свое выражение в следующем лозунге: надо постараться давлением масс оторвать социал-демократию от левого крыла буржуазии и заставить ее примкнуть к правому крылу пролетариата. Это воззрение вполне совпадает с перспективой о дальнейшем революционном развитии, начертанной Брандлером незадолго до банкротства его политики. После забастовки, направленной против кабинета Куно, он формулировал предполагаемое им дальнейшее развитие событий следующим образом: «Мы низвергли Куно и его правительство, представлявших крайнюю правую буржуазию и олицетворявших интересы синдикатов и трестов, и добились теперь осуществления широкой коалиции посредством нашей массовой политической забастовки. Широкая коалиция от Штреземана до Гильфердинга равным образом будет в ближайшее время дискредитирована широкими массами и должна быть ликвидирована; пролетарская борьба укажет, как на единственный выход, на рабочее правительство. Саксонский опыт с рабочим правительством во главе повторится во всегерманском масштабе. Рабочее правительство в Республике означает расширение власти пролетариата и постепенное оттеснение буржуазии».

Эта постепенческая теория исходит из представления, что социальное развитие протекает в «упорядоченных» границах, и что расширение власти пролетариата постепенно и исподволь вытесняет власть буржуазии, которая должна будет в определенный момент исчезнуть перед властью пролетариата. Это представление в своих основных чертах почти не отличается от социал-демократической теории постепенного прироста силы пролетариата и перехода власти к нему от буржуазии. Если в этой теории правые и уделяют место вооруженному восстанию пролетариата, то лишь в той форме, что последний во всех указанных этапах этого «логического и упорядоченного» развития должен будет защищать свои позиции при помощи вооруженной рабочей армии. Восходя по этой эволюционной кривой, пролетариат остается постоянно на «почве конституции и законного порядка», меж тем как его противник, вооруженная буржуазия, не остается на этой «законной почве», что дает зато возможность очень красиво поморализировать.

С этой точки зрения только и становится вполне понятным саксонский эксперимент и позиция партии по отношению к саксонскому рабочему правительству. Вся аргументация и все воззвания наших саксонских товарищей носили этот эволюционный характер с сильным отпечатком пацифизма.

Эти основные воззрения, приведшие в октябре к катастрофе коммунистического движения в Германии, вновь проявили себя во всем блеске на последнем съезде. Основательный, наглядный и грубый урок, данный в октябрьские дни германской буржуазией революционному пролетариату и коммунистическому движению, прошел совершенно бесследно для группы Брандлера.

Революционное развитие происходит не по равномерно подымающейся кривой, но как-раз наоборот. Революционные успехи сменяются поражениями и крупными победами контр-революции, которые порождают вновь новые революционные бои. Лишь в резких сменах подъема и падения революционной кривой можно усмотреть признаки революционных эпох действительно крупного значения. В этом состоит огромное различие в понимании исторического процесса между нашей, марксистской идеологией, и той, которая была навязана группой Брандлера германской партии.

Необычайно юмористически звучало, когда группа Брандлера пускалась в ее резолюциях в следующие рассуждения: «Итак, тактика единого фронта была революционной тактикой. Но она привела к оппортунистическим отклонениям... Эти отклонения были замечены прежними руководящими партийными органами совместно с Исполкомом Коминтерна, которые и вступили затем с нами в борьбу».

Когда группа Брандлера, а вместе с ней и левые, делают упрек представителям центра в том, что и он участвовал в этих оппортунистических отклонениях и поддерживал их, то это, говоря просто, есть извращение той борьбы, которая велась в рядах ГКП. Саксонская политика протекала в течение многих месяцев под знаком союза с социал-демократией; и как-раз на этой союзной политике, не имевшей уже ничего общего с тактикой единого фронта, обнаружилась слабость германской партии. Подвергая критике эту союзную политику, мы в одной из своих статей в «Южно-германской Рабочей Газете» высказывали следующие соображения:

«Социал-демократическим и беспартийным рабочим левые социал-демократы, состоящие с нами в союзе, кажутся представителями социал-демократии вообще. Поддерживая правительство социал-демократов, мы уже не можем предложить ничего более того, что мы дали этому правительству, а рабочие массы остаются при этом там, где они находятся и теперь, то-есть—у социал-демократов. Все сводится к вопросу: за какой партией следуют массы, и за каким партийным лозунгом последуют они в решительный час. Ответ на этот вопрос решающе предопределяет революционную стратегию. В этом направлении тактика единого фронта, как она применялась в Саксонии, вызвала длительное состояние кризиса и значительный упадок в революционном воспитании и сознании масс». Насколько обоснована была эта критика ложного применения тактики единого фронта в Саксонии, доказало несколько недель спустя полное банкротство политиков из лагеря постепеновцев.

Шестимесячная партийная дискуссия почти единодушно осудила политику Брандлера. Только в округе Эрцгебирге—Фохтланд остались еще кое-какие следы его последователей. ¾ членов партии приняли линию левых. Исчезли ли из партии правые опасности и правые оппортунистические идеологии? Ни в коем случае. Добрые старые знакомые из рядов правой и весьма скоро вновь выступают под маской ультра-радикальных левых.

Как-раз эта своеобразная перегруппировка внутри ГКП обнаруживает справедливость старых наблюдений: правые тенденции скрываются за дутой фразеологией мнимо-революционных звонких фраз, они подобны сладкому яду, проникающему насквозь организм партии под видом «естественно-необходимых, логических» этапов развития, и рекламируют сами себя в качестве «единственно правильных» методов с помощью случайных и временных успехов. Опасность, которая кроется для революционного развития в правых тенденциях, не так легко распознается, как опасность левых уклонений, и лишь в решающие моменты революционных боев они ведут к кризису и катастрофе. Правые тенденции всегда таят в себе зерно ликвидаторства самостоятельного революционного движения. В правом направлении ликвидаторство имеет перед собой бесконечную цепь точек соприкосновения и возможностей для полного слияния с буржуазией.

Н. С—кий.

Крестьянский Интернационал.

Международный Крестьянский Совет—Красный Крестьянский Интернационал имеет огромное значение в международном революционном движении рабочих, ибо он проводит в жизнь идею союза рабочих и крестьян,—смычку города с деревней в международном масштабе. Его возникновению предшествовали попытки разных политических лагерей, стремящихся организовать крестьян для использования их как нового мощного фактора в классовой борьбе.

Еще до империалистической войны возникла мысль организации Крестьянского Интернационала. Первыми пытались заполучить крестьянство реакционеры, чтобы их направить против усиливающегося революционного рабочего движения. Некоторые деятели из германской партии центра и партии стран средней Европы, находящихся преимущественно под влиянием католического духовенства, решили создать Черный Крестьянский Интернационал, но реакция признала даже такой интернационал опасным для себя.

Реакционеры, прежде всего, боялись, что крестьяне, будучи организованы и выведены за пределы своих стран на арену международной политики, под лозунгом солидарности и братства крестьян всего мира, сознают противоречие своих классовых интересов с буржуазией и восстанут против нее. Поэтому Черный Крестьянский Интернационал в самом зародыше был уничтожен.

Второй попыткой создания Крестьянского Интернационала является попытка болгарского крестьянского диктатора Стамболийского. Он исходил из другой точки зрения, он верил в самостоятельную роль крестьян, как правящего обществом класса, и стремился создать Зеленый Крестьянский Интернационал.—Эта попытка имела место в мае 1922 года, когда Стамболийский осуществил в Болгарии диктатуру крестьянства. Однако, попытки остались безрезультатны, хотя и произвели много шуму во всем мире.

Стамболийский и прибывшие к нему в гости представители нескольких аграрных стран Европы не могли составить общей программы для продолжительного и прочного сотрудничества между крестьянами разных стран.

Последствия войны, обрушившиеся на крестьянство, и усиливающееся наступление против них капитала и борьба за землю одновременно призвали к жизни многие организации крестьян политического характера, и среди них мысль объединения в международном масштабе для борьбы против всемирной реакции становилась все более и более

популярной. С другой стороны, Октябрьская революция показала рабочим огромное значение крестьянского вопроса. В июне 23 года, во время заседания Пленума Исполкома Коминтерна, когда обсуждался вопрос о рабоче-крестьянском правительстве, один из крестьянских парламентских депутатов-коммунистов, т. Домбаль, выступил с инициативой созыва международной крестьянской конференции. Предложение его было поддержано тт. Зиновьевым, Бухариным и др. Действительно, мысль эта оказалась чрезвычайно жизненной и своевременной. Условия для созыва международной крестьянской конференции сложились весьма благоприятно. В это время происходила Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве. Крестьянские деятели сорока национальностей, прибывшие на выставку, сошлись на первую международную крестьянскую конференцию.

Приветствуя конференцию, тов. Зиновьев говорил:

«Наш учитель тов. Ленин, который еще не вполне оправился от болезни, но, однако, получил уже в последнее время возможность знакомиться с политическими событиями, проявляет особый интерес к этому съезду крестьян. Я получил точные сведения относительно того, что составом съезда и его материалами, характером и прочими сведениями, которые имеются в газетах относительно этого съезда, тов. Ленин интересовался в первую очередь. Если у нас есть человек, который имеет особенно острый глаз относительно того, чтобы из всего вороха событий взять самое главное, то, что является узловым пунктом в истории, так это В. И. Ленин. Теперь целый ряд исторических событий обрушивается на нашу голову. И все искусство политики вождя-организатора рабочей массы в нынешнее время должно заключаться в том, чтобы из этой массы исторических событий выбрать то, которое является узловым. Я думаю, что не зря Владимир Ильич проявляет такой интерес к этому съезду».

Конференция прежде всего обратила внимание на опасность возникновения новых войн и на последствия минувших. Затем конференция разбирала вопрос об ухудшающемся с каждым днем положении крестьян капиталистических государств, эксплоатируемых торговым капиталом, трестами, монопольными и другими объединениями капиталистов. Одновременно делегаты ознакомились путем совещания и личного осмотра с положением русских крестьян до революции и после нее.

Кроме того, обсуждался вопрос о кооперации на Западе и в России, и детально рассматривался вопрос отношения крестьянства к рабочему классу, о методах борьбы крестьян за землю и власть, вопрос союза рабочих и крестьян и организационный вопрос.

На основе этих материалов конференция пришла к выводу, что устранение всех бедствий, которые обрушиваются на крестьян капиталистических государств, невозможно путем реформ в рамках существующего строя, и определенно высказалась за его низвержение.

Пример Болгарии, где крестьянская диктатура потерпела полный крах, а с другой стороны, пример России, где крестьяне в союзе с рабочими добились победы, убеждал конференцию, что только путем революционного союза с рабочим классом сможет освободиться крестьянство от эксплоатации и гнета помещиков и капиталистов.

Конференция для созданного Крестьянского Интернационала, под названием Международного Крестьянского Совета, приняла лозунг: «Крестьяне и рабочие всех стран, соединяйтесь»!

Кроме политической работы, Международный Крестьянский Совет должен проводить и экономическую, стремясь к смычке рабочего города с крестьянской деревней, и поэтому решено организовать при его генеральном секретариате Международный аграрный институт.

Значение этой конференции и ее решений громадны, ибо в первый раз в истории собравшиеся крестьянские представители сорока национальностей Европы, Азии, Америки и колоний, в числе которых находились вожди разных радикальных крестьянских партий, союзов, лиг, синдикатов и вообще различных политических и экономических организаций, крестьянские депутаты парламентов и т. д., нашли политическую и экономическую платформу для сотрудничества крестьян всего мира между собою и с рабочим классом.

За этими, лучшими, наиболее передовыми представителями крестьян, несомненно, пойдут многомиллионные крестьянские массы, ибо они представляют действительно их интересы. Крестьянский Интернационал приобрел везде среди крестьян огромную популярность, с неожиданной быстротой начал расти и в настоящее время объединяет крестьянские организации разных стран, насчитывающие несколько миллионов членов: например, в Германии объединено под лозунгом Рабоче-Крестьянского Союза около полутора миллиона крестьян. Так же весьма значительные успехи и в других странах. Пока налажена связь с крестьянством Франции, Германии, Польши, Чехо-Словакии, Латвии, Болгарии, Юго-Славии, Кореи, Средней Азии, Китая, Италии, Румынии, Соединенных Штатов Северной Америки, Канады, Мексики, Бразилии, Аргентины, Аравии и ряда колоний.

Начали выходить крестьянские газеты и журналы в разных странах, которые проводят программу Крестьянского Интернационала. Генеральный Секретариат Международного Крестьянского Совета занялся вопросом внутренней организации, обработкой и разрешением ряда принципиальных вопросов, организацией Международного аграрного института, своих секретариатов и издательских отделов в ряде стран, прежде всего в Германии, Франции и Америке, налаживанием связей с крестьянством целого ряда других стран, организацией постоянной международной хроники крестьянского движения и т. д.

Международный Крестьянский Совет выпустил ряд воззваний: по общим вопросам, касающимся крестьян всего мира, крестьянской молодежи и крестьянок, фашистского террора, празднования 1-го мая, как торжества рабоче-крестьянского союза, народов колоний, 5-й годовщины Коминтерна, международного дня работниц и крестьянок, кончины Ленина и т. д., а также по специальным вопросам, относящимся к крестьянскому движению Польши, Румынии и т. д. Воззвания эти были широко распространены. Кроме того, в разных странах были опубликованы постановления первой международной крестьянской конференции. Приступлено к изданию органа МКС, журнала «Крестьянский Интернационал» и «Международной Крестьянской Библиотеки». Пока вышли первые номера на разных языках.

Конечно, работа находится в самом зачатке, как и сама организация, которая существует едва несколько месяцев. Что, однако, особенно тормозит развитие этой новой необходимой организации для усиления революционного движения трудящихся, это, прежде всего, или равнодушное отношение компартий многих стран, не дающих себе вполне

ясного отчета в своих обязанностях по отношению к крестьянскому движению и об организационных задачах компартии в деревне.

Главная задача V-го конгресса Коминтерна, в повестке дня которого стоит вопрос о Крестьянском Интернационале, должна заключаться в том, чтобы изжить эти предубеждения к активной работе среди крестьян, это действительно печальное наследие эпохи II Интернационала, который проводил исключительно узко-цеховую работу и игнорировал столь могущественного союзника, каким являются в борьбе с капитализмом сотни миллионов трудящихся крестьян. Завоевать эту массу на свою сторону и направить ее против буржуазии—является важнейшей задачей революционного авангарда рабочего класса всех компартий в настоящую революционную эпоху, ибо это имеет решающее значение для пролетарской революции во всем мире.

Характерным для переживаемой нами эпохи является стремление крестьян стать **политическим фактором**, организоваться и освободиться от опеки буржуазии. Использовать это стремление в революционных целях, стать руководителем борьбы крестьянских трудящихся масс за освобождение под лозунгом революционного рабоче-крестьянского союза, способствовать наибольшему развитию Крестьянского Интернационала—это одна из важнейших задач каждой из компартий.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Наша деревня.

Я. Яковлев: «Наша деревня». Новое в старом и старое в новом. Изд-ство «Красная Новь», Москва 1924 г. 176 стр., цена 70 коп.

Тов. Ленин решительно предостерегал от общих фраз и благих пожеланий, которыми нередко наполнялись партийные резолюции и тезисы о работе в деревне. «Вместо этого,—писал он XI съезду,—лучше взять данные практического опыта хотя бы даже по одному уезду, хотя бы даже по одной волости, и разработать их не академически, а практически...

...Резолюцию съезда ЦК (о работе в деревне.—И. Ф.) приготовить таковую (примерно): «Факты показывают и специальная комиссия съезда подтверждает, что главный недостаток партии в области работы в деревне — неизучение практического опыта, это корень всех бед и всего бюрократизма. Съезд поручает ЦК с этим в первую очередь бороться».

В прошлом году ЦК партии осуществил прекрасный ленинский совет: на изучение практического опыта партийно-советской работы в деревне была послана специальная комиссия. Эта мера оправдала себя, и в нынешнем году накануне XIII партсъезда ЦК повторил опыт обследования деревни. Тезисы тов. Калинина о работе в деревне, одобренные ЦК и принятые съездом, в своей основе имели данные, достигнутые учетом деревенской действительности.

В результате этих же работ написана и превосходная книжка тов. Яковлева «Наша деревня». Тов. Яковлев, вместе с группой других товарищей, в том числе и местных работников, обследовал Знаменскую волость Тамбовской губернии. Конкретными примерами и точными фактами жизни этой волости он и иллюстрирует современную советскую деревню. Свои данные по Знаменской волости тов. Яковлев сверил с результатами одновременно произведенных обследований волостей Иваново-Вознесенской, Кубано-Черноморской, Саратовской, Алтайской губерний, Башреспублики и Туркестана. В основном данные обследований оказались сходными, и, таким образом, выводы и обобщения автора имеют для российской деревни общезначимый характер.

Коренное достоинство брошюры именно и заключается в ее конкретности. В работе тов. Яковлева нет ни одного вывода, не подкрепленного яркими фактами, что и делает ее чрезвычайно убедительной.

Подзаголовок, данный автором брошюре, уместен и характерен: «новое в старом и старое в новом». В сочетании, в своеобразном переплете в борьбе элементов старого и нового проходит сейчас экономическое и культурно-политическое развитие деревни, ее органический, мучительно-трудный, но неуклонный и несомненный рост.

«Приемы общественной работы, психология, быт деревни определяются, прежде всего, тем, что нам еще приходится бороться за вытеснение сохи плугом» (курсив автора). Вот это старое и основное наследие прошлого (соха), от которого и посейчас, и еще надолго будут проистекать многие «качества».

Но в то же время «война и революция провели ряд глубоких борозд в нынешней деревне»...

Революция взрыхлила почву для такого темпа культурного, политического и хозяйственного роста деревни, которые были бы не мыслимы без революции»... (6 стр.).

Нет такого хозяйственного, бытового, административного явления в деревне, в котором бы на-ряду с ростками нового мы не нашли следов цепких лап старого.

И в основном, в условиях рабоче-крестьянской государственной, пролетарской диктатуры—борьба между старым и новым есть борьба за путь исторического развития: вперед к социализму или назад к капитализму. На примере Знаменской волости тов. Яковлев утверждает одну весьма важную для практической работы коммуниста истину: нельзя подходить с формально-абсолютной оценкой ни к одному из явлений социально-экономической жизни деревни. Пример—совхоз. Мы расцениваем наши совхозы, и вполне законно, как островки социалистического хозяйства в мелко-хозяйственном мире деревни, как командные высоты, с которых прогрессивными методами хозяйствования, успехами максимальной продукции мы будем бомбардировать мелко-хозяйственную стихию. Для нас совхозы не просто государственные хлебные фабрики, но прежде всего показательные фабрики, рассадники высшей сельскохозяйственной культуры.

А на деле? Тов. Яковлев рассказывает о двух обследованных им совхозах. Первый, Воронцовский, имеет в наличности все возможности к прекрасному ведению хозяйства. О нем крестьяне рассказывают: «От совхоза нам помощи нет никакой, ничем он нам не помогает... Совхоз не только местному населению, но и государству вреден,—он государству ни фунта хлеба не дал, только берет от государства хлеб. Живет на одной мельнице; мельница одна на районе: поневоле к ней пойдешь. Мельница на воде работает. На той мельнице и дурак работать будет. Она вертится и все тут. Такой совхоз ущерб всему государству дает».

«К сожалению,—заключает с грустью тов. Яковлев,—при дальнейшей проверке эти крестьянские выводы заведующий совхозом никак не мог опровергнуть» (82 стр.).

Другой совхоз—Знаменский. «Если бы этот совхоз принадлежал графу Строгонову (прежнему владельцу), то хозяин не мог бы ни одного дурного слова сказать о своем приказчике: имение находится в порядке, недурно обрабатывается, даже дает некоторый доход» (88 стр.). А между тем, на собрании представителей крестьян совместно с заведующим совхозом крестьянами было предъявлено совхозу 30 обвинений.

В основном эти обвинения сводятся к тому, что в отношении к кре-

стьянам совхоз абсолютно ничем не отличается от старого помещичьего имения.

«Дважды отвечал на крестьянские обвинения заведующий совхозом Иванов, Григорий Тарасович,— рассказывает тов. Яковлев.—И столько в его ответах было барского презрения и пренебрежения к мужику, что караул кричать надо, если подобные отношения к крестьянам имеются хотя бы еще в трех десятках совхозах по всей России, ибо вред от этого не только крестьянству, но и партии огромный» (94 стр.).

Таковы командные высоты социалистического хозяйства в Знаменской волости.

На примере обоих совхозов автор делает выводы, каким путем должно итти советское хозяйство в деревне, чтобы выполнить подлинную роль социалистического рассадника.

Не будем перечислять их, отметим лишь, что они просты, конкретны, исполнимы и несомненно бьют в цель: сблизить совхоз с крестьянством, сделать из него организующий центр на доступную его влиянию округу.

Другой пример, где подход с формальной оценкой может оказаться также чрезвычайно ошибочным и сугубо вредным. Мы весьма высоко расцениваем значение кооперации (и сельскохозяйственной в особенности) в системе советского строительства.

«Социализм—это Советская власть плюс электрификация, плюс кооперация». (Из речи т. Кржижановского на XIII партсъезде). В нашей партии это можно считать общепризнанной формулой, оставленной нам еще тов. Лениным. Но обратимся к действительности. Тов. Яковлев целую главу своей книги назвал: «Хищнический капитализм под кооперативной вывеской» (стр. 57).

«В Знаменской волости,—пишет он,—имеется 4 сельскохозяйственных товарищества, *охватывающих очень большую группу крестьян и очень недурно работающих* (курсив мой И. Ф.). Исследование этих товариществ обнаружило, что *ничего кооперативного в них нет,—есть только аренда государственной земли крепкими крестьянами, которым выгодно пользоваться кооперативной маркой*» (курсив мой).

Многие крестьяне не вошли в эти кооперативы *по бедности*, и их отношение к означенным кооперативам самое враждебное.

Вот наиболее характерные отзывы таких беднейших крестьян: «Я их знаю, кооперативную партию,—у кого скот, инвентарь, тот и кооператор»...

Другой: «Я просился в кооперацию, а меня не приняли, говорят: много вас таких»...

...«Спекулянят только землею кооперативы» и т. д. все в этом роде.

«Капиталистические начала,—заключает тов. Яковлев,—получили под кооперативной вывеской наиболее благоприятные для себя условия... *А мы принимаем их* (эти кооперативы) *за кооперацию*, в сводках губернских, РСФСР и союзных, считаем сотни тысяч кооперативных крестьян, ублажаем себя, якобы, имеющимся примером движения к социализму, в то время, как в действительности есть движение к капитализму» (65 стр.).

Конечно, и отрицательные образцы совхозов и рост капиталистических отношений под маской кооперации отнюдь не опорочивает общего значения в движении к социализму совхозов и кооперации в целом. Но тов. Яковлев правильно и своевременно сигнализирует опасность. Выдвигая на первый план обе формы внедрения социалистических начал в деревне.

Обратимся к противоположным примерам. Модной темой эмигрантской белогвардейщины в последнее время является поселочное движение крестьянства. В этом движении, где, естественно, собственнические чувства крестьян находят сильное отражение, эмигрантская пресса видит, во-первых, уступку Советской власти столыпинщине, а во-вторых, надеется здесь именно обрести рычаг, чтобы сбросить с российской действительности ненавистную покрышку социализма и Советской власти.

Поселочное движение приняло широкие размеры в 1922 г. В 23 году, в связи с отменой льгот переселяющимся, оно резко падает. Отмену льгот для поселкового выселения тов. Яковлев считает «ошибкой, могущей принести большой вред движению вперед крестьянского хозяйства»... «Необходимо,—говорит он,—восстановить в том или ином размере льготы для хозяйства, желающих переселиться». В чем дело?

А вот в чем:

«В поселочном движении, которое является одним из наиболее приемлемых для крестьянства способов выхода из земельного неблагоустройства, много таких *простейших элементов работы сообща, от которых можно двигаться дальше по пути кооперирования*» (стр. 71).

Свою мысль автор иллюстрирует примером поселка Поддубровка, образовавшемся в 1922 г.:

— «Поддубровские хозяева живут дружно. Их хозяйство такое, что приходится дружными быть,— чтобы залежь поднять, двумя и тремя лошадьми работать приходится. Спариваются они иногда подвое, потрое. На весь выселок 7 плугов приходится, ими и обходятся. Платы за плуги владельцы плугов не берут: все время приходится, по недостатку, одному у другого одолжаться. Если плуг поломают, исправляют вместе... «Приходится дружными быть, так как нет у нас таких хозяев, чтобы один все имел»...

Народ передовой, хотя и трудно было, а больше четверти земли под зябь выпахали» и т. д., и т. п. Как Ленин умер, «мороз пошел у крестьян по коже, страшно стало, что будет, но увидели после,—как Ленин распорядился, так и идет»... «Имеются среди поселковых кандидаты в РКП.»...

Такой поселок,—говорит тов. Яковлев,—небольшого размера, с землей стянутой в один кусок, без чересполосицы и дальноземелья, представляет собой *исключительно благоприятную почву для объединения кооперативного типа* и для перехода к культурным способам ведения хозяйства».

Дальше автор шаг за шагом рассматривает ряд примеров, где крестьяне работают *сообща*, где имеются естественные и хозяйственно-прогрессивные *зачатки кооперирования*, то новое, что на почве хозяйственных недостач, с одной стороны, а на взрыхленной революцией почве—с другой, является пока слабыми рычажками, а может стать мощным рычагом к массовому кооперированию деревни, к ее движению по пути к социализму.

И... «задачей партийной работы в деревне в течение ближайшего периода является—прощупать любой росточек, любой зародыш, любой пример, любую форму такой работы, где уже теперь начинают *вместе*

работать лучше, чем врозь, от кооперирования сбыта и отдельных элементов крестьянского производства до всестороннего кооперирования сельского хозяйства».

Нам кажется, однако, что, в общем правильно намечая путь кооперирования деревни и правильно предостерегая от заскоков от «излишней регламентации», тов. Яковлев в категорическом запрещении примерно «слияния сельскохозяйственной и потребительской кооперации» сам перегибает палку. Пишущему эти строки пришлось быть свидетелем нарождения и роста кооперации в Восточной Сибири (в Верхоленском уезде Иркутской губ.) в 1916 году. Без всякого искусственного насаждения, с бурной стремительностью вырастали здесь кооперативные объединения, при чем одна форма кооперации вызывала к жизни другую, и практически, без всяких насильственных действий, эти формы связались одна с другой, интересовались, как бы не резало ухо это словцо: кредитная, производственная (сельскохозяйственные машины, кожевенный завод, маслобойни) и потребительская.

Поэтому навязывать искусственное слияние, конечно, не годится, но подталкивать к связи к сочетанию действий, а отсюда и к объединению всех видов кооперирования отнюдь не вредно и запрещать не следует.

Очень ценные данные приводит автор о классовом расслоении современной деревни. Эта часть брошюры, пожалуй, наиболее ценна и интересна. Ибо здесь лежит главная опасность к тому, что хозяйство дает серьезный крен в сторону капитализма. В деревне происходит процесс, обратный тому, какой был в эпоху военного коммунизма. Тогда шло общее равнение, осереднячивание крестьянства. Нэп, вовлекший крестьянское хозяйство в товарный оборот, приостановил процесс равнения, а затем сменил его процессом расслоения: середняк дает с двух концов, с одного вырастая до размеров кулацкого хозяйства, а с другого снижаясь в бедноту. С началом нэп'а партия предвидела неизбежность этого процесса, позднее о нем не раз писалось, но, по преимуществу, на основе предположений или случайных сведений. Данные работы тов. Яковлева дают возможность как бы прощупать этот процесс, осязать его конкретные опасности и принять ряд тоже конкретных мер к его обезвреживанию для массы малоимущих крестьян.

Происходит не только расслоение крестьянства, но и следующее параллельно ему закабаление деревенской бедноты кулачеством.

Брошюра указывает яркие примеры, как это закабаление происходит и на разных «одолжениях» бедноте, и на починке инвентаря, и их запашке, и на сдаче земель а аренду. А советский закон, защищающий интересы бедноты, карающий кулака? Беда в том, что «*до бедняка не доходит закон*» (стр. 32).

«У нас написано очень много хороших законов, и налоговая система законов, и налоговая система наша на бумаге права бедняков защищает очень не плохо... Но всуе законы писать, если их не исполнять. *И величайшей политической задачей в предстоящем году является задача добиться хоть наполовину выполнения законов*» (43 стр.).

На кого опереться в разрешении этой задачи? Конечно, прежде всего на наши партийные ячейки в деревне. Для этого нужно, чтобы деревенские ячейки решительным образом изменили характер своей работы. Вот что рассказывает тов. Яковлев о знаменской ячейке РКП. В ней 17 членов и 2 кандидата, из них только один крестьянин без административных занятий, так-сказать от сохи, остальные—советские чиновники и служащие.

«Состав ячейки определяет ее работу. Ячейка живет как-будто вне села. Вопросы о положении сельского хозяйства *ни разу не обсуждали*... Ячейка ни разу не ставила вопроса о землеусторойстве, хотя отсутствие землеустройства исключает какой бы то ни было серьезный подъем крестьянского хозяйства... Вопрос о положении маломощных крестьян, об условиях найма лошади и сдачи земли, о работе комитета взаимопомощи не обсуждали ни разу» и т. д., и т. п. «Ячейка, как целое, как низовая организация РКП, не существует»...

А между тем, сами члены ячейки заявляли следующее: «Если бы повести настоящую работу среди крестьян, если бы показать заботу об их хозяйстве, о землеустройстве, можно бы много хороших крестьян привлечь в партию, главным образом, из бедняков»... (160 стр.).

В этом заявлении сформулирована подлинная и наиболее существенная задача, стоящая сейчас перед коммунистами в деревне. Если ячейка приступит к ее разрешению, приложится и многое другое, и в частности «честный советский аппарат», в котором, как свидетельствует обследование, в деревне настоятельная нужда.

Мы не имеем возможности подробнее остановиться в брошюре тов. Яковлева, в частности, на его данных о новом в культурной жизни деревни и на роли деревенской интеллигенции: агронома, учителя, землеустроителя.

В этих главах рассеяно много интересных и свежих наблюдений и сделанных на их основе выводов. Отсылаем непосредственно к ним писателя. Лишь пару замечаний.

Тов. Яковлев дал ряд штрихов об отношении деревни к попу, но самого попа упустил совершенно. И это жаль. Этот обломок старого еще очень заслуживает серьезного внимания. Это первое. Второе—об антирелигиозной пропаганде. Тов. Яковлев объем и метод антирелигиозной пропаганды сводит «к систематической постановке естественно-научной пропаганды. Объяснить происхождение града, дождя, засухи, появление вредителей, объяснить и продемонстрировать свойства почвы, действие удобрений—наилучший способ антирелигиозной пропаганды, наилучший способ борьбы с нынешним крестьянским богом».

Другого способа он не указывает, и можно думать, что, по мнению автора, он единственный. Это, конечно, неверно. Исходить, конечно, нужно из быта крестьян. Но нельзя упускать из виду, какую роль в деревнях играли и продолжают играть религиозные «прения» православных и сектантов. Эти прения всегда привлекали большие массы интересующихся. Тем более интерес возбуждается в деревне обсуждением наиболее кардинального вопроса—о существовании бога. Об этом есть достаточно свидетельств.

Антирелигиозная пропаганда, разбор «священных» заблуждений, освещение происхождения религий и т. д.—все это привлекает внимание крестьян, нужно и может быть полезным. Вопрос лишь в уменье правильно подойти к делу. Но это относится не только к религиозному, но и ко всем другим вопросам.

В общем, книжку тов. Яковлева надо рекомендовать самым настоятельным образом всем партийным товарищам и всем передовым рабочим, всем, кто в той или иной степени связан с деревней и деревенской работой.

И. Флеровский.

Ленин и аграрный вопрос в России.

А. С. Мартынов: *Ленин и аграрный вопрос в России.* Издание «Красная Новь» 1924 г., 82 стр. Тираж 20.000 экз.

Тов. Мартынов различает три фазы в отношении Ленина к аграрному вопросу в России: 1) предреволюционная эпоха 1894—1903 гг., 2) первая русская революция 1905—1907 гг. и 3) февральская революция 1917 года и до 1923 года. В трех главах книжки последовательно разбираются эти три периода. Наибольшее место уделяется последнему—февральско - октябрьскому.

В первой главе, кладя в основу ту постановку аграрного вопроса, какую дал тов. Ленин в брошюре 1894 года «Что такое друзья народа, и как они борются против с.-д.?», тов. Мартынов разбирает вопрос, почему при очень *радикальной* аграрной программе, намеченной в указанной брошюре (конфискация без выкупа помещичьих и прочих земель), аграрная программа, предложенная Лениным и принятая II съездом партии, носила *умеренный* характер. Правильно разрешая этот вопрос так, как разрешал его тов. Ленин в период первой революции *) тов. Мартынов недостаточно резко и отчетливо подчеркивает *ошибочность* нашей первой аграрной программы и потому обходит *главную причину* этой ошибочности, а именно *переоценку степени капиталистической диференциации в нашей деревне*,—переоценку, сделанную и тов. Лениным, и всей партией до периода первой русской революции **). Как увидим ниже, обойдя это положение, тов. Мартынов неправильно разрешает вопрос о сущности разногласий по аграрному вопросу между тов. Лениным и Троцким.

Вторая глава, посвященная обзору этой первой революции, представляет наибольший интерес, поскольку в ней тов. Мартынов не только излагает известные мысли тов. Ленина, но и дает свой анализ ряду вопросов. Но именно в этой части главы содержится ряд ошибок, ряд отклонений от ленинских взглядов. Две главнейшие ошибки следующие:

1) Разбирая большевистский лозунг того времени: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», тов. Мартынов задается вопросом: как представлял себе тов. Ленин перспективы *после* победы революции? Отвечая на этот вопрос, тов. Мартынов пишет: «Предполагать, что тов. Ленин в 1905 г. не понимал неизбежных последствий установления режима *диктатуры пролетариата*, что он не понимал, что *эта диктатура* будет гнать революцию за буржуазные пределы, совершенно невозможно» (стр. 39, подчеркнуто нами). Ставя *так* вопрос, тов. Мартынов неизбежно должен был запутаться, что он и сделал: выводы тов. Мартынова, в общем, сводятся к тому, что Ленин представлял перспективы революции 1905 года так же, как и тов. Троцкий, но, как более, чем Троцкий, тактичный политик, Ленин не считал возможным открывать свои перспективы, так как это могло отпугнуть крестьян.

В основе здесь та же ошибка, какую тов. Мартынов делал в 1905 году, а именно непонимание лозунга «революционно - демократическая

*) См. Ленин. „Аграрная программа с.-д. в первой русской революции 1905—1907 гг.“, гл. II: „В чем ошибки прежних программ с.-д“. Изд. 1919 г, стр. 47—50

**) См. Ленин. „Аграрная программа с.-д.“ и т. д, стр. 88—89.

диктатура пролетариата и крестьянства», подмена его лозунгом «диктатуры пролетариата», непонимание разницы, вообще соотношения между революцией буржуазно-демократической и революцией социалистической. Это—старая ошибка тов. Мартынова, являющаяся логической основой всех его (и других меньшевиков) ошибок в 1905 году. Как видим, та же ошибка и *теперь* приводит его к неверным выводам.

2) Касаясь основ спора между Лениным и Троцким, тов. Мартынов пишет:

«Спор между Лениным и Троцким в 1905 году вытекал из того, что тов. Троцкий, в отличие от Ленина, недооценивал огромное значение крестьянства в политической жизни России» (стр. 35). Это правильно. Но дальше тов. Мартынов продолжает:

«Правильно отмечая обнищание и пауперизацию нашей деревни, обремененной непосильными государственными платежами, *он недооценивал элементы капиталистического развития в деревне*» (стр. 35—36, подчеркнуто нами). Это уже совершенно неправильно. Тов. Троцкий, так же, как и меньшевики, совершенно наоборот, *переоценивал* «элементы капиталистического развития в деревне». Глубокая диференциация в среде крестьянства, вытекающая отсюда распыленность его, отсутствие в крестьянстве «единой воли» и проч., и т. п. последствия капитализма в деревне не дают возможности говорить о крестьянстве, как о классе, и опираться на все крестьянство, а выдвигают на первый план задачу классового воспитания пролетарских элементов в деревне и т. д. и т. п.— вот к чему сводились взгляды *и* меньшевиков, *и* тов. Троцкого. Тов. Ленин, наоборот, не отрицая факта диференциации крестьянства, не отказываясь от задачи классового воспитания и организации с.-х. рабочих, говорил, что основными классовыми противоречиями в деревне являются не противоречия капиталистического характера между отдельными слоями крестьянства, а противоречия между крепостниками - помещиками и *крестьянством, как классом феодального общества*. В основе споров между Лениным и Троцким (и всеми меньшевиками) лежало именно *такое* понимание крестьянской экономики. Тов. Мартынов дает диаметрально противоположное освещение.

Третья глава, посвященная февральской и октябрьской революциям, носит более повествовательный, чем аналитический характер. Это понятно: еще не пришло время, когда можно было бы удариться в историзм по поводу нашей теперешней революции. Однако, и здесь тов. Мартынов допускает одну грубейшую ошибку.

Еще во второй главе, касаясь все тех же споров с тов. Троцким, тов. Мартынов, между прочим, говорит:

«Это был тот же спор, который еще позже... Ленин вел против тов. Троцкого, доказывая ему, что у нас в России не «рабочее государство, а рабоче - крестьянское», к тому же с бюрократическими извращениями» (стр. 36).

В третьей главе, тов. Мартынов опять повторяет:

> «...Ленин... многозначительно (!?) напомнил, что в России «на деле» не рабочее государство, а рабоче-крестьянское, и притом осложненное бюрократическим извращением» (стр. 69).

Это извращение Ленина, извращение тем более недопустимое, что *сослаться* на незнакомство с работами Ленина т. Мартынов, конечно, не может. Приведенная т. Мартыновым цитата из Ленина

сказана последним в речи от 30 декабря 1920 г., помещена она в XVIII томе сочинений Ленина, тоже вышедшем давно. Цитату легко найти на стр. 12-й. А на стр. 33-й того же тома, в статье «Кризис партии», статье, относящейся к той же дискуссии о профсоюзах и помеченной 21 января 1921 года, есть такое место:

«Говоря о дискуссии 30 декабря, я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское». Тов. Бухарин сразу же воскликнул «какое?» А я в ответ ему сослался на только-что закончившийся VIII съезд советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был неправ, а тов. Бухарин прав. Мне надо было сказать: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (подчеркнуто везде мной.—И. С.).

Как мог тов. Мартынов, ссылаясь на слова Ленина о том, что «наше государство рабоче-крестьянское», цитируя соответствующие выдержки из Ленина, замалчивать, не цитировать приведенной выше мной выдержки из того же Ленина? Таких приемов, особенно когда дело касается такого важного вопроса, как сущность нашего, советского, государства, практиковать не следует. Если тов. Мартынов не согласен с Лениным 21 января 1921 года, а более согласен с Лениным 30 декабря 1920 года, он должен был об этом заявить прямо и изложить основания таких взглядов.

Нам требуется изучение Ленина. Требуется передача его в понятном для масс, но не извращенном, виде. Нам больше чем что-либо другое требуется основательное изучение работ Ленина по аграрному вопросу. Разбираемая книжка тов. Мартынова только в том случае будет отвечать в полной мере этому жизненному требованию, если тов. Мартынов тщательно исправит ее, удалив важнейшие ошибки.

Ив. Струев.

О Владимире Ильиче.

Н. К. Крупская—«О Владимире Ильиче». Изд-во «Красная Новь».

Эту маленькую книжку в 24 страницы спокойно нельзя читать. В ней помещены статьи и речи тов. Крупской, уже появлявшиеся в печати. Но собранные вместе, они создают цельный незабываемый образ, они производят сильнейшее впечатление. Бесспорно, это лучшая книжка о личности В. И. Ленина. Тов. Зиновьев уже отмечал, что в трагические дни смерти Владимира Ильича именно Надежда Константиновна нашла на торжественном заседании II Съезда Советов самые нужные слова...

Вот некоторые характерные места из книжки. В статье «О Владимире Ильиче» (стр. 12) тов. Крупская пишет:

> «О Владимире Ильиче очень много пишут теперь. В этих воспоминаниях Вл. Ильича часто изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя».

Книжка т. Крупской тем, между прочим, и ценна, что она просто, по-человечески рассказывает о великом человеке. В этом смысле она может служить образцом для всех, кто вздумал бы писать о Ленине.

Располагая такой книжкой, как книжка тов. Крупской, мы тем самым имеем твердую основу для борьбы со всякими попытками искажения образа нашего вождя, будет ли это в статьях, очерках или художественной литературе.

Что в широких непролетарских кругах о Ленине-человеке существует самое фантастическое представление,—это общеизвестно. Но зачастую даже в близкой к нам среде мы сплошь и рядом наталкиваемся на непонимание основных личных черт Владимира Ильича. Например, нередко можно встретить взгляд, что Ленин был человеком слишком «жестким», даже «бессердечным», что тонкие движения души ему были чужды... Надежда Константиновна рассказывает о глубокой личной привязанности к товарищам по работе, как об одной из характернейших черт Валдимира Ильича. Но,—замечает она,—

> «личная привязанность к людям никогда не влияла на политическую позицию Вл. Ильича. Как он ни любил Плеханова или Мартова, он политически порвал с ними (политически порывая с человеком, он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой), когда это нужно было для дела.
>
> Но личная привязанность к людям делала для Вл. Ильича расколы неимоверно тяжелыми. Помню, когда на втором съезде ясно стало, что раскол с Аксельродом, Засулич, Мартовым и др. неизбежен, как ужасно чувствовал себя Вл. Ильич. Всю ночь мы просидели с ним и продрожали. Если бы Вл. Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано».

Далее тов. Крупская подчеркивает снова, что «меньше всего был Ильич... тем добродетельным мещанином, каким его иногда теперь изображают». Партия обязана внимательно следить за тем, чтобы литература о Ленине, в особенности предназначенная для широкого распространения, была безусловно доброкачественна, чтобы Ленина не изображали «добродетельным мещанином». Отделы печати и агитпропы наших партийных комитетов должны принять особые меры против опошления и извращения образа Ленина в огромной и разнообразной литературе—центральной, областной, уездной. Строжайший критический разбор выходящей литературы о Ленине—важнейшая задача нашей руководящей печати...

Книжка тов. Крупской отпечатана в количестве 25.000 экз. Но она должна быть распространена в миллионах экземпляров. Лучшей массовой книжки о Ленине у нас нет и в ближайшее время вряд ли будет. Ее можно и нужно дополнить кратким биографическим очерком, и тогда она будет совершенно незаменимой. Книжка доступна всякому грамотному человеку. Книжка нужна всем интересующимся личностью Ленина, всем, от беспартийных рабочих и крестьян, до самых «ответственных работников» включительно.

Книжка тов. Крупской должна быть переведена на иностранные языки для самого широкого распространения во всем мире.

Ил. Вардин.

Несовременный „Современник".

(«Русский Современник». Литературно-художественный журнал, издаваемый при ближайшем участии М. Горького, Евг. Замятина, А. Н. Тихонова, К. Чуковского, Абр. Эфроса. Ленинград, 1924 г. Книга первая. Стр. 349. Тираж 5.000 экз.).

Еще XI съезд партии отметил, что в условиях нэп'а буржуазия неизбежно будет пытаться использовать в своих интересах такие области, как высшая школа, художественная литература и т. д. До сих пор, однако, художественные идеологи старой и новой буржуазии не выступали в пределах Советского Союза сплоченным отрядом. Они пытались поодиночке просочиться в наши партийно-советские журналы, альманахи и издательства. Они пытались распространять свои мысли и настроения под маркою советских органов. Ныне перед нами—выступление буржуазной литературы уже в открытом виде, без забрала, в качестве организованного отряда. № 1 журнала «Русский Современник». как-раз представляет из себя первое выступление этого отряда.

Сотрудников «Русского Современника» можно разбить на две основных категории: на неприемлющих и «приемлющих» революцию. Это деление проходит красной нитью через все отделы журнала. Остановимся первоначально на первой категории.

Прежде всего бросаются в глаза по обыкновению талантливые, сжатые и энергичные стихи Анны Ахматовой. Гибнет и рушится грешный Содом. Праведник Лот с семьею, не оглядываясь на погрязший в разврате город, идет за посланником бога. Но его жена, слишком сросшаяся с Содомом, не может так легко расстаться с ним. Тревога говорит ей:

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Жена Лота, как известно, жестоко поплатилась за эту привязанность к прогнившему миру: она превратилась в соляной столб.

Кто женщину эту оплакивать будет,
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Можно ли желать более откровенного и недвусмысленного признания в органической связанности с погибшим старым миром? Можно ли желать еще более отчетливого доказательства глубочайшей нутряной антиреволюционности Ахматовой? Ахматова—несомненная литературная внутренняя эмигрантка. И подумать только, что высокопросвещенному ком-меценату Н. Осинскому два года назад упорно хотелось разглядеть у этой последовательной и последней поэтессы дворянства какие-то проблески революционности! Надеюсь, что после стихов, помещенных в «Русском Современнике», даже тов. Осинский бросит разговорчики о близости к нам ахматовской поэзии.

Не менее определенен и матерой упадочник Федор Сологуб. Автор «Навьих чар» горько сетует на совершающиеся гигантские сдвиги:

Не слышу слов, но мне понятна
Твоя пророческая речь.
Свершившееся—невозвратно,
Здесь ничего не уберечь!

Однако, для Соллогуба не все потеряно. Есть еще надежда, что, несмотря на революцию, в конце-концов, все останется по-старому

Душа, как птица, мчится мимо
Ночей и дней, вперед всегда,
Но пребывает невредимо
Времен нетленная чреда.
Напрасно бледная Угроза
Вооружилася косой,—
Там расцветает та же роза
Под тою ж свежею росой.

Однако, видимо, эта философская надежда мало успокаивает. Эпоха крушения старого мира слишком властно напоминает о себе:

Безумствует жестокий рок,
Ничья вина не искупима.
Изнемогающий пророк!
Судьба к тебе неумолима.
На склоне утомленных дней
Последнюю познал ты сладость,—
Тебя сжигающих огней
Мучительную, злую радость.
Вся безнадежность так ясна!
Так вся безвыходность знакома!
И в шелестиных голосах
Все то же бормотанье рока,
И в этих бледных небесах
Мерцанье горького упрека.

Я сделал такие большие выдержки из этих стихов потому, что стихи Сологуба являются чрезвычайно интересными, политическими документами (в художественном отношении они мало ценны и далеко уступают старым стихам хотя бы того же Сологуба). Дело не в том, что Сологуб в этих стихах сознательно проклинает Октябрьскую революцию, Советскую власть и т. д. Может-быть, он и имел в виду такие политические цели, а, может-быть, он менее всего думал касаться политики. Но как бы там ни было, в этих двух стихотворениях прекрасно передано, как воспринимают нашу эпоху осколки старого барства и связанных с ним слоев интеллигенции.

Не меньшей антиреволюционностью отличается и «Рассказ о самом главном» Евгения Замятина. Судьба червяка, судьба революции и судьба какой-то фантастической гибнущей планеты,— все это поста-

влено в один мистический ряд, тонко подчеркивающий, что наша героическая борьба ни на йоту не значительнее судьбы червяка, и что вообще все наши дела—ничто перед мистической властью космоса. К этому надо добавить явное обессмысливание конкретных проявлений классовой борьбы, огромную порцию интеллигентской рефлексии и фальшивое изображение коммуниста. Впрочем, чего иного можно ждать от Замятина?

А София Парнок пытается в конце журнала подвести теоретическое обоснование под контр-революционные писания Ахматовой, Сологуба и Замятина:

> Ну, а что, если вдруг окажется, что такая одинокая, такая «несегодняшняя» Ахматова будет современницей тем, кто придут завтра и послезавтра?
>
> А что, если взяткой сегодняшнему дню откупаешься от вечности?... Разве так уж ненужна вам вечность, поэты сегодняшнего дня?

Эти строки, полемизировать с которыми не стоит труда, доказывают, что появление в журнале контр-революционных по существу произведений—отнюдь не случайность. Значительная часть сотрудников «Русского Современника»—дети старого мира, у которых—«все в прошлом», которые только и живут мечтами об этом старом мире. Недаром во втором своем стихотворении Ахматова с таким пафосом повествует о фантастической пирушке пяти лежащих в земле джентльменов и лэди. Воистину, стихи Сологуба и Ахматовой и рассказ Замятина, это—заздравные тосты на вечеринке мертвецов:

> Хозяин, поднявши полный стакан,
> Был важен и недвижим:
> «Я пью за землю родных полян,
> В которой мы все лежим».

«Русский Современник» менее всего современен. К нему скорее применимо название, данное своим статьям 1917 года одним из ближайших сотрудников нового журнала Максимом Горьким,—«Несвоевременные мысли».

Но рядом с писателями старого мира, рядом с плакальщиками о дореволюционной России, мы находим в «Русском Современнике» и ряд так-называемых попутчиков, т.-е. писателей, если и не революционных, то, во всяком случае, «приемлющих» революцию. Тут фигурируют Пильняк, Горький и т. д. Что объединило их с Ахматовой и Сологубом? На это нетрудно ответить. Великорусский национализм,—вот платформа, на которой сошлись и обменялись рукопожатиями Ахматова и Горький, Чуковский и Пильняк. Самое название журнала подчеркивает его националистический уклон. «Русский Современник»! Не говоря уже о термине «пролетарский» (этого никто и не требует), хотя бы поставили «Советский», наконец, «Российский». Нет, именно русский! Где уж тут говорить о Советском и Российском, когда Алексей Вагин печатает в журнале сильное стихотворение, очень напоминающее империалистические песни Редиарда Киплинга,—целый восторженный гимн завоеванию диких племен новгородскими ушкуйниками, этими пионерами торгового капитала!

Действительно, произведения, «приемлющие» революцию, носят в «Современнике» определенно националистический характер и далеки от подлинной революционности. Борис Пильняк в наброске «Два рассказа» попрежнему подходит к Октябрьской революции, как к стихийному мужицкому бунту. То, что русская революция победила только благодаря руководству пролетариата, то, что в России совершается «первая в мире машинная революция», все это Пильняк понял (если понял) лишь головой. Творчески он этого не прочувствовал, художественно не воплотил. Слепая стихия, земляная тяга, которой в былине так и не одолел удалой Вольга Святославович,— вот что выпирает у Пильняка, вот что заслоняет всю революцию. Такое восприятие революции—безусловно искаженное восприятие.

Нечего и говорить, что тем же грехом больны и бесконечные перепевы Николая Клюева, безуспешно пытающегося в течение шести лет окулачить и революцию, и Ленина.

Очень удачно сформулировал основы такого подхода к революции пресловутый Корней Чуковский в своей статье об А. Н. Толстом:

> «Лишь через патриотизм пришел Алексей Толстой к революции, иначе не мог,— пробовал, но ничего не выходило: старые липы были вырублены таким озорным топором, что от них даже пней не осталось. Алексей Толстой, оглянувшись, увидел, что вокруг одно только Дикое поле. И всей своей очень русской кровью почувствовал, что это Дикое поле родное, что озорная рука, вырубавшая старые липы, тоже не чужая ему. Ощутил это именно кровью, безо всяких теорий—не умом, а хребтом, и все в русской революции стало ему понятно и близко. Если революция—Россия, значит, революция прекрасна. Всякий иной подход к революции был бы у Алексея Толстого неискренен. Он любит ее лишь постольку, поскольку видит в ней национальные черты».

Разумеется, было бы совершенно бесполезно искать у Чуковского,—этого фельетонного идеалиста, социологического объяснения своеобразного восприятия революции у Толстого, но самый факт подмечен чрезвычайно верно.

К сожалению, и другой ближайший сотрудник журнала Максим Горький не менее далек от понимания подлинного смысла нашей эпохи. Давно прошли те времена, когда Горький был славным «буревестником» первой революции, когда он пел славу «безумству храбрых», когда он в драме «Враги», в повести «Мать» пытался стать на точку зрения рабочего класса. Ныне—это размагниченный интеллигент, сердито ворчащий на революцию и не понимающий ее. Статья Горького о Ленине содержит массу ценного фактического материала, но какое непонимание Ленина и ленинского дела обнаруживает в ней Горький! Я не имею здесь достаточно места, чтобы подробно останавливаться на этой любопытнейшей статье, но несколько примеров горьковского подхода к Ленину все-таки надо привести:

> «Человек изумительно сильной воли, он был, во всем остальном типичным русским интеллигентом. Он в высшей степени обладал качеством, свойственным лучшей русской интеллигенции—самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуро-

дования, до рахметовских гвоздей, отрицания искусства, до логики одного из героев Л. Андреева:

«Люди живут плохо,—значит, я тоже должен плохо жить».

Тов. Н. К. Крупская уже достаточно категорически опровергла обывательскую болтовню об аскетизме Ленина, и нет нужды особо возражать Горькому. А чего стоит такая снисходительно - высокомерная тирада по адресу Ильича:

«Может-быть, Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно и считал ее слишком легко устранимой,— так же легко, как легко устранима вся внешняя грязь и неряшливость русской жизни».

Неудивительно после этого, что Ильич смотрел на Горького «с явным сожалением», что горьковские ходатайства о людях вызывали у Ленина «жалость» к Горькому, «почти презрение».

Общая физиономия журнала ясна. Он объединяет или писателей, не приемлющих революции и тоскующих по старому миру, или писателей, «приявших» национальную и мужицкую сторону революции. И совершенно непонятно, что здесь делает Бабель, как в эту реакционную компанию затесался действительно революционный поэт Н. Асеев. Сотрудничество последнего (ай да «левый фронт»!) в «Русском Современнике» не может быть оправдано ничем, ибо политически «Русский Современник» означает не что иное, как блок художественных идеологов господствовавших до революции классов с художественными идеологами новой буржуазии, мечтающей об обволакивании и буржуазном «перерождении» Советской власти. И совершенно безразлично, сознают ли Горький, Ахматова, Пильняк и др. свою объективную роль. Это появление на идеологическом фронте открытого литературного отряда буржуазии является фактом большого политического значения,—фактом, который требует немедленных и серьезных шагов в целях противопоставления фронту Замятиных, Чуковских, Сологубов, Пильняков, фронта пролетарской и революционной литературы.

В заключение, я считаю необходимым кратко остановиться на некоторых моментах, затронутых в статье Б. Эйхенбаума «В ожидании литературы». Эйхенбаум—один из видных работников «Опояз'а» (общества изучения поэтического языка), один из видных представителей формального метода художественной критики. По авторитетному разъяснению Б. Арватова, Эйхенбаум, вместе с Жирмунским, составляет в Опояз'е «крайнюю правую, стоящую на точке зрения полного обособления поэзии от критики» *). Этот заведомо идеалистический и чуждый нам критик стремится в своей статье доказать, что социологическая критика зашла в тупик, и выход—только в формальном методе. Между прочим, Эйхенбаум в своей статье касается литературной дискуссии, происходящей сейчас между различными группами писателей-коммунистов. Вот что пишет он о книгах тов. Воронского:

«Воронский начал с очень резких и решительных статей, но постепенно тон его стал смягчаться. Из прокурора или судебного следователя Воронский превратился в своего рода правозаступника современной литературы — особенно, когда ему пришлось вступить в полемику с «вульгарными марксистами» из журнала «На Посту». Он не хочет и не может рубить с плеча, как делают «напостовцы», потому что видит, что факты противоречат схемам, но выйти из этих схем тоже не может. Тем самым, позиция его становится двойственной, а статьи его—не столько критическими, сколько просветительными и защитительными. Он прибегает к помощи Белинского и начинает старательно доказывать, что искусство—познание жизни, что оно дает объективные истины и т. д. Вопросы эти не так просты, чтобы можно было их разрешить ссылками на Белинского. И что же тогда остается от марксизма?

В борьбе с «напостовцами» Воронский, в конце - концов, дошел почти до формализма, от которого был прежде очень далек».

*) См. „Печать и Революцию", № 7 за 1923 г., стр. 59.

Приведя далее цитату из книги тов. Воронского о недопустимости подмены оценки писателя оценкой идеологии, Эйхенбаум далее пишет:

«Да, нам к этому нечего прибавить, но, ведь, сам Воронский не так давно (1922 г.) упрекал Зощенко за его идеологическую неопределенность».

Статья Эйхенбаума—серьезнейшее предостережение некоторым нашим партийным критикам, теряющим отчетливость классовой постановки вопроса.

Г. Лелевич.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

Что нужно ИЗБЕ-ЧИТАЛЬНЕ?

КНИГИ, ГАЗЕТЫ, ПЛАКАТЫ и ДРУГОЙ ИНВЕНТАРЬ!

Где его достать?

ГЛАВНЫЙ ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РЕСПУБЛИКИ

СНАБЖАЕТ

ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ

комплектами и инвертарем, содержащими книги по политграмоте, обществоведению, прикладным знаниям, сельскому хозяйству, кооперации, естествознанию, истории и географии, медицине и ветеринарии и проч., журналами и газетами на год, портретами, плакатами и географическими картами, справочным материалом, пособием по ликнеграмотности и малограмотности, письменными принадлежностями, играми и т. д.

Комплекты ТРЕХ ТИПОВ для НИЗШЕГО, СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ТИПА изб-читален

Стоимость комплекта для I-го типа **60** руб., для II — **110** руб., для III — **145** руб. (по оптовой цене).

РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА на ГОД и СВЫШЕ (по условию).

ЗАДАТОК ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЛЕКТА
ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ СТОИМОСТИ.

Перепродажа комплектов преследуется законом, как за продажу государственного имущества.

ИЗБЕГАЙТЕ ПОСРЕДНИКОВ!

Требуйте каталог, бланк договора и условие подписки:

МОСКВА, Сретенский бульвар, 6, Юшков пер., Главполитпросвет, Секретариат, ФОНД ИНВЕНТАРИЗАЦИИ.